ЛЕФОРТ

Н.И. Павленко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Н.И. Павленко
ЛЕФОРТ
ЖЗЛ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Уроженец Женевы Франц Лефорт (1656—1699) оставил глубокий след в истории России. Один из ближайших сподвижников Петра, генерал и адмирал русской службы, первый посол Великого посольства, он оказал огромное влияние на формирование личности царя Петра I и, можно сказать, стоял у истоков европеизации России. Имя Лефорта до сих пор носит один из районов Москвы. О судьбе этого необыкновенного человека и его роли в Петровских преобразованиях рассказывается в новой книге старейшего автора серии «Жизнь замечательных людей», признанного классика историко-биографического жанра Николая Ивановича Павленко.

- Н.И. Павленко
  -
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Глава первая.
  - Глава вторая.
  - Глава третья.
  - Глава четвертая.
  - Глава пятая.
  - Глава шестая.
  - Глава седьмая.
  - Глава восьмая.
  - Глава девятая.
  - Глава десятая.
  - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ Ф.Я. ЛЕФОРТА
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
  - 1

    - 2
    - 3
    - 4
- comments
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37
    - 38
    - 39
    - 40

- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84

- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128

- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172

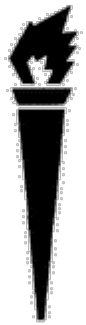
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184

Н.И. Павленко
ЛЕФОРТ

Жизнь ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким



ВЫПУСК
1384
(1184)

«Молодая гвардия», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1717 году, будучи во Франции во время своего второго заграничного путешествия, Петр спросил у регента малолетнего короля Людовика XV, имеются ли у него друзья. Тот начал называть фамилии министров. Царь прервал регента:

— Это подданные, а не друзья.

У самого Петра друзья имелись. Под друзьями он подразумевал близких ему людей. К их числу относились Франц Яковлевич Лефорт и Александр Данилович Меншиков.

Этих двух вельмож роднила прежде всего преданность Петру. Во всем остальном они существенно отличались друг от друга.

Меншиков, как известно, был неграмотным. Лефорт, напротив, был образованным человеком. Он, правда, не мог похвастаться блестящим образованием, но на фоне отечественных грамотеев отличался разносторонними познаниями.

Меншиков прославился фантастической алчностью. Ко времени своего падения в 1727 году он владел почти 150 тысячами душ крепостных, слыл по богатству вторым после царя человеком в России. Свое богатство Александр Данилович сколотил грубым захватом чужих земель и живших на ней крестьян, мздоимством, грабежом казны, выпрашиванием пожалований у царя и царицы. Лефорт же был бессребреником. Он не использовал близость к царю для безнаказанного грабежа казны и подданных. Не выпрашивал он пожалований у своего приятеля-царя, довольствуясь его щедростью, не вымогал взяток у лиц, которым оказывал разного рода услуги, и после своей смерти оставил вдове долги, которые пришлось выплачивать самому царю.

Меншиков отличался безграничным честолюбием — он выпрашивал у Петра I и Екатерины I чины и звания, перечень которых занимает целую страницу печатного текста. Его мечта состояла в том, чтобы породниться с царствующей династией, выдать свою дочь замуж за малолетнего императора Петра II. Он едва не добился этого брака, и только болезнь помешала ему осуществить свой план. Лефорт тоже не был обделен чинами. Но он не выпрашивал их, а получал по инициативе самого царя.

Было и еще одно отличие Лефорта от Меншикова — пожалуй, главное. Оно состояло в том, что Александр Данилович — при всех своих недостатках — принадлежал к числу лиц государственного масштаба. Он прославился на военном поприще победой у Калиша, внес весомый вклад в разгром шведов под Полтавой, обладал талантами администратора, занимал

должности столичного губернатора и президента Военной коллегии. Франц же Яковлевич не вмешивался в дела внутренней и внешней политики и оказывал влияние на венценосного приятеля преимущественно в сфере нравственности и морали.

Сближало же Меншикова и Лефорта одинаковое к ним отношение современников. Когда они пользовались дружбой с царем, перед ними гнули спину, заискивали, им угождали, а после их падения (в случае с Меншиковым) или смерти (в случае с Лефортом) о них забыли, причем к Лефорту это относится даже в большей степени, чем к Меншикову. Лефорт был иностранцем, а на иностранцев в то время смотрели весьма подозрительно.

Самую негативную оценку Лефорту дал его современник, князь Б. И. Куракин. Он называл Лефорта виновником европеизации России, которую считал великим бедствием для страны. Лефорт, писал Куракин в своем незаконченном сочинении об истории России, «был человек ума великого, а особливо остроты, но к делам неприлежный, понеже любил забавы, а особенно склонен был к питию, и оной был первым, который начал с офицерами и купцами-иноземцами обходиться. И по той своей склонности к иностранцам оный привел в откровенность ко двору и царское величество склонил к ним в милость». В другом месте сочинения Куракина обнаруживаем еще более негативную оценку влияния Лефорта на Петра: «Помянутый Лефорт был человек забавный и роскошный или назвать дебошан французской и непрестанно давал у себя в доме обеды, супе (ужины. — Н.П.) и балы. И тут в его доме первое начало учинилось, что его царское величество начал с дамами иноземскими обходиться, и амур начал первой быть к одной дочери купеческой, названной Анна Ивановна Монсова. Правда, девица была изрядная и умная. Тут же в доме Лефорта началось дебошство, пьянство великое, что невозможно описать, что по три дни, запершись в том доме бывали пьяны, и что многим случалось от того умирать. И от того времени и по сие число и доныне пьянство продолжается и между великими домами в меру пришло. Помянутый же Лефорт с того времени пришел до такого градуса, что учинен был генералом от инфантерии, а потом и адмиралом, и от пьянства скончался».

«В то ж время фавор к Лефорту продолжался, — писал Куракин ниже, — токмо был для одних вечеринок и пиров, и в делах оной Лефорт силы не имел и не мешался, и правления никакого не имел, токмо имел чин адмирала и генерала от инфантерии. И понеже был человек слабого ума, не канатель (не способен. — Н.П.) всех тех дел править по своим чинам, то все управляли другие вместо его». И вновь о том же; «Помянутый

Лефорт и денно и нощно был в забавах, супе, балы, банкеты, картежная игра, дебош с дамами и питье непрестанное, оттого и умер во время своих лет под пятдесят»[1].

Диаметрально противоположную оценку Лефорту дали современники-иностранцы, среди которых наиболее обстоятельная характеристика царского любимца принадлежит секретарю австрийского посольства Иоганну Корбу, автору «Дневника путешествия в Московию (1698 и 1699 годы)» и барону Бломбергу, автору «Описания Лифляндии».

«Господин Франц Яковлевич Лефорт, — писал И. Г. Корб, — генерал первого выборного полка Московии и адмирал флота, женевец по происхождению, прибыл двадцать лет тому назад с двумя товарищами по Белому морю в Московию поискать счастья и обрел то, чего искал. В восемьдесят восьмом году (в действительности 1689-м. — Н.П.) вспыхнула революция, и их царские величества удалились, как в безопасное убежище, в монастырь по имени Троица, спасаясь от всенародного и кровавого неистовства стрелковых солдат, именуемых иначе стрельцами; они свирепствовали в слепой и беспорядочной жестокости, без всякого разбора лиц и положения… В то опасное время, когда колебалась верность не одного человека при соображении, чью сторону принять, потому что еще нельзя было предвидеть исхода бури; когда фортуна как бы еще сомневалась, кому достанется столь огромное владычество, в это-то нерешительно-роковое время Лефорт поспешил с немногими из своих солдат к Троице. Благодаря такому никогда ничем не омраченному шагу верности в опаснейшем положении, возвысился он на ту степень царской любви, которую даже несправедливость завистников должна признать заслуженною.

Фортуна сталкивала в конце концов со своего колеса очень многих, долго наслаждавшихся блеском царской дружбы и на него она иногда посылала волнения и бури; тем не менее мы видели, что расположение царя к нему осталось неизменным даже после смерти, служа предметом сильной зависти для всех туземцев… Может быть, Лефорт предпочитал бы иметь иные доказательства сильной любви и привязанности к нему царя, но он не мог бы даже и желать более несомненных признаков, чем те, которые он получил. Он указал царю путь к истинной славе тем, что, несмотря на противодействие всего совета бояр, воспламенил его душу благородным стремлением к воинской доблести… Он же посоветовал царю отправить последнее блестящее посольство, замыслив его в весьма удобное время… По его совету нынешний царь даровал свободу иностранцам приезжать и уезжать обратно, что прежде было им запрещено… В

общем он располагал к себе царя верностью, равных себе — услужливостью, всех — ласками и умеренно пользовался могуществом, которым был силен»[2].

Известный инженер Джон Перри, нанятый Петром в 1698 году для руководства рытьем канала между Волгой и Доном, был, как и Корб, современником Лефорта лишь в последний год его жизни. В своем сочинении «Состояние России при нынешнем царе» он уклонился от общей оценки степени влияния женевца на царя, но отметил одаренность Лефорта, а также его влияние на любовь монарха к мореплаванию. «Человек этот весьма деятельный и даровитый, — пишет он о Лефорте, — обратил на себя внимание царя… С этого времени он приблизил его к своей особе, чрезвычайно полюбил и находил большое удовольствие в частных беседах с ним, расспрашивая его о странах, в которых он жил, о военных порядках, об устройстве армии, о морских силах, о богатстве и торговле, распространенных по всей Европе, а оттуда и по всему свету посредством мореплавания. Вследствие этого царь приказал сначала для своей потехи построить суда с мачтами, парусами и пушками на Переславском озере, невдалеке от Москвы, и часто потешался, плавал по этому озеру и устраивал потешные морские сраженья, в которых лично участвовал, начальствуя в качестве шкипера; с тех пор он усвоил себе это наименование»[3].

Другой иностранец, барон Бломберг, в своем «Описании Лифляндии» дал Лефорту столь же лестную характеристику. Барон наблюдал за царем и великими послами во время встреч с ними в Митаве и кое-что о прошлой жизни Лефорта узнал, вероятно, от него самого. Свое сочинение Бломберг оформил в виде писем. Характеристика Лефорта помещена в XV письме:

«Глава посольства г. Лефорт, женевец, имевший удачу составить себе положение в Московии. Он так прочно утвердился на той высоте, которой он достиг, что его государь всецело предоставил ему руководство всеми делами, даже руководство собственным поведением, и теперь этот фаворит ведет его как бы в триумфе по большей части дворов Европы.

Надо полагать, что этот человек дал много доказательств своей верности, твердости, храбрости и опытности, чтобы вознестись на такую вершину величия, какой он достиг у народа столь варварского, столь недоверчивого и столь вероломного, как московиты. Я нашел, что фаворит — человек очень разумный, приветливый и привлекательный; разговор с ним очень приятен, это настоящий швейцарец по честности и храбрости и особенно по умению выпить. Однако никогда не дает вину овладеть собой и всегда сохраняет обладание рассудком. Он так мало заботится о

своих собственных выгодах, что, как он мне сам говорил, он не владеет ничем в собственности, и все, что у него есть, принадлежит царю, которому он часто заявляет, что его кошелек и жизнь всегда в распоряжении царя. Он старается сообщать своему государю благородные чувства и внушать ему смелые, обширные и великие планы. Главная цель их путешествия — пригласить христианских государей продолжать войну против турок в надежде не менее как на завоевание Константинополя.

По совету г. Лефорта царь осаждал крепость Азов, которую он счастливо взял; там он находился вблизи неприятелей и подвергался огню из пушек».

Надо сказать, что утверждение барона Бломберга, что именно Лефорт убедил царя в том, что не у Перекопа, а у стен Азо-ва заложен успех в прекращении набегов крымцев на русские и украинские территории, лишено всякого основания. Как известно, эту мысль подсказал Петру другой иноземец на русской службе — Патрик Гордон.

Гиперболизация роли Лефорта в истории России присуща и авторам более позднего времени. Д. И. Педраццини, например, озаглавил статью, в которой рассматривается роль Ф. Лефорта в строительстве военно-морского флота России, так, что читателю навязывается мысль о том, что именно Лефорт был создателем русского флота: «Франц Лефорт (1656—1699), создатель Российского военно-морского флота». Автор статьи сделал этот вывод на том формальном основании, что Лефорту первому в России был пожалован чин адмирала. Если, однако, чин генерала Лефорт оправдывал участием в Крымских и двух Азовских походах, последний из которых закончился взятием Азова, то к созданию Воронежского флота любимец Петра не имел никакого отношения. Как увидим мы из дальнейшего изложения, не участвовал Лефорт и в морских сражениях.

Еще одно свидетельство о Лефорте принадлежит перу тайного агента венецианского дожа при Бранденбургском дворе. Его характеристика, хотя и поверхностная и страдающая неточностью, все же достойна упоминания для полноты картины. Тайный советник писал, что Лефорт стал фаворитом царя после того, как спас его после падения из кареты. Агент далее извещал венецианского посла в Вене о том, что Лефорт ввел в Московии некоторые новшества в дамском туалете — по его совету дамы стали носить на голове новые уборы. В то время как это мелкое новшество удостоено в донесении агента подробного описания, о важных новациях, исходивших от Лефорта, сказано в общей форме, без раскрытия их содержания: «Учинял многие перемены в государственном устройстве»[{4}].

Итак, если придерживаться оценок Лефорта, которые содержатся в сочинении Б. И. Куракина, то перед нами предстает человек хотя и одаренный умом, но легкомысленный, оказавший вредное влияние на царя и, в частности, приучивший его к излишнему употреблению горячительных напитков. И. Г. Корб и барон Бломберг, напротив, полагали, что Лефорт оказывал на Петра исключительно благотворное влияние и лишь по его совету царь совершил Азовские походы и отправил за границу Великое посольство. Короче, все новшества, введенные царем в 90-е годы XVII столетия, были осуществлены по советам Франца Лефорта.

Справедливость обеих оценок крайне сомнительна, и автор надеется, что читатель по прочтении данного сочинения убедится в этом. Односторонность оценок в конечном счете выглядит как предвзятость. Куракин в своем отзыве о Лефорте ничего положительного в нем не обнаружил, а современники-иностранцы не обнаружили ничего отрицательного, причем явно преувеличили степень влияния Лефорта на царя.

Так каким же было действительное влияние Франца Лефорта на Петра? Какова истинная роль предприимчивого женевца в истории России? Ответы на эти вопросы читатель найдет в книге.

Нельзя не отметить, однако, что при написании биографии автор испытывал весьма серьезные трудности, обусловленные отсутствием источников, которые освещали бы повседневную деятельность Лефорта в России. Дело в том, что отношения между Петром и Лефортом строились на личном доверии, а это зачастую не оставляло следов на бумаге. Лефорт имел звания генерала и адмирала, а также первого лица в Великом посольстве, тем не менее в его подчинении отсутствовало учреждение, регистрировавшее его поступки, распоряжения и донесения о их выполнении. Единственным источником, отражающим жизнь и деятельность Лефорта в России являются его письма к родственникам и письма родственников, проживавших в России, а также свидетельства современников. Но перечисленные источники, за исключением «Дневника» П. Гордона, страдают двумя недостатками: во-первых, они не отражают повседневной жизни и деятельности Франца Яковлевича; во-вторых, в них легко обнаружить временные пробелы, исчисляемые месяцами и даже годами. Так, отсутствуют источники, отражающие участие Франца Яковлевича в первом Крымском походе В. В. Голицына, в строительстве Воронежского флота после взятия Азова; ничего не известно о конкретной деятельности первого посла в Великом посольстве, о его позитивной деятельности после возвращения посольства в Россию.

Этим объясняются существенные пробелы в жизнеописании

героя нашего повествования.

Глава первая.
БУРНЫЕ ГОДЫ ЮНОСТИ

Франсуа Лефорт родился 2 января 1656 года в семье торговца скобяными и москательными товарами в городе Женеве. Его протестантские предки, преследуемые католиками, вынуждены были бежать из Пьемонта и в середине XVI века оказались в Швейцарии[1]. Франсуа был четвертым сыном и последним, восьмым ребенком в семье Жака и Франциски Лефортов. Его отец вел обширную торговлю с Марселем, Лионом, Франкфуртом, Амстердамом, занимал почетные административные должности в Женеве. Франсуа, младший ребенок в многодетной семье, как это часто бывает, пользовался особым расположением родителей, и именно ему отец намеревался передать торговое дело.

В детские годы образованием Франсуа занимался домашний учитель, а затем до четырнадцатилетнего возраста он обучался в коллегиуме. После коллегиума отец отправил младшего сына в Марсель, где он должен был под руководством знакомого купца приобрести навыки ведения торговых дел.

Занятие торговлей оказалось Франсуа не по душе. Он мечтал о военной службе, а потому бежал от хозяина и в 1671 году поступил в роту гарнизона. Лефорт носил военный мундир несколько месяцев, пока не был вызван отцом в лоно семьи в Женеву. Здесь он по настоянию отца все-таки занялся торговлей. Однако роль сидельца в лавке Франсуа быстро опостылела. Его не покидала мечта о военном мундире, о подвигах на поле брани, ему мерещилась жизнь, насыщенная приключениями. То ему грезилось, что он захватывает в плен десяток неприятельских солдат, то спасает своего командира от неминуемой гибели, то своей дерзкой отвагой обращает в бегство неприятельских солдат.

Желание облачиться в военный мундир оказалось непреодолимым, и родители вынуждены были уступить притязаниям сына. В декабре 1673 года в Женеву прибыл сын герцога Курляндского Карл Яков, такой же страстный поклонник военной службы, как и Лефорт. При посредничестве принца Франсуа поступил на службу в находившийся в Голландии полк, которым командовал брат Карла, наследник курляндского престола принц Фридрих Казимир{5}.

С 1674 года, то есть со времени отъезда Франсуа из Женевы, сведения о его дальнейшей судьбе мы заимствуем из писем, отправленных им отцу, матери и старшему брату Ами (Амадею). Первое письмо из Франкфурта было написано 9 июня 1674 года и

адресовано отцу, который к тому времени уже тяжело болел, о чем Франсуа не знал. В этом письме Франсуа сообщал о тех трудностях, которые ему довелось преодолеть на пути в Голландию. Из Амстердама он намеревался отправиться в Гаагу, «чтобы там соединиться с его светлостью принцем Курляндским, под начальство которого я поступил. Он принял меня весьма ласково». В следующем письме, также адресованном отцу, речь шла уже о вступлении на службу в Курляндский полк.

Следующее письмо, датированное 8 ноября 1674 года, было адресовано брату Ами, так как отец Франсуа, Жак Лефорт, к тому времени уже скончался. Франсуа каялся в том, что своей непокорностью воле отца ускорил его кончину, и сознавался в том, что «вел в Женеве беспутную жизнь и оскорблял Бога не десять, не двадцать, но миллионы раз; я плачу, я стенаю о том, — писал он, — но знаю также, что он простит мне. Я обещал ему в моих молитвах вести впредь жизнь тихую и мирную».

Обещание вести тихую и мирную жизнь было навеяно кровопролитным сражением, состоявшимся при осаде крепости Граве союзными войсками (голландскими, испанскими и австрийскими). Во время этой осады, как сообщал Франсуа, «из нашего пехотного полка выбыло семьсот человек и более двадцати восьми офицеров». Другое столкновение с войсками французского короля Людовика XIV тоже дорого обошлось роте Курляндского принца. «Всего было восемьдесят человек, *но* вернулось только семь: принц, один поручик, один дворянин, я и трое солдат». При штурме крепости Лефорт был легко ранен в ногу. «Я уже думал, что сложу здесь голову, однако Бог спас меня», — писал он в Женеву. Овладение Граве, стоившее союзникам потери до девяти тысяч человек, отрезвляюще подействовало на представление Лефорта о военной службе, обнаружило всю ее опасность для жизни и сняло налет романтики, вскруживший голову юному Франсуа{6}.

Во время осады Граве Лефорт и получил от своего соотечественника известие об опасной болезни отца. Он решил отправиться в Амстердам, чтобы разузнать обо всем подробнее.

«По взятии крепости Граве, — рассказывает Лефорт, — просил я его светлость дозволить мне съездить в Амстердам и там узнать что-нибудь. Его светлость согласился охотно, дал мне денег на дорогу и отправил в своей карете, запряженной шестью лошадьми». Приехав в Амстердам, Франсуа обнаружил письмо брата с известием о смерти отца, случившейся в ночь с 17 на 18 августа 1674 года. Это известие глубоко опечалило его. В письме брату он писал: «Я должен был бы иметь каменное сердце, если бы в виду моего положения не оплакивал потерю несравненно

доброго отца. Нет в мире молодого человека, который был бы злополучнее меня. Да, любезный брат, это особенное несчастье, и если Бог не утешит меня, то я кончу здесь мои дни… Оплачем нашего беспримерно доброго отца; если мы никогда не имели причин проливать слез, то теперь должны проливать их… О, Господи! Что мне теперь делать? Куда обратиться? Я на чужбине, разлученный со всеми родными и с братом, моею единственною надеждою». За этими словами следовала просьба к брату: «Не оставьте меня в горе и несчастии; заступите мне место отца; я буду повиноваться всем вашим приказаниям».

В заключении письма Франсуа просил брата помочь наладить отношения с матерью, уговорить ее не отказываться от него: «Хотя я и был причиною ее больших огорчений, но будущим моим добрым поведением приготовлю ей сугубую радость»{7}.

У натур, к которым принадлежал Лефорт, горестные переживания продолжались недолго. Он верил в свою счастливую судьбу и верил в радужные обещания своего покровителя пристроить его на доходное место собственного секретаря.

Принц, однако, обещаний не выполнил. Военные действия между Францией и ее противниками прекратились, и Франсуа Лефорт, как и многие другие, оказался не у дел. Ему пришлось искать новое место для службы. Но найти службу было нелегко. Между тем брат Франсуа, Исаак, к которому перешло дело отца, запретил ему какие-либо траты. Долги росли, а выплачивать их Франсуа не мог. Он называл свое положение «нищенским», а потому и умолял старшего брата Ами (занявшего к тому времени высокую должность синдика Женевской республики) помочь ему.

«Прошло уже шесть или семь месяцев с той поры, как я вернулся из похода, — писал он брату в конце марта 1675 года. — Мне надо было питаться и обзавестись. Расходы здесь велики. Я старался устроиться, но до сих пор это было тщетно». Приятель покойного отца, купец Туртон, ссужал Франсуа деньгами, но, поскольку тот не возвращал долгов, отказывался помогать ему. Франсуа умолял брата «не оставить меня при последнем издыхании» и просил прислать «еще немного денег для того, чтобы жить, отдать двадцать экю, которые я должен, и сшить себе одежду, в которой я очень нуждаюсь»{8}.

Из щедро цитируемых нами писем Франсуа Лефорта, как и из писем, отправленных родственникам в последующее время, можно сделать два наблюдения: женевец, несомненно, владел пером, умел четко и ясно формулировать свои мысли, принуждал читателя писем сопереживать трудностям, с которыми он сталкивался. В то же время он умел тонко и ненавязчиво подчеркнуть свою роль в происходивших событиях.

В поисках счастья Франсуа отправился в Нимвеген, куда съехались дипломаты европейских дворов для переговоров о заключении мира между воевавшими сторонами, а также множество военачальников. Небольшой городок неожиданно превратился в центр политической жизни Европы. Помимо дипломатов и высоких воинских чинов, там толпами бродили наемники, служившие в армиях и той и другой стороны. В связи с прекращением военных действий они за ненадобностью оказались уволенными и теперь надеялись найти новое место службы. Однако казна воевавших противников истощилась настолько, что содержать наемников никому не было по карману.

В Нимвегене Лефорту подфартило. В июне 1675 года в письме матери он писал: «Здесь находится полковник (Яков фон Фростен. — *Н. П.),* голландец, служивший во Франции и отправляющийся теперь в Московию. Он предложил мне чин капитана. Через две недели корабли отплывут туда. Все собрались в Амстердаме, потому что полковник имеет до двадцати офицеров, его сопровождавших. Капитан сегодня утром уехал и будет ждать нас в Амстердаме. Я писал господину Туртону, чтобы он осведомился по этому делу, и если найдет, что оно хорошо, то я оставлю у господина Туртона письмо, которое обо всем известит вас. Вы думаете, что это сказка? Нет, подполковник должен всех людей (каких только найдет) привезти к великому князю Московии, у которого армия в 200 тысяч человек. Одним словом, матушка, могу уверить вас, что вы услышите или о моей смерти, или о моем повышении…»

Для отправки в Московию требовались деньги, которых у Франсуа не было. Он умел их тратить, но в свои двадцать лет еще не научился их зарабатывать. На этот раз Франсуа опять выручил Туртон. Он уплатил долг хозяйке квартиры, в которой в Нимвегене проживал Лефорт, а также позаботился об отправке Франсуа в Архангельск, уплатив капитану деньги за проезд. Хозяйка так обрадовалась, что дала денег своему постояльцу на дорогу и даже отправила письмо его матери. «Он всегда вел себя крайне похвально и честно, — писала она о Франсуа, — и это было причиной, что я заботилась о нем, как о родном сыне».

Двадцать шестого июля 1675 года торговые корабли, стоявшие в Амстердаме в ожидании попутного ветра, отправились в Архангельск. Понадобилось шесть недель, чтобы 4 сентября корабль, на котором плыли наемники, бросил якорь в Архангельском порту. Здесь Франсуа Лефорту (или Францу, как его стали называть в России) и его товарищам в полной мере довелось познакомиться с волокитой, царившей в учреждениях Московии.

До сих пор неясно, какую миссию выполнял полковник Яков Фростен и нанимал ли он военных по собственной инициативе или по поручению московских властей. Во всяком случае их появление в Архангельске для местного воеводы Федора Полуектовича Нарышкина оказалось полной неожиданностью, поставившей его в затруднительное положение. Воевода не знал, как ему поступить с новоприбывшими. В Архангельск же вместе с полковником Яковом фон Фростеном прибыли подполковник фон Торнин, майор Франц Шваберг, капитаны Станислав Тшебаковский, Филипп фон Дерфельд, Иван Зенгер, Яков Румер и Франц Лефорт, а также поручики Ян Пузн, Питер Юшим, Оливер Дерпен, Михель Янсен и еще два прапорщика.

Вероятнее всего, испытания, выпавшие на долю иноземцев, стали следствием нерасторопности Иноземского приказа, ведавшего наемниками, — он не удосужился предупредить Нарышкина об ожидаемом приезде гостей. Не исключено также, что обстановка на южной границе России стала спокойной настолько, что отпала надобность в иноземных офицерах, и Иноземский приказ проявил полное равнодушие к судьбе прибывших и счел для себя необязательным проявлять о них заботу

Сам воевода к иностранцам не питал симпатий, и будь его воля, он усадил бы незваных гостей на корабль, отправлявшийся из Архангельска в Амстердам, либо, если они окажут неповиновение, отправил бы всех в Сибирь, в ссылку. Но воевода знал, что царь Алексей Михайлович под влиянием очередного временщика А. С. Матвеева (сменившего Б. И. Морозова) проявляет терпимое отношение к иностранцам. А потому, опасаясь вызвать недовольство в Москве, воевода Нарышкин действовал осмотрительно. Требование прибывших выдать им государево жалованье и немедленно отправить их в Москву воевода удовлетворил лишь частично. Он не рискнул без надлежащего указа отправить четырнадцать иностранных офицеров в Москву, но все же отважился определить им кормовой оклад в сумме полтина на день — сумма смехотворно малая, если учесть, что многие из иноземцев прибыли с семьями. Из этой суммы полковнику было положено восемь копеек в день, а капитану — три копейки.

От каждого прибывшего воевода получил расспросные речи — показания — и отправил их в Посольский приказ боярину Артамону Сергеевичу Матвееву, «а полковника и начальных людей к тебе, великому государю, к Москве без твоего, великого государя, указу отпустить не смели, — писал он, — а велели им побыть у Архангельского города до твоего, великого государя,

указу. И твоего, великого государя, жалованья на корм велели им давать, примерясь к прежнему, не по велику».

Расспросные речи приезжих представляют для нас немалый интерес. Многие из них показали, что они родом из Прусской земли, в том числе и капитан Франц Лефорт, хотя известно, что он был уроженцем Женевы. «Капитаны Станислав Тшебековский, Филипп Фрянцов, Иван Кашпиров, Яков Михайлов, Франц Лефорт родом сказали Прусские же земли города Дансика. И из Прусской де земли были они в Ышпанской и в Галанской землях и служили от ишпанцов и от голанцов с фрацужены во многих боях с полковником фон Фростеном вместе».

Как видим, Лефорт допустил в расспросной речи две неточности: он родился не в Данциге, а в Женеве, и в испанской армии никогда не служил. Чем это объясняется, неведомо.

Истёк месяц томительного ожидания ответа Посольского приказа, но гонец за этот месяц успел лишь добраться до Москвы. Воевода отправил в Москву нового гонца с грамотой, в которой была повторена просьба «нам, холопам своим, указ учинить». На исходе второго месяца ожидания был получен ответ, вконец разочаровавший приезжих. В грамоте было написано, что в иноземцах нужды нет и их надлежит выслать за море, а государева жалованья им не выдавать и впредь приезжих иноземцев отправлять на родину, поскольку нужда в них отсутствует.

Стоял ноябрь месяц, навигация на Белом море закончилась, и корабли, направлявшиеся в Амстердам, давно ушли. Иноземцы оказались в тяжелейшем положении, поскольку лишились даже прежних скромных кормовых денег. «…Не могу не известить вас о том печальном положении, в котором все мы до сих пор находимся, — писал Лефорт из Архангельска Туртону еще 18 ноября 1675 года. — Мы не можем добиться поступления на службу, но меня крайне огорчает изведанный мною опыт относительно прекрасных обещаний нашего полковника в том, что он нам поможет и мы ни в чем нуждаться не будем. Случилось противное, но и он сам бедствует вместе с нами».

«Я уже извещал вас, — вспоминал Франсуа осенью следующего года в письме братьям, — о нашем бедственном положении в Архангельске в течение семи месяцев из-за губернатора, который был хуже черта, и если бы к нашему благополучию он не умер, то намерение его было послать нас в Сибирь, отстоящую отсюда на полторы тысячи миль».

Несчастные решили воспользоваться последней возможностью — обратились к самому царю с челобитной, умело составленной опытным подьячим. В ней было сказано, что они,

иноземцы, были известны «про твою царскую славную и неизреченную милость к нашей братии к служилым иноземцам и похотели, иноземцы, тебе, великому государю, послужить, обнадеючись на твою царскую милость, из Голанской земли на кораблях к Архангельскому городу в прошлом году приехали». Челобитчики просили доставить их на государевых проторях в Москву и уже оттуда, если они окажутся непригодными к службе, отпустить их на родину. Челобитная завершалась просьбой: «Чтоб нам, иноземцам, будучи у Архангельского города с женишками и с детишками, голодною смертию не помереть».

Челобитная нашла отклик. 16 декабря 1676 года воеводе Нарышкину велено было отпустить иноземцев в Москву, но не на казенных, а на их, иноземцев, проторях (издержках). «Полковников и полуполковников с начальными людьми, которые выехали из-за моря в нашу службу к Архангельскому городу на галанских кораблях, отпустили к нам, великому государю, к Москве на их подводах и харчах и проторях». Этот указ был получен в Архангельске 1 января 1676 года.

После пятимесячного пребывания в Архангельске иноземцы отправились в Москву 16 января 1676 года, одолжив деньги на проезд у голландских купцов, проживавших в Архангельске. В Москве их ожидало новое разочарование — в апреле 1676 года Посольский приказ велел их «отпустить в свою землю за море, и они б к отпуску были готовы».

В конце концов иноземцы нашли выход из, казалось бы, безвыходного положения — трое из них, полковник Фростен и подполковники Шваберг и Торнин, объявили себя инженерами. Это коренным образом изменило их судьбу: троих старших офицеров отправили в Пушкарский приказ, где проверили их знания в фортификационном деле и зачислили на службу. В июне 1686 года закончились мытарства и трех из четырех капитанов — их приняли на службу в Иноземский приказ{9}. Однако среди этих троих не оказалось Франца Лефорта. В деле Посольского приказа от 17 июня того же года Франц Лефорт значился в числе тех, которые теперь «службы не ищут».

Отсутствие Лефорта в списке принятых на службу объяснялось тем, что он решил выехать из негостеприимной России и принял предложение датского дипломата Магнуса Гиое поступить к нему на службу и исполнять секретарскую должность. Однако об этом мы поговорим чуть позже.

Мытарства иноземцев в Москве объяснялись изменениями, произошедшими в верховной власти. 29 января 1676 года скончался царь Алексей Михайлович, и трон занял его пятнадцатилетний сын Федор. Юноша, страдавший многими

болезнями и большую часть времени проводивший в постели, пополнил ряды тех монархов из династии Романовых, которые царствовали, но не управляли. Его окружали карьеристы, казнокрады, лица, озабоченные не благом Отечества, а исключительно своим собственным благосостоянием.

При Федоре Алексеевиче изменилось отношение к наемным иноземцам. Царь Алексей Михайлович, как было отмечено выше, относился к ним если не благосклонно, то лояльно, отдавая должное их знаниям. Окружение его сына, среди которого выделялся Иван Михайлович Милославский, иноземцев не жаловало, проявляя к ним враждебность. Впрочем, все зависело от того, какая из группировок находилась ближе к власти. Именно противоречия между лицами, приближенными к подножию трона, вызывали колебания в отношении к иноземцам.

Лефорт и его товарищи, прибыв в Москву, поселились в Немецкой слободе, специально предназначенной для проживания иностранцев. Слобода была расположена в версте от последней городской черты, на берегу реки Яузы. Вот как описывал ее Лефорт в письме к братьям:

«Иноземцам отведено особенное место жительства, в получасе от города, как бы в деревне… Место это Слобода, оно очень обширно, тут живут немцы, англичане, шотландцы; французов нет, кроме трех прибывших с нами; нет и швейцарцев, кроме одного, золотых дел мастера его величества, базельского уроженца, по имени Густав… Между обывателями есть люди весьма почтенные, преимущественно шотландцы… После офицеров, два года тому назад павших в сражении с татарами и поляками, осталось здесь много богатых вдов; есть много и полковничьих дочек»[{10}].

Описание Лефорта не отличается особенной глубиной. Объясняется это тем, что он только что поселился в Слободе и не имел возможности разглядеть ее внутреннюю жизнь. Этот пробел восполняет Патрик Гордон, проживший в России много десятилетий и оставивший основательный «Дневник», в который он заносил сведения о ежедневных событиях, происходивших как в стране, так и конкретно в Немецкой слободе. «В *последние* два года (1661—1663) прибыли в Россию очень многие иностранные офицеры, некоторые с женами и детьми, другие без них. Большая, если не самая большая часть этих пришлых были люди дурные и негодные. Многие из них никогда и не служили офицерами, а присваивали себе это звание вне пределов своего отечества. Так как они получали постоянное, хотя и небольшое жалованье и надеялись еще более поправить свои дела, то многие поженились на вдовах или на девицах, отчасти для того, чтобы устроиться

порядочным образом, отчасти для улучшения своего быта. К такому шагу их побудило и то обстоятельство, что русские доверяют более людям женатым, чем холостым.

Отсюда возникло общее предубеждение, что того, кто не хотел жениться, считали человеком непостоянным, ненадежным или таким, который, будучи недоволен, не думал оставаться в России. Потому женщины или их приятельницы употребляли все возможные средства побудить мужчин к женитьбе»[{11}].

Не стал исключением и Франц Лефорт. В цитированном выше письме братьям он писал, как бы подтверждая слова Патрика Гордона: «Меня преследуют предложением жениться, именно на дочери полковника Кроуфорда, шотландца и нашего единоверца, весьма достойного человека, принадлежащего к почтенной фамилии… Я отвечал, что не прочь, если получу согласие своих родных». Впрочем, забегая вперед скажем, что согласия родных он так и не получил.

Об истории Немецкой слободы, приютившей нашего героя, стоит сказать хотя бы несколько слов. Слобода появилась в 1570 году, ее жителями были пленные Ливонской войны, а также иностранцы, призванные на государственную службу. В годы Смуты Слобода сгорела, но в 1652 году царь Алексей Михайлович приказал выходцам из Западной Европы селиться на том месте, где до пожара существовала Немецкая слобода. Теперь она стала именоваться Ново-Немецкой. С Москвой ее связывали три моста через Яузу. В 1665 году в Слободе насчитывалось 150 дворов. Первоначально дома иноземцев ничем не отличались от домов москвичей и строились из дерева. Со временем стали появляться дома европейской архитектуры. В 80-е годы XVII столетия Ново-Немецкая слобода по описанию пастора И. Давида выглядела более опрятной и нарядной, нежели Москва. В ней было много красивых каменных построек, возведенных немцами и голландцами. «Едва ли найдешь здесь дом без сада, притом сады цветущие, плодоносные и красивые. Одежду носили немецкого покроя. В такое платье одевали и русских слуг».

В Слободе имелись оранжереи, цветники, огороды, при домах — бани. Существовали также три протестантские церкви, сначала деревянные, позже замененные каменными. При Петре I появились две новые церкви: католическая и англиканская. Улицы были покрыты деревянными мостовыми.

Население Слободы из года в год увеличивалось и в 1702 году составляло примерно две тысячи человек. Среди жителей поначалу преобладали военные, но со временем увеличилась численность гражданского населения, в 1702 году оно составляло треть жителей. Разнообразнее стал и их национальный состав:

появились выходцы из Англии, Франции, Австрии, Италии.

По роду занятий среди населения самую богатую часть составляли купцы, но было немало и ремесленного люда, владевшего специальностями, отсутствовавшими в России или такими, в которых нуждалась страна. Здесь жили архитекторы, живописцы, скульпторы, резчики по камню и дереву, часовых дел мастера, а также лекари. Гордон был прав, когда отмечал наличие в Слободе проходимцев и авантюристов, по которым на родине плакали тюрьмы. Надлежит отметить, что в Россию зачастую рисковали отправиться такие специалисты, которые не были востребованы на родине, то есть обладали не самой высокой квалификацией{12}.

Таким образом, Немецкая слобода представляла собой осколок Западной Европы, а ее население — замкнутый мирок со своим бытом, нравственными устоями, культурой, вероисповеданием. Жители Слободы не смешивались брачными узами с русскими людьми.

О жизни Франца Лефорта в Немецкой слободе мы узнаем из его писем родственникам. Заметим, что в некоторых из этих писем он приводит сведения не только о своей личной жизни, но и о состоянии дел в России. Так, в письме брату Ами от 12 июня 1677 года Лефорт, только что перенесший тяжелую болезнь, делится наблюдениями о состоянии медицины в России: «Больному человеку здесь очень плохо. Между русскими нет ни врачей, ни хирургов, ни аптекарей; прежде русский народ вовсе и не знал их, да и теперь большинство русских не верит, чтобы врач мог помочь в какой-либо болезни. В случае лихорадки они берут большой стакан водки, кладут туда перцу, чесноку и пороху, все это перемешивают, процеживают сквозь тряпку и выпивают. Средство хорошее, но не всякий переносит его. Побывав в руках немецких докторов, я решился принять это чистительное *a la russe,* и оно помогло мне в известной степени. Врачи-иностранцы здесь чрезвычайно дороги; берут за каждый визит по три талера или наименьшее — по червонцу».

Поначалу Лефорт рассчитывал поступить на русскую службу, чему, казалось бы, благоприятствовали обстоятельства — Россия объявила войну «против турок и татар», как пишет он в письме брату Ами 5 сентября 1676 года. Однако тут же обычная просьба к брату оказать денежную помощь. «Жалованье невелико, — объясняет свою просьбу Франсуа, — капитану здесь на месте платят по 120 талеров ежегодно, в походе 300 талеров, кроме незаконных поборов, дающих вдвое». Но жалованья Лефорт пока не видел. К тому же он должен уплатить 60 талеров долга, а «остальное пойдет на прожиток зимою; но я не экипирован; для

похода мне необходимо 200 талеров, чтобы купить колет из буйловой кожи, две пары платья и лошадь». Но Франсуа обещает брату: «Надеюсь, если будет угодно Богу, вчетверо возвратить деньги, как скоро наша многочисленная армия перейдет границу татар и дикарей... Прошу вас, помогите мне»[13].

Поход, однако, не состоялся, как не состоялось и поступление Лефорта на военную службу. Виной тому оказалась упомянутая выше болезнь Лефорта. «…По причине моей болезни я потерял лучший случай вступить в службу», — писал он брату в июне 1677 года. А далее, как обычно, следуют сетования на отсутствие денег: на докторов и аптекаря Лефорт израсходовал свыше 60 талеров, притом «со временем прибытия моего сюда я не имел дохода ни гроша. А между тем я должен содержать лошадь и двух служителей…».

В том же письме Лефорт жалуется и на изменение положения иностранных офицеров при новом царе: «После смерти прежнего царя (Алексея Михайловича. — Н. П.) дела здесь изменились до такой степени, что едва верится. Уже несколько месяцев, как не хотят выдавать более половины жалованья, и все офицеры должны оставить Слободу, чтобы быть постоянно на службе или на границе татар и казаков или турок, или в особенности на шведской границе….Я должен или удалиться отсюда или навсегда водвориться здесь и жениться, потому что холостому человеку в этой земле ничего другого не остается. Всякий должен иметь в своей комнате хозяйство, а при многих других делах нет возможности заботиться обо всем.

Мало того, вы не найдете здесь ни одного молодого человека, который, имея шестнадцать лет от роду, не был бы женат…»

В письме от 15 октября 1677 года Франсуа извещал брата Ами о своем намерении отбыть в Англию, так как условия службы в России его не устраивали: «Я снова повторяю вам, что в настоящее время в этой стране офицеры живут в нищете… Здесь встречаются только бедные, отстраненные от службы офицеры, стремящиеся к виселице своими разбойными ˆ действиями и убийствами. Из них некоторых уже повесили. В этой стране на незначительном офицерском жалованье нельзя содержать лошадь. Москвитяне стали сведущими в деле и больше не хотят, чтобы иностранцы служили как офицерами, так и солдатами».

К этому времени Лефорт сблизился с английским послом в России Джоном Гебдоном, которого он характеризовал как «превосходного человека, весьма хорошо говорящего по-французски, всегда веселого и довольного». Посол исхлопотал ему паспорт на выезд из России, и Лефорт надеялся этим воспользоваться, о чем и сообщал брату Ами, испрашивая его

согласие на такой шаг. Он намеревался ехать через шведские владения в Ливонии и либо перейти на военную службу к шведам, у которых, по его словам, «достаточно служебных мест», либо отправиться с сэром Гебдоном в Англию. Посол «мне сказал, что в Англии у него есть рота в триста человек, что служба в ней хороша, и что все зависит от меня, если я захочу в ней служить», — сообщал он брату 15 октября 1677 года.

Но и этим планам не суждено было осуществиться. «Я надеялся, что я отправлюсь через семь или восемь дней, — писал он в том же письме. — …Но наша поездка откладывается до января». Однако Гебдон вел себя в России чересчур свободно, не считаясь с порядками, принятыми в стране, и русское правительство обратилось с просьбой к английской короне отозвать его из страны. В ноябре 1677 года Гебдон покинул Россию.

Лефорт попытался заинтересовать братьев перспективами торговли в России и даже предложил себя в качестве торгового агента. В его письмах Ами этого времени неоднократно встречаются указания на заманчивые цены на московских рынках на различные товары, которыми можно было бы торговать в Голландии, — мускус, восточный и западный безоард (волосяные образования в желудках животных, использовавшиеся в тогдашней медицине), юфть (специально обработанная кожа), бобры, ревень и т. д. «Мне хотелось бы, чтобы мой брат Исаак имел намерение вручать мне ежегодно некие покупки, которые я отправлял бы на кораблях из Архангельска, — писал он 15 октября 1677 года. — Я заверяю его, что это ему будет выгодно. Он смог бы посылать сюда в обратную сторону часики или настольные и стенные часы, которые в зависимости от своих качеств стоят очень дорого». Но и этот проект не был реализован.

Чем же реально занимался Лефорт в эти два года и на какие средства существовал, неизвестно. Очевидно, во многом его выручал веселый и общительный характер. Так, пока в Москве пребывал Гебдон, Франсуа проводил у него много времени и пользовался его гостеприимством. Посол, видимо, был человеком весьма состоятельным, ибо часто устраивал пышные празднества в Москве. «Он ко мне относится очень дружелюбно, — писал Лефорт в том же письме, — и я почти постоянно у него бываю. Мы охотимся по два-три раза в неделю. С ним весело во всем кроме напитков; он не пьет ни вина, ни крепкого пива. Я ем за его столом». Помогли и прежние знакомства. Еще в Архангельске Лефорт подружился с итальянцем Гваскони, а через него познакомился с двумя влиятельными в Немецкой слободе людьми — шотландцами Полом Менезием (Мензисом) и Патриком

Гордоном. Пригодились и знакомства, сделанные Лефортом во время его недолгой службы при датском резиденте, в том числе и с русскими дворянами. В более раннем письме он упоминает о том, что некоторые русские присылали ему в подарок овес для лошадей.

Выехать из России Францу Лефорту так и не удалось. Причиной тому стал царский указ, запрещавший иностранным офицерам выезжать из страны. В Москве было получено известие о концентрации турецких сил на южных рубежах с целью изгнания русских из Чигирина — важной крепости на Украине. Голландский резидент доносил о мобилизации сил для отпора туркам: «Приготовления к войне производятся поспешно, чтобы предотвратить угрожающее вторжение турок и татар; но замечательно, что все иноземные офицеры, как получившие приказание обучать и дисциплинировать грубых и необразованных людей, так и обязанные вести их в бой и делать главное дело, очень недовольны. Они громко негодуют на неполучение жалованья».

Царский указ заставил Лефорта отказаться от намерения покинуть Россию и устроиться на службу в каком-либо государстве Западной Европы. Он принял решение остаться в стране, в которой находился. Но для этого надлежало совершать два шага: во-первых, жениться и через это приобрести репутацию солидного человека; а во-вторых, поступить наконец на службу. Оба шага перекрывали Лефорту пути выезда из России — отныне его карьера находилась в прямой зависимости от его служебного усердия, умения ладить с начальством.

Брачные проекты Лефорта также реализовались не сразу. Выше упоминалось о сделанном ему предложении жениться на дочери полковника Кроуфорда. Но девушка умерла, а вскоре после этого скончался и сам полковник. В письме от 15 октября 1677 года Франсуа извещал брата еще об одной возможной невесте: «Если бы мне не показалось, что тем самым я смог бы обидеть нашу семью, несколько месяцев назад я бы женился. Я здесь довольно хорошо познакомился с красивейшей дочерью некоего торговца. У нее уже есть четыре тысячи экю, и она от всего сердца желает, чтобы я на ней женился. Она из весьма хорошей семьи». Однако тут же следует оговорка: «Я не вступлю в брак, не сообщив вам об этом».

Благословения на брак Лефорт не дождался — мать была против, ибо понимала, что после женитьбы Лефорт уже не вернется в отчий дом и навсегда останется в Московии. Красавица купеческая дочка также неожиданно умерла. И все же Лефорт женился — на Елизавете, дочери полковника Франсуа Суэ.

Причем женился без родительского благословения, более того, вопреки прямому запрещению родных, поставив их перед свершившимся фактом.

Двадцать третьего июля 1678 года он послал матери следующее письмо:

«Огорчение, что я не получал ответа, вновь побуждает меня взяться за перо и со слезами на глазах просить вас, любезная матушка, не гневаться на меня за то, что я женился здесь вопреки вашим, членов нашей семьи и родственников приказаниям. Я вступил в брак с дочерью подполковника, за несколько дней до смерти произведенного милостью императора в полковники в награду за оказанные им заслуги. Он храбро воевал против татар, но, к несчастью, получил огнестрельную рану, от которой и скончался. Имя его Франц Суэ; имя же нынешней жены моей — Елизавета Суэ. Мать ее еще здравствует, но стара и имеет хорошее состояние, более, нежели сколько имеют здешние офицеры.

Будьте уверены, многоуважаемая матушка, что не деньги, не какие-либо богатства побудили меня вступить в брак; я женился, потому что полюбил Елизавету, поведение которой было мне известно по собственным наблюдениям и по отзывам других. Я неоднократно просил мать ее согласиться на наш брак, но она хотела дать соизволение не прежде, как изъявят на то согласие члены нашей фамилии, ибо ей было известно, что вы, почтеннейшая матушка, равно и брат, запретили мне жениться…

Многоуважаемая матушка, поверьте мне искренне, что предпринятый мною шаг служит только к тому, чтобы лучше жить и иметь большее значение. Могу вас уверить, что теперь я выступлю на весьма почетное поприще и это от меня зависит быть произведенным в майоры или в подполковники, если я пожелаю».

Более сдержанные извинения обнаруживаем в письме, отправленном в тот же день брату Ами: «С большой покорностью поклонившись вам, пишу вам настоящее письмо для того, чтобы попросить вас милостиво считать меня своим братом, хотя я выполнил не все приказы, которые вы мне выдали в своем дорогом письме. Я несомненно жалею об этом, и Богу было угодно внушить мне такое чувство. Поэтому я надеюсь, дорогой брат, что вы простите меня, поскольку лекарство не излечивает, и если бы не страх Божий, я бы никогда не решился на это. Моя глубокоуважаемая мать расскажет вам очень подробно об этом. Я только прошу вас, чтобы вы не оставляли нас до такой степени, что вы больше не будете считать нас своими братом и сестрой после брака, в который я вступил с дочерью подполковника по имени Франсуа Суэ, уроженца Меца в Лотарингии, ныне

покойного»[14].

Можно предположить, что отличавшаяся твердым характером и строго придерживавшаяся кальвинистских обычаев мать осталась глуха к мольбам сына, вновь оказавшего явное непослушание и пренебрегшего родительской волей. И действительно, женившись без благословения матери, Франсуа Лефорт серьезно нарушил традицию, обязывавшую детей беспрекословно выполнять волю родителей и не смевших совершать ни одного шага без их одобрения, не говоря уже о таком значительном поступке, как женитьба. Тем более что жена его была католичкой. Еще и 14 января 1679 года он просил мать: «Молю вас, простите меня, матушка, за все мои пред вами проступки, чтобы и Бог простил меня, когда отзовет меня из сего мира. Достойнейшая матушка, Божья воля была в том, чтобы я женился. Жена моя почтительная дочь и обладает возвышенными качествами и после смерти своей матери, поскольку она единственная дочь, будет иметь доход около пяти или шести тысяч экю… Не отрекайтесь от меня, сохраните ко мне хотя сколько-нибудь материнских чувств, будьте уверены, что я готов оказать вам всяческое подобающее сыну послушание, забудьте заблуждения моей юности и верьте, что если Бог сохранит мою жизнь, то чрез мое доброе поведение вы узнаете, что имеете сына, не дорожившего жизнью для своего возвышения»[15].

Что же касается Ами, то он, наверное, не сильно был расстроен женитьбой брата.

Франсуа уверял мать, что женился на Елизавете Суэ, потому что горячо любил ее. («Здесь была дочь полковника, англичанина Кроуфорда, которую сватали за меня, но я никогда не питал к ней таких нежных чувств, как к этой», — писал он.) Однако из его писем брату и матери явствует, что он руководствовался не только чувствами, но и материальными расчетами, принимая во внимание достаток будущей супруги. Елизавета Суэ, напомним, была третьей особой, на которой он намеревался жениться. Но лишь сообщая о первой, дочери Кроуфорда, Франсуа не упомянул о средствах, которыми располагали ее родители. В отзыве о второй своей предполагаемой невесте, дочери «некоего торговца», Лефорт в письме брату назвал ее «красивейшей», но не забыл добавить, что она уже располагает «четырьмя тысячами экю». И хотя он уверят свою матушку, что не деньги, не какие-либо богатства подвигли его на брак с Елизаветой Суэ, все же он не забыл упомянуть, что ее старая мать, вдова, «имеет хорошее состояние», а Елизавета является ее единственной дочерью и наследницей.

Из писем Лефорта явствует, что в молодости он был повесой

и пользовался успехом у прекрасного пола благодаря привлекательной внешности, высокому росту и веселому нраву. Помогли ему и связи с влиятельными в Немецкой слободе людьми. Добавим к этому, что в выборе спутницы жизни он руководствовался не только внешностью избранницы, но и ее достатком.

Брак с Елизаветой Суэ существенно отразился на судьбе Лефорта и положил начало его карьере в России. Через этот брак он породнился с опытным и умелым военачальником полковником Патриком Гордоном, который был женат на двоюродной сестре Елизаветы Суэ, дочери генерал-майора русской службы Бокговена. К тому времени Гордон был комендантом крепости Чигирин, а вскоре за отличия в войне с турками его произвели в чин генерал-майора.

Как сложилась семейная жизнь Лефорта, был ли он счастлив в браке с Елизаветой Суэ, соблюдали ли они супружескую верность, доподлинно мы не знаем — ни в одном из сохранившихся писем сведений на этот счет нет. Известно лишь, что у супругов родились одиннадцать детей, из которых выжил лишь сын Анри (Андрей), появившийся на свет в 1685 году.

Незадолго до смерти Франца Лефорта, во время его полуторагодичного пребывания в Великом посольстве, супруга отправила ему несколько писем, из которых можно сделать некоторые выводы относительно характера их взаимоотношений. Бросается в глаза, что письма эти не содержат ничего личного, интимного, не выражено в них ни горечи по поводу продолжительной разлуки, ни желания поскорее встретиться, — все они носят деловой характер и характеризуют Елизавету как рачительную хозяйку. В отличие от своего легкомысленного супруга, она проявляла заботу и о домашнем очаге, и о хозяйстве семьи.

Первое письмо супруга отправила в Амстердам 1 июня 1698 года. Она извещала мужа о сложившейся в Москве напряженной обстановке в результате вспыхнувшего стрелецкого бунта. Елизавета сетовала на отсутствие писем от супруга, сообщала о тревоге, охватившей жителей Немецкой слободы. «Здесь ничего нового не происходит за тем исключением, что каждый день мы в ожидании смерти из-за угроз со стороны нечестных людей, которые хотели всех нас перебить. Но до Божьей милости некоторые из них были наказаны, и я надеюсь, что Бог окажет нам милость, чтобы замыслы остальных были разоблачены до того, как они приведут их в исполнение. Вы сможете представить себе, как мы желаем возвращения Его величества, так же как и вашего и всех, кто от него зависит для того, чтобы несколько

успокоить нас, оказавшихся в большой опасности. Нам еще неизвестно, что с нами произойдет. Вышедшая вперед наша армия еще не вернулась, и мы не знаем, когда она вернется». Супруга жаловалась на отсутствие писем от сына, учившегося в Швейцарии: «…он мне не пишет более одного года»{16}.

Три недели спустя Елизавета извещает супруга о получении письма от сына: «Сын здоров, так же, как и госпожа ваша мать». Но более, кажется, супруга была озабочена вопросом: каким материалом покрыть крышу строившегося по повелению царя дворца для Лефорта в Немецкой слободе, «из дерева или железа»? Она предупреждает, что вряд ли супруг сможет сразу поселиться во дворце, «поскольку в нем будет еще сыро». Чтобы можно было где-нибудь временно разместиться, супруга распорядилась построить деревянный дом в три комнаты, где можно будет проживать «до того, как во дворце будет сухо», и извещала об этом супруга. В завершение напоминание: «Так как сегодня (22 июля 1698 года. — Н.П.) исполняется двадцатилетие со дня, когда мы поженились, я непременно выпью за ваше здоровье»{17}.

Заботы Елизаветы Лефорт простирались не только на строившийся дворец, но и на вотчину, пожалованную Петром в награду за участие мужа в Азовских походах.

В письме от 29 июля она извещает мужа, что в доме «достроили стены и что остается только сделать кровлю и стропилить дом изнутри», и повторяет вопрос о крыше, какой ей быть: из железа или дерева? «Я хотела бы, — продолжала Елизавета, — съездить в село, но опасаюсь встречи на дороге с нечестными людьми и поэтому до сих пор не могла туда съездить». Она напоминает супругу: «Я прошу вас не забывать привести несколько кобыл, когда вы будете возвращаться, так как наше село мало заселено скотом. Было бы необходимо истратить тысячу или полторы тысячи рублей на покупку всего того, чего там не хватает»{18}.

Последнее письмо мужу Елизавета отправила 5 августа 1698 года после того, как все же отважилась навестить вотчину. Но в центре ее внимания был дворец: «Дворец ныне достроен, работают над внутренними стропилами и кровлей, как можно больше. Я уже написала вам относительно стекла для окон. Было бы необходимо купить там, поскольку здесь оно ничего не стоит. Дворец достоин красивого стекла. Я не могу написать вам касательно всего того, что требует обстановка дворца, ибо я хорошо знаю, что вы знаете лучше моего и все о том, что нужно.

Относительно нашего села я вам скажу, что если придет табун, я хочу приобрести пять-десять лошадей к селу, ибо там их совсем не хватает, там очень мало скота. Нет более пригодного

места, чтобы держать там имеющийся фураж.

Я прошу вас не забывать о кобылах, так как очень необходимо иметь несколько, если можно найти их того же цвета, как мои каретные лошади. Сделайте мне одолжение, купите несколько. Я прошу вас также милостиво написать архангельскому воеводе, чтобы он дал мне знать, есть ли возможность купить там десять коров, поскольку их невозможно найти здесь. Те, которые я имею, сдохли этой весной.

Я хочу также писать в Батурин, чтобы купить молодых быков, потому что я приобрела лес, расположенный недалеко от нашего села, где и будет достаточно дерева лет на десять. Я отдала за него пятнадцать рублей и подумала устроить там место для скота и построить домик, где гнать водку.

В селе я построила церковь, которая почти построена, я также вырыла новый пруд, поскольку тот, что был, полностью протух. Однажды вы написали мне, что господин Тихон Никитич (Стрешнев. — Н. П.) дает средства для строения домика и церкви, но об том он ничего не хочет знать. Поэтому я сделала это сама. Для дома я купила немного бревен и то, что будет нужно».

Хозяйственная жилка супруги Франца Яковлевича заслуживает всяческих похвал. Ее внимание простирается до мелочей, чуждых главе семьи и относящихся как к строительству дворца, так и к рационализации вотчинного хозяйства: закупки лошадей, холмогорских коров, сооружения винокурни и т. д. Кроме того, она обнаружила осведомленность о рыночной конъюнктуре в стране и знала, что и где можно выгодно купить{19}.

Однако в семье, по-видимому, не все было ладно. Во всяком случае сын Патрика Гордона Александр отметил факт, о котором ничего не сообщает в своем «Дневнике» его отец: «В последние годы своей жизни он (Лефорт. — *Н.П.)* не имел сношений со своей женою, но намеревался, если бы прожил долее, заключить ее в монастырь, следуя примеру царя».

Нам неизвестен год смерти Елизаветы Лефорт, как неизвестен и год ее рождения. Но из ее челобитной, поданной императрице Екатерине I в июне 1725 года, следует, что она намного пережила своего супруга. Пережила она и единственного сына Андрея.

В челобитной вдова жаловалась императрице на племянника покойного супруга, генерал-майора Петра Лефорта: «О многих нападках, притеснениях и неправостях, которые принуждена терпеть… будто удовольствие ему доставит, когда моя седая голова в печали преклонится к смертному ложу». Суть жалобы состояла в том, что пожалованная Петром своему любимцу

вотчина после его смерти была передана по неизвестным нам причинам не вдове, а находившемуся на русской службе племяннику покойного генерал-адмирала, с условием, чтобы он из доходов от этой вотчины содержал вдову. Однако генерал-майор Петр Лефорт, по словам челобитчицы, «не только присвоил себе сие имение, яко истинный владелец, и пользуется по своему изволению приплодом лошадей и скота, но и настоятельным образом принуждает меня в силу вышеписанного всемилостивого императорского указа касательно сего имения строить дом в Санкт-Петербурге, хотя таковая повинность распространяется лишь на недвижимые имения, а не на мое пропитание, и оное генералу-майору Петру Лефорту имение полностью достанется после моей кончины.

Кроме того, стращает он меня долгом, будто бы сделанным у отца его, генерала Петра Лефорта, в Женеве покойным моим сыном, и требует, чтобы я уплатила с процентами за 20 лет. Но понеже мой сын оставил в заклад многие драгоценные каменья, роспись которых у меня имеется и которые не смогла назад получить, а долг лежит на отцовском имении, то следует ему с тем и оставить меня безо всякого вреда». Елизавета обвиняла генерала в том, что тот после ее смерти домогается стать наследником ее имущества. Суть ее просьбы состояла в том, чтобы наследником ее пожитков стал не Петр Лефорт, а ее племянник Иоганн Лефорт, и чтобы генерал ей более не докучал «требованием женевского долга» ее сына.

Чем закончилась эта тяжба — неизвестно, ибо решение императрицы, если оно состоялось, не обнаружено. Из челобитной вдовы следует одно — племянник Франца Лефорта по характеру был несхож с бескорыстным дядей и имел репутацию жадного стяжателя, не стеснявшегося поживиться за счет беззащитной вдовы. «Что касается Петра Лефорта, — писал о нем историк А. Бабкин, изучавший архив Лефортов в Женеве, — то он был человеком, лишенным инициативы, нерешительным, самолюбивым, лицемерным, мстительным, к тому же постоянно стремившимся в наживе»[{20}].

Вернемся, однако, к герою нашего повествования, Францу Лефорту. 24 июля 1678 года он подал в Иноземский приказ просьбу зачислить его на военную службу. Иноземский приказ запросил сведения о Лефорте у Посольского приказа: когда и с кем он прибыл в Россию, находился ли на службе, получал ли жалованье. На все вопросы был получен отрицательный ответ. Тогда Иноземский приказ призвал к ответу самого Лефорта и потребовал объяснений, почему он не был отправлен в Пушкарский приказ, подобно другим капитанам, вместе с

которыми прибыл в Россию. На это последовал ответ, что в то время, когда его товарищи были отправлены в Пушкарский приказ, он, Лефорт, страдал болезнью, продолжавшейся шесть месяцев.

Надо полагать, что нужда в иностранных офицерах была значительной, и Иноземский приказ вполне удовлетворился таким ответом и не стал допытываться, чем Лефорт занимался в течение остальных двух лет.

Десятого августа 1678 года Франц Лефорт был зачислен Иноземским приказом на военную службу в чине капитана, а 5 ноября последовало повеление «выдать новоприбывшему иностранцу, капитану Францу Лефорту, государево жалованье — десять аршин узорчатой камки».

Глава вторая. НА СЛУЖБЕ В РОССИИ

В военных действиях в Чигирине Лефорт не принимал участия. В конце 1678 года он был назначен командиром роты, входившей в состав Киевского гарнизона и принадлежавшей корпусу под командованием князя Василия Васильевича Голицына, с которым Лефорт был знаком лично. 14 января 1679 года Лефорт писал матери, что еще «недели за две пред сим» должен был отправиться в Киев, где «без сомнения, (гудут жаркие дела». Действительно, в январе он выехал в Киев и следующие два с половиной года провел по большей части в этом городе, а также в различных походах и стычках с турками и крымцами. Лефорт перевез в Киев также свою семью — жену и тещу. Впрочем, он немного времени проводил в кругу семьи вследствие частых отъездов на театр военных действий и служебных командировок в Москву.

Киевским гарнизоном командовал генерал-майор Патрик Гордон, ставший, после женитьбы Лефорта на Елизавете Суэ, его родственником (в своих письмах родным Лефорт именовал его «кузеном» и «зятем»). Как писал Лефорт матери, генерал «очень расположен» к нему. «В Киеве я буду жить и иметь стол у него», — добавлял он еще до отъезда в Киев.

Надо сказать, что поступление на службу сняло вопрос о дальнейшей судьбе Франца Яковлевича и его возможном отъезде из России. Теперь все его помыслы были сосредоточены на том, как сделать карьеру, добиться более высоких чинов и званий и как обеспечить себе и своей семье материальную независимость.

Несомненно, его быстрому продвижению по служебной лестнице способствовали родственные отношения с Патриком Гордоном — человеком, пользовавшимся немалым авторитетом у русских вельмож. Но одного только покровительства Гордона не могло хватить для достижения успеха. Франц Яковлевич обладал такими свойствами натуры, которые обеспечивали ему уважение окружающих.

В характере нашего героя причудливо сочетались свойства, располагавшие к нему всех, с кем ему доводилось общаться. Бескорыстие, беспечность, веселый нрав, готовность услужить собеседнику уживались с острым умом, личной отвагой и готовностью выполнить любое поручение начальства. Он нисколько не приукрашивал положения дел, когда в письме к матушке писал, что пользуется уважением и «любим всеми» и что

она имеет «сына, не дорожившего жизнью для своего возвышения». «Я сейчас от князя Василия Васильевича Голицына, первого сановника при его величестве и очень ко мне расположенного, — писал он брату Ами. — Князь… обещал мне повышение по службе»[21].

Лефорт действительно не раз проявлял храбрость. «…Мы имели с татарами чуть не ежедневные дела, — писал он брату Ами. — Благодарю Бога, что он столько раз хранил меня…» Он в совершенстве овладел воинским искусством, в том числе и непривычной для европейских офицеров стрельбой из лука. «Луки и стрелы я привезу с собой в Женеву, — сообщал он брату, — ибо я любитель этих вещей и стреляю очень хорошо… Здесь это обыкновенное оружие, и я выучился ловко владеть им».

После заключения Бахчисарайского мира с турками в 1681 году Лефорт вместе с ротой, которой он командовал, а также с супругой и тещей возвращается в Москву, в Немецкую слободу. Здесь он начинает хлопотать об отпуске для поездки в Женеву. Лефорт объяснял необходимость поездки тем, что не были решены имущественные вопросы после смерти его отца и он не получил свою долю наследства[2]. Отпуск Лефорту был дан на шесть месяцев, с сохранением жалованья, причем жена его осталась в Москве.

В двадцатых числах октября 1*68*1 года Лефорт извещал брата о том, что все необходимые документы для выезда уже получены: «Если Бог позволит увидеться с вами, то из паспорта моего вы усмотрите, что я честно служил его величеству (царю. — *Н. П.)* и могу вас удостоверить, что все князья (бояре. — *Н. П.)* любят меня, сожалеют о моем отъезде и думают, что я не вернусь»[22]. В паспорте действительно было написано: «Капитан Лефорт служил великому государю и царю верно и, как подобает храброму офицеру, с отличием сражался против неприятеля»[23].

В путь Лефорт отправился 9 ноября, а в Женеву прибыл только 16 апреля следующего, 1682 года, преодолев в пути множество трудностей. Весть о скором прибытии Франсуа в Женеву обрадовала родственников. Радость выразил брат Ами, отправивший Францу Яковлевичу следующее письмо: «Любезный брат, не могу выразить вам радости, испытанной всеми нами при получении вашего письма от 1 сентября 1681 года, особенно же по поводу того, что вы не только благополучно возвратились из Киева, но и намерены предпринять путешествие из Москвы в Женеву. Это показывает, что вы, любезный брат, услышали мои просьбы возвратиться сюда при первом удобном случае, чтобы доставить всем нам утешение и радость свидания. При нетерпении, в котором мы находились относительно времени

этого наслаждения, путешествие ваше от Гамбурга сюда покажется нам столько же продолжительным, как бы мы узнали только о выезде вашем из Московии»{24}.

О пребывании Франца Яковлевича в Женеве вспоминал в своих «Записках» старший сын Ами Лефорта Людовик (Луи), которому в то время было шестнадцать лет. (Свои «Записки» он написал уже в зрелом возрасте.) Мы приведем его пространный рассказ полностью, ибо в нем дана весьма обстоятельная, хотя и односторонняя, характеристика Франца Лефорта и содержатся сведения, отсутствующие у прочих авторовсовременников:

«Франц Лефорт был принят своими родными и соотечественниками, любившими и истинно уважавшими его, самым радужным образом. В беседах своих он представлял картину России вовсе несогласную с описаниями путешественников. Он старался распространить выгодное понятие об этой стране, утверждая, что там можно составить себе очень хорошую карьеру и возвыситься военного службою. По этой причине он пытался уговорить своих родственников и друзей отправиться с ним в Россию.

Лефорту было тогда двадцать шесть лет. Все соотечественники заметили в нем большую выгодную перемену. Он был высокого роста и очень строен. В разговоре являл себя строгим и серьезным, но с друзьями был шутлив и весел. Можно сказать утвердительно, что он наделен от рождения счастливейшими дарами и талантами как тела, так ума и души. Он был отличный ездок и в совершенстве владел оружием. Из лука стрелял с такою необыкновенною силою и с такою непостижимой ловкостью, что превосходил искуснейших и опытнейших татар. О военном ремесле говорил очень разумно, и можно сказать по справедливости, что судил о нем, как человек испытанный, хотя был младший сын в семействе, которое, конечно, пользовалось почетом, но не имело таких денежных средств, чтобы дать соответственное его дарованиям воспитание. Что касается его чувств и образа мыслей, то никогда и никто не откажется от признания — что и обнаружится впоследствии, — что он имел повышенную и благородную душу. Он был враг лести и тщеславия. Своему государю был непоколебимо предан во всем, что касалось славы его царствования и счастья подданных, и употреблял все усилия содействовать столь справедливым и благотворным предначертаниям.

Во время пребывания на родине Лефорту делаемы были различные предложения именитыми чужестранцами, проживавшими в Женеве; его заверяли, что он найдет достойный круг деятельности или во Франции при швейцарских войсках,

или в Германии, или у императора, или в Голландии и в Англии. Влиятельные иностранцы старались отговорить его от службы в России, доказывая, что она не только трудна, но и неблагодарна. И члены его фамилии, родные и знакомые советовали ему ехать или в Германию, или во Францию, или в Англию, или в Нидерланды, где, поступив в военную службу, он мог бы приобрести значительные выгоды для себя и для своего семейства. На все эти знаки благорасположения Лефорт отвечал, что сердце его лежит к России и благодарность обязывает его посвятить жизнь монарху, от которого получил многие благодеяния. Он питал твердую надежду, и это были его собственные слова, что, если Бог сохранит ему здоровье и дарует жизнь, то свет заговорит о нем, и он достигнет почетного и выгодного положения»{25}.

Заслуживает внимания коренной перелом, произошедший в отношении Лефорта к России: до вступления на военную службу он многократно высказывал скептическое отношение к стране своего пребывания и не раз пытался покинуть ее; теперь же он уверовал в то, что именно здесь ему суждено добиться успеха и славы. Из недоброжелателя России он превратился в ее панегириста и твердо решил возвратиться в Россию и продолжать здесь службу Залогом успеха он, очевидно, считал покровительство двух влиятельных в России персон, благожелательно относившихся к нему, — Патрика Гордона и В. В. Голицына.

В кругу родственников и друзей Лефорт пробыл немногим более месяца и отбыл из Женевы 25 мая 1682 года, с тем чтобы 19 сентября прибыть в Немецкую слободу. Вместо положенных шести месяцев его отпуск продолжался десять с половиной. Это дало основание недоброжелателям Лефорта утверждать, что он намеревался остаться на западе.

В то время как Лефорт ехал в Россию, до него доходили тревожные слухи об изменениях, произошедших в стране за время его отсутствия: о смерти царя Федора Алексеевича, провозглашении царем десятилетнего Петра, последовавшем затем стрелецком бунте, сопровождавшемся кровавой расправой со сторонниками Нарышкиных, о провозглашении царями-соправителями сразу двух братьев, Ивана и Петра, и возвышении царевны Софьи, ставшей подлинной правительницей России. Софья происходила из семейства Милославских, а представители этого рода отличались крайней нелюбовью к жителям Немецкой слободы. Все это могло перечеркнуть честолюбивые намерения Лефорта. Однако он оказался верным своему обещанию продолжить службу в этой стране, тем более что здесь его

ожидала супруга. Впрочем, к тому времени, когда он прибыл в Слободу, смута закончилась и в стране наступило успокоение. Друзья уверили его, что, несмотря на перемены в государственном управлении, он вполне может надеяться на продолжение успешной карьеры. Тем более что ему по-прежнему покровительствовал ставший теперь всесильным князь В.В. Голицын.

Значительную часть пути Лефорт проделал вместе с датским посланником в Россию фон Горном. В Смоленске он оставил его, взяв на себя поручение известить Посольский приказ о прибытии посланника. Главой Посольского приказа был князь В.В. Голицын. Лефорт поспешил явиться ему, был принят и получил приказание немедленно ехать к Горну и состоять при нем в качестве пристава до тех пор, пока Горн не получит аудиенции у царей Ивана и Петра. 19 октября Горн был представлен царям; Лефорт присутствовал на аудиенции и был допущен к целованию рук обоих царей.

В те годы влияние князя Василия Васильевича Голицына значительно возросло. Будучи фаворитом царевны Софьи, он во многом определял политику правительства.

Едва ли не самую обстоятельную характеристику князю Василию Васильевичу дал француз Невиль, автор знаменитых «Записок о Московии»: «В тот же день (когда стрельцы прекратили сопротивление. — Н.П.*)* князь Василий Васильевич был возведен в звание великого канцлера и временщика, или временного государственного министра, т. е. правителя государства на известное время. Этот князь Голицын, бесспорно, один из искуснейших людей, какие когда-либо были в Московии, которую он хотел поднять до уровня остальных держав. Он хорошо говорит по-латыни и весьма любит беседу с иностранцами, не заставляя их пить, да и сам он не пьет водки, а находит удовольствие только в беседе.

Не уважая знатных людей по причине их невежества, он чтит только достоинства и осыпает милостями только тех, кого считает заслуживающими их и преданными себе. Канцлер начал свое управление строгим следствием над виновными стрельцами, казнил главных зачинщиков бунта и сослал других… Окончивши это важное дело, князь взял себе места, которые оказались свободными вследствие гибели многих во время смут, и между прочим место начальника Иноземского приказа, т. е. управления войсками, устроенными на иностранный манер, как то: солдатами, кавалерийскими и драгунскими полками… Одним словом, все управления, бывшие до сих пор в руках у бояр сенаторов, которые в состоянии были препятствовать временщику

или временному первому министру, как они говорят, в его предприятиях, были заменены людьми простыми, так как князь Голицын желал иметь подчиненных, а не товарищей.

Такое самовластие возбудило против Голицына великую ненависть знатных людей, когда они увидели себя лишенными преимуществ и принужденными раболепствовать перед ним, чего не бывало при его предшественниках…»{26}

Франц Лефорт имел возможность оценить благосклонность к себе князя Голицына. Один за другим последовали повышения в чине. 29 июня 1683 года, в день именин Петра I, ему было пожаловано звание майора, а 29 августа, в день именин царя Ивана, — подполковника (или «полуполковника», как тогда говорили).

Надо отметить, что оба пожалования были получены в тот год, когда Франц Яковлевич не располагал возможностью отличиться в каком-нибудь деле. Пожалования стали наградой за его обаяние и следствием благорасположения к нему князя В.В. Голицына. Благоволил Лефорту и близкий родственник В.В. Голицына князь Борис Алексеевич Голицын, бывший в то время главой Казанского приказа и «дядькой» (воспитателем) Петра L

Долгое бездействие томило Лефорта. К тому же он страстно мечтал о чине полковника, сулившем ему не только материальные выгоды, но и большую самостоятельность. В 1685 году князь Б.А. Голицын предложил ему отправиться в Казань с полком в тысячу человек, но дело затянулось. В письме брату Ами Франц Яковлевич писал даже о возможности отправиться походом …в Китай: «Сей поход продолжится 5 или 6 лет… Перед отъездом меня бы сделали полковником. Однако уповаю достигнуть реченного чина, лишь бы судьба мне благоприятствовала». Вместо Казани или Сибирского похода Лефорту пришлось вновь поехать на Украину в качестве батальонного командира; он имел несколько стычек с татарами, а затем получил предписание вернуться в Москву.

Лефорт достиг уже немалых высот. Он пользовался значительным авторитетом в Немецкой слободе, вращался в кругу дипломатов и сановников. В Слободе в то время постоянно давались праздничные обеды и пиры, на которых присутствовали и русские вельможи, в том числе князь В.В. Голицын. Лефорт был непременным их участником, иногда и сам устраивал празднества. Он обзавелся собственным домом в Слободе и держал его открытым для посещений. Это обходилось очень недешево. 20 марта 1686 года он жаловался брату Ами: «…Наши князья (бояре. — Н.П.), старые и молодые, оказывают мне честь своими более нежели частыми посещениями. Даже когда меня не

бывает дома, они не преминут покурить и попить у меня, как будто я и не отлучался. Дом мой очень им нравится, и я могу сказать по справедливости, что другого, лучше устроенного, здесь нет»[27].

К тому же году относится происшествие, не доставившее Лефорту никакой радости. 2 октября он подал в Посольский приказ челобитную, в которой жаловался на то, что ночью «во дворишко ко мне, холопу вашему, приходили воровские люди и в хоромишки ко мне разбоем ломились и погребишко мой у меня на дворе пограбили и покрали». Одного из воров он поймал и привел в съезжую избу, но там должного допроса пойманному не учинили. Лефорт прочил «того вора роспросить про мои покраденные животы и про воровской их приезд ко мне… и про его товарищев, таких же воров».

Пойманный назвался «гулящим человеком», поляком по национальности, Юшкой Семеновым, работавшим по найму у торгового иноземца Петра Сиверса; на улице, близ дома Лефорта, он оказался случайно, так как отправился разыскивать своего хозяина. Был допрошен и П. Сивере. Его показания подтвердили ошибку Лефорта: «И октября в 1-м числе поехал он, Петр, из двора своего в гости гулять и приказал человеку своему Юшке себя ввечеру искать. И он, Юшка, ходил его искать и наехал де на него, Юшку, подполковник Франц Лефорт и поймал ево, Юшку, на улице неведомо за что без поличного и привел ево в съезжую избу, называет ево вором, а воровства за ним… Юшкою никакова не бывало, и не знает». 8 октября Юшка Семенов был отпущен из съезжей избы под расписку

Такое решение Лефорта не устроило. 11 октября он подал новую челобитную, обвиняя уже стольника Данилу Чернцова в том, что тот вел дело, «норовя иноземцу Петру Сиверсу и не розыскав подлинно». Чем закончилось дело, неизвестно, так как документы отсутствуют. Но скорее всего — ничем, ибо Юшка Семенов, которого Лефорт считал разбойником, к ограблению его дома, по-видимому, не был причастен, а другие подозреваемые отсутствовали[28].

Между тем крымский хан то и дело производил набеги на южные уезды России. За Крымом стояла Османская империя, и воевать с ханом Россия не отваживалась до тех пор, пока не будет заключен мир с Польшей. Двум государствам, одинаково страдавшим от набегов крымцев, никак не удавалось договориться друг с другом. Камнем преткновения был Киев — Польша не соглашалась отдать этот город России и к тому же настаивала еще и на возвращении Смоленска. В.В. Голицын, руководивший Посольским приказом, показал себя умелым

дипломатом. В апреле 1686 года с Польшей был заключен «вечный мир» и установлены союзные отношения для борьбы с врагами христианства. По условиям «вечного мира» Смоленск и Киев остались за Россией.

Теперь можно было дать достойный отпор крымским татарам. В 1686 году началась подготовка к большому походу на Крым. К южным границам стягивались войска. Главнокомандующим войсками был назначен князь В.В. Голицын.

Невиль писал: «Голицын сделал все, что мог, чтоб отклонить от себя эту должность, так как он справедливо предполагал, что трудностей будет ему весьма много, и что вся ответственность за неудачу падет на него, какие бы меры предусмотрительности и предосторожности он ни предпринял, и что ему трудно будет сохранить свою славу, если поход окажется неудачным. Войско, вверяемое ему, было, правда, велико числом, но его составляли толпы грубых, беспорядочных крестьян, не закаленных в битвах, с которыми он не мог ни начать, ни совершить с честью никакого важного военного предприятия. Бывши более великим государственным мужем, нежели полководцем, он предвидел, что отсутствие его из Москвы причинит ему более вреда, нежели принесло бы славы самое завоевание Крыма, так как оно не поставило бы его выше, звание же начальника войск решительно ничего не прибавляло к его могуществу»[{29}].

Лефорту хотелось принять участие в походе в чине полковника. Для этого он воспользовался весьма своеобразным приемом. Он решил прибегнуть к обходным путям и использовать Совет Женевской республики в качестве ходатая перед Голицыным об оказании «милости» их соотечественнику. 1 октября 1686 года Лефорт обратился к Совету Женевской республики с просьбой о присылке рекомендательного письма к князьям В.В. и Б.А. Голицыным: «Без сомнения, я достиг бы того (успехов в карьере. — Н.П.), ежели б имел довольно счастья милостью вашей и властью Республики получить письмо, рекомендующее меня двум первым министрам сего двора, князьям Голицыным: о том, государи мои, беру смелость просить с тем бо́льшим усердием и покорностью, что сие дело весьма нетрудное и не позволит укрепить мои дела и даже споспешествовать оным».

Хлопоты об отправке Советом грамоты взял на себя Ами Лефорт, ставший к тому времени одним из наиболее влиятельных членов Совета. Сохранился плохой перевод с грамоты Женевского совета князю Голицыну, в которой тяжеловесным языком перечислены успехи в службе не только Франца Лефорта, но и всех его предков. Совет «любезнейшего нашего гражданина вам

похвалити разсудили есмы, дабы яко ево величайших и пресветлейших царей к службе охота растет, тако их жалованье к нему пространялось».

Таким же тарабарским языком были переведены и комплименты в адрес В.В. Голицына: «…ты преславным прародителем родословием и пресовершенным в поведении дел благоразумием и всяким вещей во время мира и войны действуемых, превысоким искусством и целомудренною к пресветлейшим императором верою вся от них одержати возможешь. Того ради молим тя елико можем рачением, да милость твою к тому гражданину нашему явити не отречишися, и дать по случаем бываемым на вящую честь возведен был, порадети не пренебрежеши, чтоб императорскому пресветлейших царей величеству полезнейшее и вящши явное тщение показал»[{30}].

Обращение Женевского совета возымело действие. Польщенный Голицын не отказывался ходатайствовать перед правительницей Софьей о произведении Франца Яковлевича в чин полковника. Однако сделать это он мог только после возвращения армии в Москву.

Весной 1687 года армия во главе с В.В. Голицыным выступила в первый Крымский поход. В распоряжении историков имеется письмо Франца Лефорта брату Ами от 1 октября 1687 года с подробным описанием этого похода. Приведем его полностью, поскольку оно содержит сведения не только о том, как проходил поход, но и о роли и участии в нем Лефорта:

«…Мне предстояло много хлопот привести Ахтырку[3] в хорошее состояние, ибо Змеев (в то время возглавлявший Иноземский, Рейтарский и Пушкарский приказы. — Н.П.) приказал устроить все по моему личному усмотрению. Мой полковой командир был на весьма дурном счету, да и сам ни во что не вмешивался. Когда 400 человек полка пришли в Ахтырку, генерал послал полковника в Колонтаев, и я остался один, пока не собрались прочие части полка. По надлежащем снаряжении всей армии, меня отправили с 1500 человеками вперед, чтобы пройти по наведенному через Мерл мосту и овладеть им. Это было исполнено, после чего армия могла переправиться беспрепятственно. Неприятель нигде не показывался. На следующий день (2 или 3 мая) переправа совершилась, и армия простояла здесь несколько дней в ожидании прибытия всего необходимого для столь важного похода. Действительно, никогда подобного похода предпринимаемо не было; но могу уверить вас, что никогда ни одна армия не страдала столько, как эта здесь.

От реки Мерля пошли мы к реке Коломаку, где трава пошла в

изобилии, равно как и близ рек Орчики и Липянки. Спустя несколько дней достигли мы прекраснейшей реки, какую только можно видеть; она называется Орель; оба берега ее покрыты великолепными лесами, где во множестве водятся всякого рода звери: олени, вепри, медведи, дикие бараны и другие. Здесь мы простояли некоторое время, затем приблизились к реке Кильчену и, наконец, к весьма красивой реке Самаре, с не совсем, впрочем, здоровою водою. Пройдя еще несколько речек, добрались до реки Конская Вода, скрывавшей в себе сильный яд, что обнаружилось тотчас же, как из нее стали пить. Эта вода для многих была пагубна, смерть произвела большие опустошения. Ничего не могло быть ужаснее мною здесь виденного. Целые толпы несчастных ратников, истомленные маршем при палящем жаре, не могли удержаться, чтобы не глотать этого яда, ибо смерть была для них только утешением. Некоторые пили из вонючих луж или болот; другие снимали наполненные сухарями шапки и прощались с товарищами; они оставались там, где лежали, не имея сил идти от чрезмерного волнения крови, К довершению несчастия, наш великодушный князь, боярин В.В. Голицын, не позволял сворачивать с дороги, хотя мы уже не имели травы, потому что все степи были выжжены. Мы достигли реки Ольбы, но и ее вода оказалась ядовитою, а все кругом было уничтожено: мы видели только черную землю, да пыль и едва могли рассмотреть друг друга. К тому же вихри свирепствовали постоянно. Все Лошади были изнурены и падали во множестве. Мы потеряли голову. Искали повсюду неприятеля или самого хана, чтобы дать ему сражение. Захвачено было несколько татар и сто двадцать из них и более были истреблены. Пленные показали, что хан идет на нас с 80 000 татарами. Однако и его полчище жестоко пострадало, потому что до Перекопа было все выжжено.

Наш генералиссимус, невзирая на то, пошел вперед к реке Анцике, куда посланы были некоторые отряды, ничего, впрочем, не сделавшие. Армия расстроилась вконец, все роптали, потому что болезни свирепствовали страшные; артиллерию везли те солдаты, которые еще не совсем изнурились. Наш князь был в отчаянии от того, что не мог достигнуть Перекопа, что оказывалось действительно невозможным, да, правду сказать, не было и нужды в том: и без сражений смерть довольно потрепала нас. Она похитила лучших наших офицеров, между прочим трех полковников: Во, Фливерса, Бальцера и до двадцати немецких подполковников, майоров и капитанов. Мы напрягли последние силы, чтобы добраться до речки Янчакрака. Вода повсюду была черная, в малом количестве и нездоровая; жара стояла невыносимая; дождя не выпало ни капли; во весь поход ни следа

травы; и солдаты и лошади едва тащили ноги. Наш генералиссимус был вне себя, и, могу вас уверить, горько плакал. Собрались все генералы на военный совет.

Не могли понять, как удалось татарам выжечь всю траву. Подозревали гетмана казаков в соумышлении с татарским ханом. Это оказалось справедливым, и он был схвачен с двумя сыновьями. Слетело несколько голов, а гетмана и сыновей его сослали в Сибирь. Мазепу назначили гетманом. Он был выбран по общему требованию казаков.

Оставаться долго здесь (на реке Янчакраке. — *Н.П.)* было невозможно. Выбрали около 10 000 человек из самых здоровых и послали к запорожцам в четырех лье от нас, чтобы они поддержали генерала Косагова (он командовал русским отрядом в Чигиринском походе. — Н.П.), стоявшего в небольшом окопе близ Якегина. Это поручение было возложено на Леонтия Романовича Неплюева (русского представителя в Киеве при гетмане. — Н.П.). Татары атаковали его, но ни с той, ни с другой стороны бой не был кровопролитен.

Мы вдруг повернули назад и двинулись берегом Днепра, где также все было выжжено. Переходили вброд болота, чтобы набрать здесь кое-какой травы. Болезни усиливались; умирало множество, гораздо более, чем при наступательном движении. Счастливы были те, которые имели добрых коней. Я потерял многих лошадей и привел обратно только девять. Наш главнокомандующий находился в большой печали на возвратном пути. Вся Московия была в необыкновенно возбужденном состоянии, желая знать, чем кончился поход. Беспрестанно прибывали и уезжали гонцы. Армия отступила, мало-помалу до реки Орель».

Далее Франц Лефорт сообщает о своем возвращении в Москву и о получении долгожданного чина полковника: «…На другой день мы были с князем у старшего царя и царевны для целования руки. Князь В. В, Голицын говорил в нашу пользу и, могу вас уверить, высказал много лестного. Нас было три подполковника; мой кузен Страсбург, женатый на дочери Гордона, Форат и я. Боярин сказал: “Эти господа достойны повышения; они никогда не оставляли меня и верно служили вашим величествам”. Затем мы были у целования руки юного царя Петра Алексеевича, живущего в полу-лье от города. Кроме жалованья мы получили месячное содержание и прибавочных за три месяца похода.

…Встретил князя В.В. Голицына, ехавшего в свою деревню. Я тотчас слез с лошади и приблизился к княжеской карете. Князь улыбнулся и сказал: “За твою добрую службу их величества

всемилостивейше пожаловали тебя в полковники". Больше никто не произведен. Многие офицеры получили месячное содержание в 50 талеров; мы же получили по 60 талеров или по 30 рублей, без всякого вычета. Обещали мне также полк в 1900 человек, и тогда мне опять прикажут в январе идти в поход»[31].

Итак, первый Крымский поход князя Голицына окончился безоговорочной неудачей — русской армии под командованием незадачливого полководца не удалось не только достичь цели похода — Перекопа, но и дать неприятелю генеральное сражение и даже вообще обнаружить противника. Русские войска понесли колоссальные потери: им пришлось двигаться по выжженной и безводной степи — неприятель позаботился о том, чтобы вода в притоках Днепра, а также в редких колодцах была отравлена. Бескормица и отсутствие воды вызвали массовую гибель солдат и ополченцев и падеж лошадей. Армия настолько ослабела, что созванный Голицыным военный совет вынес постановление о прекращении похода. Возвращавшиеся войска также несли огромные потери от болезней и бескормицы.

Однако неудачный поход не помешал главнокомандующему отправить правительнице Софье победную реляцию, в которой было сказано, что татары находились в таком страхе перед русскими полчищами, что не осмелились покинуть территорию Крыма, чтобы помериться силами с русскими войсками в честном бою. Небольшая стычка с татарами на речке Коломак была возведена в ранг крупного и победоносного сражения.

По слухам, похоже достоверным, степь выжгли запорожские казаки, не заинтересованные в победе над крымскими татарами русских войск, поскольку в этом случае они лишились бы одного из источников своего существования — грабежа крымских татар. Помимо Лефорта об этом писал еще один участник похода — Патрик Гордон: «Распространился слух, что казаки по приказанию или по крайней мере с допущения гетманского сами зажгли степь с целью помешать вторжению русских в Крым, вследствие чего между русскими и казаками открылось взаимное недоверие»[32]. Слух о причастности гетмана Самойловича к сожжению степи распространял поднаторевший в интригах есаул Мазепа, пользовавшийся расположением В.В. Голицына. В результате его происков гетман Самойлович вместе с сыновьями оказался в Сибири, а Мазепа занял его место.

Неудача похода отчасти объяснялась отсутствием полководческих дарований у главнокомандующего русскими войсками князя В.В. Голицына. Надо сказать, что профессиональные военачальники и полководцы появились в России только в XVIII столетии. В XVII же веке считалось, что

боярин с одинаковым успехом способен выполнять обязанности на любом из трех поприщ: военном, дипломатическом и административном. В тем большей степени это относилось к Голицыну, имевшему не только чин боярина, но и пышный титул «большого полка дворовый воевода, царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегатель», а также наместник Новгородский.

Василий Васильевич действительно владел искусством дипломатии, но у него совершенно отсутствовали дарования полководца — он был лишен таких необходимых для этого качеств натуры, как твердость, умение находить выход из, казалось бы, безвыходного положения, быстро ориентироваться в обстановке и принимать правильные решения.

К тому же у него имелось множество врагов, с нетерпением ожидавших утраты его фавора у правительницы Софьи. О противниках, жаждавших его падения, Голицын был хорошо осведомлен. Возможными происками врагов в Москве он был озабочен больше, нежели успехами или неуспехами в ходе войны. Это видно из его письма к приятелю, думному дьяку Федору Шакловитому: «Всегда нам печаль, а радости мало, не как иным, что всегда в радости и своевольстве пребывают. Я во всех своих делах надежду имею на тебя: у меня только и надежда, что ты. Пожалуй, отпиши: нет ли каких дьявольских препон от тех? Для Бога, смотри недреманным оком (за Черкасским. — *Н.П.)*, и что его в то не допустить (на место боярина Стрешнева. — Н.П.), хотя б патриархом или царевнами отбивать».

Царевна Софья тем не менее цепко держалась за своего фаворита, в которого была без памяти влюблена. Она видела в нем опору своего правления. Несмотря на неудачу похода, Софья организовала Голицыну и другим военачальникам самую пышную и торжественную встречу.

Царевна Софья была женщиной весьма незаурядной. Высокую оценку ее умственным способностям и вместе с тем ее умению плести интриги дал Невиль: «…После подробного изложения московских событий необходимо объяснить, что смятения, как происшедшие уже в этом государстве, так и те, которые впредь могут произойти, суть следствия козней царевны Софьи, ум и дарования которой нисколько не походят на ее наружный вид, ибо она очень безобразна, необыкновенно толста, с головою огромною, как подушка; на лице у нее волосы, на ногах наросты, и ей теперь, по крайней мере, сорок лет; но насколько стан ее толст, короток и груб, настолько, напротив, тонок и проницателен ум; и хотя она никогда не читала и не изучала Макиавеля, но по природе знает его принципы и особенно то, что

нет ничего, никакого преступления, которого нельзя было бы предпринять, раз дело идет о получении власти. Если бы она довольствовалась управлением государства и не пыталась бы избавиться от своего брата, то нет сомнения, что никто не возымел бы смелости образовать против нее партию в пользу брата Петра».

Далее Невиль знакомит читателя с приемами, которыми царевна Софья пользовалась, чтобы оседлать власть: «Для этой цели она начала оказывать необыкновенную любовь и нежность к своему брату (Ивану. — Н.П.) и сочувствие к его страданиям, и начала скорбеть о своем несчастии, что она не может видеть столь нежно любимого брата… Она внушила, таким образом, благоприятное о себе мнение знатным, с которыми была крайне любезна и предупредительна, и расположила к себе народ своей ласковостью…»

Невиль сообщил любопытные сведения о планах царевны Софьи закрепить за собой трон. Он писал: «…нет примера, чтобы подданный управлял в этой стране с такою властью, как он (В.В. Голицын. — Н.П.). Принцесса Софья, видя себя в состоянии предпринять все, что ей угодно, захотела для успокоения своей совести загладить свои скандальные отношения к своему любимцу таинством брачных уз. Все затруднение состояло в том, чтобы отделаться от жены Голицына, на что этот князь не мог решиться, будучи от природы человеком благородным. К тому же он взял за нею большие богатства и имел от нее детей, которых он любил более, нежели детей, прижитых с царевною, которую он любит лишь как виновницу своего величия. Но благодаря женской изобретательности, она так искусно повела дело, что убедила его уговорить жену сделаться монахинею. Вследствие этого, согласно религии московитян, муж, выставив на вид силу своего темперамента, не дозволяющего ему оставаться вне брака, мог получить от патриарха разрешение снова жениться. Когда эта добрая женщина выразила свое согласие, царевна не сомневалась более в успехе своих замыслов. Затруднение состояло лишь в том, чтобы заставить Голицына одобрить убиение обоих царей, что она окончательно порешила, видя лишь в этом возможность удержать власть за собою, своим будущим мужем и детьми. Но князь этот, более тонкий политик, нежели влюбленный, представил ей весь ужас этого замысла, убеждая ее, что исполнение его, несомненно, навлечет на них гнев и ненависть всех и каждого».

В сентябре 1688 года было объявлено о новом походе на Крым. Поход должен был стать частью общего натиска против Османской империи всех европейских христианских государств.

«Ныне к великим государям писали святейшие вселенские

патриархи, цесарское величество римский и королевское величество польский, также Речь Посполитая Венецийская, — говорилось в объявлении о походе, — все согласно, что в настоящее время Турское государство от Господа Бога приняло великое наказание и приходит бусурманское владетельство к самой конечной погибели, и как от войск христианских, так и от междоусобной брани пришло в великое бессилие и безмочьство, какого на них разорения и погибели никогда не бывало. И такого смятения не слыхано, что и сами себе говорят, что пришла им, бусурманам всем, совершенная погибель, только некоторую надежду имеют на крымского хана с ордами, и будучи они, бусурманы, в отчаянии своем, в Греческой, Ромельской и Морейской и Сербской и Болгарской землях православных христиан, мужеска и женска пола и невинных младенцев, после многих различных мук и поругався скверным поруганием, мечу и огню предали больше трехсот тысяч; и прочих христиан младых и женска пола несчетное множество, в неволю свою бусурманскую побрав, свезли за моря»[33].

Как и в первом походе, командовать русскими войсками было поручено Голицыну Князь учел промахи предыдущего похода и назначил более ранние сроки для сбора и выступления ратных людей — февраль. По расчетам главнокомандующего, это должно было дать русской армии два преимущества; во-первых, возможность форсировать реки по льду, что освобождало войска от необходимости строить мосты и тащить за собой огромный обоз со строительным материалом, а во-вторых, избавление от страшных степных пожаров. Многие из дворян, однако, не верили в успех нового похода и явились на сбор в траурной одежде и с черными попонами на лошадях.

В феврале 1689 года армия численностью в 112 тысяч человек двинулась к Перекопу. На поверку оказалось, что ранние сроки начала похода тоже имеют свои недостатки, о которых Голицын доносил царям из Ахтырки: «Походу чинится замедление за великою стужею и за снегами, да и денежная казна по сие время в полк не прислана, и ратным людям, рейторам и солдатам дать нечего».

Об участии в походе Франца Лефорта историки конкретными сведениями не располагают. Известно лишь, что в середине мая хан, по обыкновению стремительно, напал на русское войско, но был отбит артиллерийским огнем. В Москву было отправлено победное донесение, на которое Софья отвечала своему фавориту страстно-нежным письмом: «Свет мой, братец Васенька! Здравствуй, батюшка мой, на многие лета! И паки здравствуй, Божиею и пресвятые Богородицы милостию и твоим разумом и

счастием победив агаряне! Подай тебе, Господи, и впредь врага побеждать. А мне, свет мой, не верится, что ты к нам возвратишься; тогда поверю, как увижу в объятиях своих тебя, света моего. Что же, свет мой, пишешь, чтобы я помолилась, будто я верно грешна перед Богом и недостойна; однако ж, хотя и грешная, дерзаю надеяться на Его благоутробие. Ей! Всегда прошу, чтобы света моего в радости видеть. Посем здравствуй, свет мой, на веки неисчетные».

Двадцатого мая войска подошли к Перекопу. Штурмовать крепость Голицын не рискнул — его войско два дня находилось без воды. Надежды на то, что хан, узнав о численности стоявших у Перекопа войск, согласится на переговоры, не оправдались, и Голицын вынужден был повернуть обратно, так ничего и не добившись. По Москве ходили слухи, будто главнокомандующий отступил потому, что «взял с татар, стоя у Перекопа, две бочки золотых», на поверку оказавшихся позолоченными медными (об этих слухах сообщил в «Записках» современник Иван Афанасьевич Желябужский)[34].

Обратный путь был тяжек — к отсутствию воды, продовольствия и фуража прибавились внезапные нападения татарской конницы, наносившей урон русской рати. Об этом писал Гордон в «Дневнике»: «От полудня до ночи татары преследовали нас настойчиво. Опасность была велика и еще больше был страх, что хан станет преследовать нас всеми силами.

С семью полками пехоты и с несколькими полками конными, которые однако не имели лошадей, я был откомандирован с левого фланга для прикрытия ариергарда. Неприятель преследовал нас восемь дней непрерывно, но большой поверхности не приобрел, потому что не был так многочислен, как мы ожидали. Ничто так не тяготило нас на марше, как недостаток в воде».

О трудностях похода Голицын известил Софью. В ответ он получил следующее трогательное послание: «Свет мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многие лета! Зело мне сей день радостен, что Господь Бог прославил имя свое святое, также и матери своей, пресвятые Богородицы, *над* вами, свет мой! Чего от века не слыхано, ни отцы наши поведаша нам такого милосердия Божия… Радость моя, свет очей моих! Мне не верится, сердце мое, чтоб тебя, свет мой, ко мне будешь. Если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила пред собою. Письма твои, врученные Богу, к нам все дошли в целости. Из-под Перекопа пришли отписки 11 числа. Я брела пеши из-под Воздвиженского; только подхожу к монастырю Сергия Чудотворца, к самым святым воротам, а от ворот отписки о боях. Я не помню, как взошла; чла

идучи! Не ведаю, чем его, света, благодарить за такую милость его, и матерь его и преподобного Сергия, чудотворца милостивого!..

Когда, даст Бог, увижу тебя, свет мой, о своем житье скажу. А вы, свет мой, не стойте, пойдите помалу; и так вы утрудились. Чем вам платить за такую нужную службу, наипаче, света моего труды? Если б ты так не трудился, никто б так не сделал»{35}.

Такая нежная забота царевны о своем фаворите не помешала ей, однако, найти ему замену в лице его приятеля Федора Шакловитого, с которым царевна предалась любовным утехам. Правда, как только в Москве появился Голицын, Шакловитый тотчас получил отставку.

Второй Крымский поход оказался столь же неудачным, как и первый. Казалось бы, единственно верным решением в сложившейся ситуации должна была стать опала незадачливого полководца. Однако Софья была слепо привязана к своему «Васеньке» и видела в нем последнюю надежду в сохранении должности правительницы. Она отправила Голицыну указ, в котором неудача опять выдавалась за победу. Этот указ положил начало ее падению.

В грамоте, полученной Голицыным в пути, было написано от имени царей Петра и Ивана: «Мы, великие государи, тебя, ближайшего нашего боярина и оберегателя, за твою к нам многую и радетельную службу, что такие свирепые и исконные креста святого и всего христианства неприятеля твоею службою не нечаянно и никогда не слыхано от наших царских ратей в жилищах их поганских поражены и побеждены и прогнаны, и что объявились они сами своим жилищам разорителями: отложа свою обычную свирепую дерзость, пришед в отчаяние и в ужас, в Перекопи посады и села и деревни все пожгли, и из Перекопу с своими поганскими ордами тебе не показались и возвращающимся вам не явились, и что ты со всеми ратными людьми к нашим границам с вышеписанными славными во всем свете победами возвратились в целости — милостиво и премилостиво похваляем».

Содержание грамоты ничуть не соответствовало действительности. Это очень хорошо понимал Петр, которому к тому времени исполнилось семнадцать лет. Иными словами, он достиг совершеннолетия, а значит, мог претендовать вместе с братом на реальную, а не номинальную власть. Грамота вызвала раздор между ним и честолюбивой правительницей. Петр не только не разделял восторгов по поводу итогов похода, но и воспротивился организации торжественной встречи Голицына и стрелецких полков, возвращавшихся в Москву. Царевна Софья

особо обхаживала стрельцов, надеясь на их поддержку в критическую для себя минуту.

Поначалу Петр намеревался отказать Голицыну и его свите в аудиенции, но его с трудом отговорили от этого шага, означавшего открытый разрыв с Софьей. Скрепя сердце Петр принял Голицына и сопровождавших его лиц. Среди последних находился и полковник Франц Лефорт.

Напряжение между сводными братом и сестрой усиливалось с каждым днем. Софья апеллировала к стрельцам; «Годны ли мы вам? И буде вам годны, и вы за нас стойте; а буде не годны, и мы де оставим государство, воля ваша». Однако оставлять «государство» она не собиралась. В действительности в Кремле, как и в резиденции Петра в Преображенском, велась лихорадочная подготовка к развязке. В напряженной обстановке каждый шорох представлялся раскатом грома и вызывал ответные меры.

Патрик Гордон, регистрировавший изо дня в день события придворной жизни, отметил, как постепенно накалялась обстановка. «Все поняли, — записал Гордон в «Дневнике» 22 июля, — что согласие царя (все-таки принять Голицына. — *Н. Я*) было вынужденное, с великим насилием, что побудило его еще больше против военачальника и против главнейших советников при дворе противоположной стороны».

Двадцать восьмого июля Гордон записал: «Все предвидели ясно открытый разрыв, который, вероятно, разрешится величайшим раздражением». 31 июля: «Пыл и раздражение становились беспрестанно больше и больше, и, казалось, они должны вскоре разрешиться окончательно»[{36}].

Пророчество Гордона сбылось в ночь с 7 на 8 августа. В городе пронесся ложный слух о намерении Софьи отправить стрельцов в Преображенское, чтобы расправиться с Петром. Разбуженный ночью молодой царь, спасаясь от расправы, выбежал из палат в нижнем белье и в ожидании одежды спрятался в кустах. В ту ночь он пребывал в состоянии полной растерянности. Решение, вызванное страхом за жизнь, было неожиданным — не мобилизовать силы для сопротивления, а бежать. Остаток ночи Петр в сопровождении нескольких человек скакал к Троицесергиеву монастырю, за толстыми стенами которого надеялся обрести спасение.

В зрелые годы Петр показал себя человеком большой отваги. Он не раз оказывался в смертельно опасных ситуациях и не терял присутствия духа. Но в 17 лет все было по-другому. Он оставил мать, молодую жену, солдат потешных рот и даже не подумал о том, что стены Троицесергиева монастыря вряд ли могли спасти

его, появись там Софья или начальник Стрелецкого приказа Шакловитый со стрелецкими полками.

Изнуренный долгой скачкой Петр прибыл в монастырь утром 8 августа, бросился на постель и, обливаясь слезами, рассказал архимандриту о случившемся, прося защиты. В тот же день из Преображенского в Троицу прибыли мать Петра Наталья Кирилловна, супруга Евдокия, потешные, солдаты и отряд стрельцов.

В Кремле узнали о бегстве Петра только к исходу дня 8 августа. Ранним утром Софья в сопровождении отряда стрельцов отправилась в Казанский собор, и только по возвращении, после роспуска стрельцов по слободам, ей сообщили о случившемся в Преображенском. Новость конечно же не могла не вызвать тревогу, которую пытались скрыть наигранным спокойствием. «Вольно ему, взбесился, бегать», — откликнулся на событие Шакловитый.

Так возникли два неравных по силам вооруженных лагеря: один в Кремле, другой — в Троицесергиевом монастыре. В первом главенствовала Софья, в распоряжении которой были почти все стрелецкие полки; во втором находился Петр с ничтожной вооруженной опорой. Дальнейшие события развивались так, что Софья утрачивала свой перевес, а Петр его приобретал. Тому способствовало два важных обстоятельства. Во-первых, царем был Петр, а Софья — всего лишь правительницей; в глазах населения столицы, в том числе и части стрельцов, Петр выглядел жертвой, ибо вынужден был спасаться бегством из своей резиденции от преследований, а следовательно, он обладал моральным перевесом. Во-вторых, преимущество Петра состояло в том, что его действия направлял умный и многоопытный советник — Борис Алексеевич Голицын, сразу же сумевший поставить Софью в положение обороняющейся стороны, вынужденной оправдывать свои действия.

От имени Петра Б.А. Голицын отправлял один указ за другим с повелением стрелецким и солдатским полкам прибыть к Троице. Среди первых у стен монастыря оказались полки, которыми командовали иноземцы Гордон и Лефорт. И хотя Лефорт и раньше представлялся Петру, именно в те дни произошло его настоящее знакомство с царем, вскоре переросшее в дружбу.

Секретарь австрийского посольства И.Г. Корб, хотя не бывший современником событий, но пользовавшийся информацией из надежных источников, правильно оценил рискованность поступка Лефорта: «В то опасное время, когда колебалась верность не одного человека при соображении, чью

сторону принять, потому что еще нельзя было предвидеть исхода бури; когда фортуна как бы еще сомневалась, кому достанется столь огромное владычество, в это-то нерешительно-роковое время Лефорт поспешил с немногими из своих солдат к Троице. Благодаря такому никогда ничем не омраченному шагу верности в опаснейшем положении, возвысился он на ту степень царской любви, которую даже несправедливость завистников должна признать заслуженною».

Лефорт обладал свойствами натуры, вызывавшими симпатии у всех, с кем ему доводилось иметь дело. Напомним, он пользовался доверием В.В. Голицына, который высоко ценил его. Однако он не задумываясь поддержал законного государя.

Впоследствии Франц Яковлевич не жалел ни сил, ни способностей, чтобы завоевать симпатию молодого монарха. Он покорил Петра многими привлекательными чертами своего характера: общительностью, веселостью, остроумием, знанием европейских обычаев и языков. Но более всего Петра привлекали бескорыстие и преданность, умение угадывать его желания и угождать им. Лефорт никогда не выпрашивал у царя должностей и пожалований, никогда не унывал и, похоже, руководствовался в жизни девизом: все, что происходит, — происходит к лучшему.

Но все это обнаружится в будущем. А пока Лефорт, находясь в Троице, был свидетелем ожесточенной схватки между Петром и его сводной сестрой.

Тринадцатого августа правительница направила к Троице боярина Ивана Борисовича Троекурова с поручением уговорить Петра вернуться в Москву. Троекуров возвратился ни с чем. Затем в монастырь отправился «дядька» царя Ивана боярин Петр Иванович Прозоровский, но и он не добился успеха. Тогда царевна решила воспользоваться услугами самого авторитетного посредника и отправила в монастырь патриарха Иоакима. Но патриарх симпатизировал Петру. Он остался в Троице, тем самым еще более усилив позиции Петра.

Наконец Софья решилась на последний шаг — 27 августа после молебна в Успенском соборе и посещения Воздвиженского и Чудова монастырей она сама в сопровождении монашествующих направилась к Троице. На пути ее встретил спальник Петра Иван Данилович Гагин и передал ей повеление вернуться в Москву. Софья ослушалась и продолжила свой путь. В селе Воздвиженском, что в десяти верстах от Троицесергиева монастыря, к ней прибыл другой, более авторитетный представитель Петра — боярин Иван Борисович Троекуров с ультимативным требованием: если она не возвратится в Москву, то с нею будет поступлено «нечестно». Софье пришлось

подчиниться и тем самым признать свое поражение. К брату Ивану Петр отправил письмо, скорее походившее на категорическое требование отстранить Софью от власти: «Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас».

Царь Иван Алексеевич был старше Петра на шесть лет, но страдал слабым здоровьем, был подслеповат и косноязычен, а главное, отставал от сверстников в умственном развитии. Сохранилось описание его внешности в «Записках о Московии» Невиля: «Царь Иоанн, несмотря на то, что он совершенно парализован, проводит всю свою жизнь в посещении святынь. Между тем для него было бы гораздо выгоднее не показываться так часто в народе, но, напротив, совершенно скрыться в своем дворце, ибо он страшно безобразен и возбуждает только жалость, несмотря на то, что ему только 22 года, так что на него трудно смотреть»{37}.

Отметим, что это описание существенно отличается от живописного портрета царя, на котором он выглядит человеком с благообразной физиономией, отнюдь не «страшно безобразным». Впрочем, известно, что художники того времени стремились не столько добиться сходства с оригиналом, сколько угодить вкусам заказчика.

Считалось, что после падения царевны Софьи страной правили два царя: Иван и Петр. Однако Иван был фигурой декоративной, его роль сводилась к участию в официальных церемониях и в церковных праздниках. Петр же правил страной по своей воле.

Петр торжествовал победу. Софья была заточена в Новодевичий монастырь. Здесь она провела 14 лет и умерла в 1704 году.

Более серьезное наказание понесли фаворит царевны и его семья. Указом 9 сентября 1689 года было велено «у князь Василья и сына ево князь Алексея Голицыных честь их и боярство отнять». Отец и сын обвинялись в том, что они, «угождая и доброхотствуя сестре их великих государей, во всяких делах мимо их, великих государей, докладывали сестре их, и им, великим государем, о тех делах было неизвестно и во всяких делах сестру их, великих государей, писали обще с ними, великими государи». Указ не преминул напомнить и о неудачных Крымских походах князя, когда он, «пришед к Перекопу, промыслу никакого не чинил, и, постояв самое малое время, отступил и тем своим нерадением их, великих государей, казне учинил великие убытки, а государству разорение, а людям великую тягость». Определил указ и меру наказания — Василию и Алексею Голицыным была объявлена

ссылка в Каргополь.

Восемнадцатого сентября последовал новый указ, ужесточивший меру наказания: место ссылки было изменено, вместо Каргополя назначен Яренск, причем ссылке подлежали не только Василий и Алексей Голицыны, но и их жены и дети. В услужение им велено оставить 15 человек с женами. «А достоянье их, князь Васильево и князь Алексеево животы, и деньги, и золотые, и ефимки, и платье, и посуду, и всякие вещи, и лошади, и кареты, и рыдваны, и телеги служилые, и всякую служилую рухлядь, и ружье, и все, что с ними есть», переписав, конфисковать, выдав из них на пропитание две тысячи рублей, «да женам их два рыдвана».

Указ предписывал соблюдать строгости при отправке семейств в ссылку и содержании их в ссылке: отправить их под крепким караулом, запретить переписку, в воскресенье и Господские праздники сопровождать их в церковь приставу стольнику Павлу Скрябину.

Путь до Яренска был труден и опасен. Ссыльных пришлось везти по бездорожью, двигаясь со скоростью пять-шесть верст в день. В пути жена Алексея Голицына разрешилась от бремени, «родила двух дочерей и лежала при смерти», а одна из дочерей умерла. Во многих «местах через речки и через ручьи шли пеши», а за версту до города Тотьмы «толчки с княгинями и с детьми и с жонками в воду все обломились, насилу княгинь и детей и жонок из воды вытаскали; и от того они лежали в беспамятстве многое время».

Лиха хватил и сопровождавший ссыльных стольник Скрябин. Невеселую жизнь в глухомани дополняли постоянное недовольство ссыльного Василия Васильевича, его угрозы челобитными царю. Это вызывало у Скрябина вопль отчаяния. «Истинно, государь, — жаловался он в челобитной Петру, — нигде такого мучения нет, как бедный я ноне мучусь». Он просил уволить себя от службы надзирателя. Подавал челобитные и князь Василий, с трудом мирившийся с положением опального вельможи. Князь пытался доказать свою невиновность, писал о том, что стал жертвой клеветы.

Челобитные и надзирателя, и опального вельможи остались без ответа. Василию Васильевичу пришлось провести в ссылке долгие четверть столетия — он умер в возрасте семидесяти девяти лет в 1714 году{38}.

Глава третья. У ИСТОКОВ ДРУЖБЫ С ПЕТРОМ

В 1689 году, когда Лефорт с горсткой солдат появился у стен Троицесергиева монастыря, Петр получил возможность по-настоящему познакомиться с ним. Но от знакомства до дружбы, как говорится, дистанция огромного размера. Понадобилось свыше двух лет, чтобы царь убедился в несомненных достоинствах могучего и добродушного женевца, увидел в нем преданного соратника, готового выполнить любое его поручение, в том числе и опасное для собственной жизни.

Надо сказать, что дружба русского царя с иностранцем многим современникам казалась чем-то противоестественным. Крайне неприязненно и с предубеждением относился к иноземцам, например, патриарх Иоаким, оставивший Духовную царям Ивану и Петру, в которой специально призывал их остерегаться общения с иноземцами: по его мнению, они не принесли ничего полезного ни России, ни ее населению. Предостережение от общения с иноверцами занимало примерно половину текста Духовной: «Еще же, да никако же они, государи, попустят кому христианам православным в своей державе с еретиками иноверцами с латины, лютеры, кальвины, безбожными татары (их же гнушается Господь и церковь Божия с богомерзкими прелестьми их проклинает) общение в содружестве творити, но яко врагов Божиих и ругателей церковных тех удалятися: да повелевают царским своим указом отнюдь бы иноверцы пришед зде и в укоризну о вере не разгневали ни с кем, и обычаев своих иностранных по своим их ересям на прелесть христианам не вносили бы, и сие бы им запретити под казнию накрепко, и молбищные бы по прелестям их соборнию и еретических строити не давати, места всеконечно; которые зде и есть близь или между христианских домов, и те разорити годно и должно, яко диавольские сонмища… Татарове же проклятые злобожники суть, в них же никоего же добра обретается, живут в державе царской и между многих христиан, в великих градях, их же во благочестивую веру всячески приводити велий есть долг и апостольское завещанное слово сие глаголет»; между тем «многие люди», с осуждением писал автор Духовной, с иноземцами «едят и не стыдящееся и не боятся греха». Патриарх осуждал иноземцев за многие неполезные дела: за дорогую одежду, за обжорство и пользование дорогими напитками. Патриарх при этом ссылался на порядки в иностранных государствах, где «не своей веры

молитвенных храмов иноземцам» строить не разрешают, — у нас же иноверцы-еретики «проклятых соборищ молбищные храмы построили». Иоаким умолял царей, «да возбранят по всякому образу их государских полках иноверцам быти начальниками, но да велит отставити таковых врагов христианских от таковых дел всесовершенно». Духовная датирована 17 марта 1690 года, то есть днем, когда скончался патриарх{39}.

Хотя Духовная была адресована обоим царям, но на деле имела в виду одного Петра.

Взглядов патриарха Петр не разделял, но и игнорировать их не мог. Тем более что Иоаким дважды оказал ему неоценимую услугу: в 1682 году он настоял на провозглашении Петра царем, а в 1689 году, во время столкновения с Софьей, поддержал его, приехав в Троицу и оставшись в монастыре. Именно в результате протеста патриарха Петр однажды вынужден был отказаться от намечавшейся встречи с Гордоном, о которой объявил публично; встреча все же состоялась, но тайная.

Особой благосклонностью Петра среди иностранцев пользовались два человека — шотландец Патрик Гордон, многоопытный военный специалист, находившийся на русской службе с 1661 года, и женевец Франц Лефорт. Обоих Петр уважал и в услугах обоих нуждался. Но между этими двумя людьми была существенная разница.

Гордон принадлежал совсем к другому поколению, нежели Петр. Он родился в 1635 году и был старше царя более чем в три раза. К тому же здоровье генерала было расстроено после Чигиринского и двух Крымских походов. Но дело было не только в этом. По характеру Гордон резко отличался от Петра и потому не мог участвовать в развлечениях юного монарха. Он имел репутацию добропорядочного католика и человека, верного семейному очагу, ему были чужды развлечения Петра, его частые попойки. Именно поэтому роль Гордона в жизни Петра ограничивалась добросовестной службой и исполнением обязанностей советника по военным вопросам. Гордон не стал другом Петра, но неизменно пользовался его уважением и занимал особое положение среди иностранных офицеров.

Лефорт был старше царя на пятнадцать лет. Его общительный и веселый характер гораздо больше импонировал Петру.

Добродушный великан и остроумный весельчак с изысканными манерами и мягким юмором, страстный поклонник слабого пола, Лефорт любил удовольствия и потому был незаменим в веселой компании. Обладал он и другими положительными качествами, о чем мы отчасти уже говорили.

По разным источникам можно проследить, как постепенно

росли привязанность и уважение царя к Лефорту. В частности, это выразилось в пожаловании его чинами, а также в частых посещениях царем его дома в Немецкой слободе.

Восемнадцатого февраля 1690 года по случаю рождения у Петра первого сына, царевича Алексея, Лефорту было присвоено звание генерал-майора. Заметим, что никаких военных действий, в которых мог бы отличиться Лефорт, в это время не велось. Так что пожалование могло объясняться только личными симпатиями царя. В сентябре 1691 года Лефорт получил чин генерал-лейтенанта. (В этом году происходили военные маневры, но они состоялись позже — 6, 7 и 9 октября.) А менее чем два года спустя, 29 июня 1693 года, Лефорт был пожалован чином полного генерала, и это также можно рассматривать как бесспорное свидетельство повышенного внимания царя к своему любимцу

Другим свидетельством особого расположения царя к Лефорту являются частые посещения его дома, что современниками воспринималось как проявления особой милости. Визиты Петра к Лефорту относились к столь неординарным событиям в жизни Немецкой слободы, что их счел необходимым заносить в свой «Дневник» Патрик Гордон. Впервые Петр посетил дом Лефорта и отобедал у него 3 сентября 1690 года. Небольшой дом на берегу Яузы, отделанный на французский лад с изяществом и некоторой роскошью, к которой Лефорт имел врожденную склонность, понравился царю. 16 октября он вновь приехал к обеду и пробыл у Лефорта до вечера. 25 октября царь еще раз навестил Лефорта, и с этого дня посещения участились: царь бывал в его доме 7 и 27 ноября, 7 и 8 декабря, 7 января 1691 года и т. д.{40}

Возраставшее внимание царя к Лефорту отметили и современники. Датский резидент Бутенант в донесении от 12 декабря 1691 года извещал двор: «Лефорт неотлучно находится при нашем великом монархе и, по его желанию, постепенно занят в такой степени, что не имеет времени взяться за перо (чтобы писать матери или брату), его нет в Москве; он сопутствует Петру, который уехал за пятьсот часов пути для осмотра своей страны».

Женевец Филипп Сенебье, дальний родственник Лефорта, приехавший в Россию в 1691 году и поступивший на военную службу, писал домой в сентябре 1692 года, что Лефорт пользуется исключительной любовью царя: «Его царское величество очень любит его и ценит его выше всех иноземцев, здесь живущих. Он чрезвычайно любим также всеми вельможами и всеми иностранцами. При дворе говорят только о его величестве и о Лефорте. Они неразлучны. Его величество посещает его часто и

обедает у него два или три раза в неделю. Оба они одинакового роста, с той только разницею, что его величество немного выше и не так крепок, как генерал.

Государю двадцать лет, и у него уже два принца (сына. — *Н.* Д.). Он нередко одевается *a la française,* подобно господину Лефорту. Последний в такой высокой милости у его величества, что имеет при дворе большую власть; но он имеет также великие достоинства и превосходные качества. С тех пор, как существует Москва, никогда не бывало иноземца более могущественного. Он мог бы нажить огромное состояние, если бы не был так щедр. Его величество делает ему значительные подарки»[{41}].

О том, как воспринимал свое положение при дворе сам Лефорт и как относился к этому, узнаём из его писем брату и матери. В сентябре 1692 года Лефорт заболел горячкой и не мог сопровождать Петра в его поездке к Переславскому озеру. Царь проявил трогательную заботу о больном, о чем Франц Яковлевич извещал брата Ами 26 сентября: «Так как их царские величества отправились туда (в Переславль. — *N. Л.)* прежде моей болезни, оставив меня в Москве для исполнения некоторых приказаний, то болезнь моя очень удивила их. Могу вас уверить, любезный брат, что их царские величества удостоили меня присылкою ко мне многих гонцов, даже особ высокопоставленных, желая знать, в каком я нахожусь положении. Врачи действовали усердно и, по милости Божьей, я мало-помалу стал поправляться. Видя, что их величествам очень желательно присутствие мое в Переславле, я отважился тотчас после болезни ехать туда. Расстояние от Москвы полагаю в двадцать четыре лье. Не могу выразить вам ту радость, которые обнаружили его величество и все его придворные сановники. Так как я имею честь командовать кораблем, называемым “Марс”, на котором почтили меня своим присутствием их величества, то немедленно по моем приезде его величество отправился на названный корабль и послал бригантину, чтобы привезти меня к его особе. Когда я ступил на корабль, то был удостоен такими великими почестями, что и описать не могу. Палили изо всех пушек, и после того как государь показал мне все богатства и украшения, или отделку моего корабля, мы возвратились на берег. Он повелел, чтобы со всех судов по поводу моего приезда салютовали пушечными выстрелами. Затем меня отвели в мой дом, построенный для меня его величеством. Здание прекрасное. На другой день его величество оказал мне честь отобедать у меня, а на третий ему угодно было угощать меня на нашем корабле, причем целый день палили со всех судов… Если Богу будет угодно, то я приступлю будущим летом к постройке прекрасного каменного дома, для

чего их царские величества жалуют мне все необходимое».

В письме, отправленном матери 12 мая 1693 года, Франц Лефорт сообщал о множестве исполняемых им обязанностей, в том числе и во время развлечений царя: «Одна половина “компании” высыпается, а другая танцует, я же должен быть постоянно распорядителем, маршалом. Благодарения Богу, я здоров, да если бы и заболел, то этого не потерпели бы, ибо их царские величества дают мне столько дела, что иногда в течение трех суток я не сплю и двух часов, особенно в дни забав. Но, кроме этих мелочей, под моим началом столько людей, что комната моя целый день, когда я бываю дома, наполнена ими. Беспрестанно являются с просьбами, с жалобами, и все офицеры Слободы посещают меня. Много нужно было бы мне времени, чтобы передать вам все подробности; скажу только, почтенная матушка, что я чрезвычайно любим их царским величеством, и что все, что я ни пожелаю, к моим услугам»[{42}].

В ноябре—декабре 1692 года иностранцам, и Лефорту в особенности, довелось пережить тревожное время. 22 ноября Петр почувствовал себя нездоровым, на следующий день он слег в постель и до середины декабря не вставал. Болезнь настолько изнурила Петра, и он до такой степени ослаб, что его ближайшие соратники опасались за его жизнь. Согласно донесению шведского резидента, Лефорт, а также князь Б.А. Голицын, Ф.М. Апраксин и спальник Петра Плещеев приготовили лошадей, чтобы бежать из Москвы в случае, если после кончины Петра к власти вернется царевна Софья. Голландский резидент ван Келлер 23 декабря 1692 года доносил Штатам: «Его царское величество великий царь Петр Алексеевич в течение нескольких недель был очень серьезно нездоров; теперь он чувствует себя лучше; и восстановление его здоровья доставило нам всем очень большую радость. Эта радость тем живее, что его царское величество чрезвычайно принимает к сердцу интересы вашей высоколичности, так же как и интересы его величества короля Вильгельма, и что его величество очень склонен к нам, иностранцам, — обстоятельство, которое возбуждает даже зависть в его собственном народе. Для нас поэтому есть важнейшие причины пожелать ему продолжительного и доброго здоровья. Тревога улеглась лишь после того, как дела пошли на поправку и рождественские праздники он встречал вполне окрепшим»[{43}].

Первые месяцы 1693 года прошли под знаком подготовки к походу в Архангельский город — царю не терпелось увидеть настоящее море и морские корабли, прибывающие в Архангельск с заморскими товарами и отправляющиеся обратно с купленными здесь мехами, пенькой, лесом, смолой, поташом и др. Лефорт

сопровождал царя. Накануне отъезда, 26 февраля, во время пира, устроенного им по случаю отъезда царя в Архангельск и продолжавшегося до утра, произошла ссора между хозяином дома и Авраамом Лопухиным, братом супруги царя Евдокии Лопухиной. Словесная перепалка переросла в драку. Характерная деталь, свидетельствующая о прочности дружбы между царем и Лефортом: Петр в этой драке встал на сторону не своего родственника, а приятеля — он нанес несколько пощечин Лопухину.

Сведениями о том, какова была конкретная роль Лефорта в Архангельском походе, историки не располагают. С большой долей вероятности можно предположить, что он сопровождал Петра, когда тот сел на иностранный корабль и отплыл от Архангельска верст на 300, а затем благополучно возвратился в город.

Полюбил Лефорта и брат царя Петра Иван Алексеевич. В 1694 году он пригласил генерала к себе вместе с женой и сыном, допустил к целованию руки и приказал передать поклон царю Петру Алексеевичу, отправлявшемуся в Архангельск. После скорого отъезда в Архангельск и самого Лефорта обе царицы, Прасковья Федоровна, жена Ивана, и Евдокия Федоровна, неоднократно присылали парадную карету за его женой и сыном Андреем и делали им щедрые подарки. «Милостивое внимание, оказанное мне царем Иоанном Алексеевичем пред моим отъездом и теперь, при моем возвращении, необыкновенно, — писал Лефорт брату. — Подарки превыше моих заслуг, всякого рода жизненного припасы и напитки были доставлены мне на дом в серебряных сосудах». «Чрезвычайные милости, изливаемые на меня им (царем Иваном Алексеевичем. — *Н.П.)* и братом его Петром Алексеевичем, — извещал он в другом письме, — беспримерны, и, не хвастая, могу сказать, что никогда не пользовался ими ни один иноземец, когда-либо живший в России. Я все приписываю Провидению, и великое милосердие Бога не забудет тех, которые стараются служить прежде Ему одному, потом тем, кто ближе к Нему, именно их царским величествам. Если бы было возможно, я употреблял бы для того еще бо́льшие старания; но будьте уверены, любезный брат, что если в юности моей я с избытком предавался удовольствиям, то настоящее мое отдохновение такого рода, что для него мне в высшей степени необходимо хоть несколько часов, ибо везде где я нахожусь, все зависит от моих распоряжений…»

Процитированные выше свидетельства современников и самого Лефорта нуждаются в некоторых пояснениях. Так, например, Лефорт сообщает о намерении Петра построить для

него кирпичный дворец. Это намерение в полной мере не осуществилось, ибо царь вместо кирпичного здания решил построить деревянное — пристройку к дому Лефорта, что было сподручнее и привычнее для России и могло обойтись дешевле. Но эта деревянная пристройка была необычной и поражала современников и своими размерами, и великолепием отделки. Сам Лефорт в мае 1693 года, то есть когда пристройка еще не была готова, извещал брата Ами: «Зала будет, без сомнения, диковинною на русской земле. Издержки вместе с обоями и мебелью дойдут до 10 000 талеров. Уже слышатся обещания давать здесь балы».

Обстоятельное описание пристроенного к дому Лефорта зала дал швейцарец Филипп Сенебье в письме от 22 сентября 1693 года: «Его превосходительство выстроил весьма красивую и обширную залу для приема 1500 человек. Она обита великолепными обоями, украшена дорогою скульптурной) работою, везде вызолочена и действительно может быть названа прекраснейшею императорскою залою. Наш государь пожаловал ему (Лефорту. — Н.П.*)* пятнадцать больших кусков шелковых тканей с богатою золотою вышивкою. Помещение так велико и во всех частях исполнено так превосходно, что представляет нечто удивительное. Издержки простираются, говорят, до 14 000 талеров. Меблировка роскошна; много серебряной посуды, картин, зеркал, ковров, разных украшений — все вещи в высшей степени интересные и многоценные… У генерала большое число прислуги; на конюшне двадцать кровных лошадей, у ворот дома постоянно караул из двенадцати человек».

Открытие этого помещения сопровождалось торжественным празднованием, продолжавшимся четыре дня, с 30 июня по 3 июля. Сенебье описал это празднество в письме к старшему брату Франца Лефорта: «Господин генерал Лефорт перед отъездом царя в Архангельск четыре дня угощал великолепным образом его величество со всеми князьями и боярами, почетными иностранцами и дамами в числе двухсот человек. Кроме блеска роскошного пира была прекрасная музыка, танцевали всякий день, пускались интересные фейерверки и ежедневно палили из двадцати пушек»[{44}].

Подобные забавы устраивались довольно часто, ибо для этого существовало множество поводов: церковные праздники, дни рождения царей, царевен, членов «компании» Петра. Балы и обеды устраивались и без всякого повода. На них нередко присутствовал Петр. Один из современников, барон Хейсен, отмечал: «Его величество присутствует на больших обедах главным образом потому, что чувствует здесь себя нестесненным,

можно поговорить с умными людьми о делах или о разных предметах, а иногда и отдавать приказания». Об одном из таких обедов, устраиваемых 11 февраля 1694 года, в последний скоромный день перед началом Великого поста, Лефорт писал так: «Его величеству угодно отобедать у меня со всеми боярами и генералами. Обед будет в моей большой зале, где за столом могут поместиться двести пятьдесят человек. Надеюсь, что все места будут заняты»{45}.

Было бы, однако, ошибочно думать, что Лефорт тратил всю свою энергию исключительно на обеды и организацию всякого рода увеселений — балов, иллюминаций, фейерверков. Из его писем явствует, что большую часть времени он отдавал выполнению всякого рода поручений, исходивших от царя. 4 июля 1694 года он писал брату Ами: «Хотя вся страна и различные национальности уважают меня, однако я не позволяю усыплять себя таковою славою, напротив, стремлюсь постоянно к тому, чтобы доказать мое усердие, привлечь верных подданных… Никто и никогда не достигал подобных милостей, и ни один иноземец не мечтал о них. Сознаюсь, все эти милости необычайны; я не заслужил их; я не воображал в столь короткое время составить мое счастье».

Петр, будучи работником на троне, не приблизил бы к себе бездельника, главное достоинство которого состояло в умении устраивать развлечения. Франц Яковлевич тоже трудился в поте лица. Вспомним: «Под моим началом столько людей, что комната моя целый день, когда я бываю дома, наполнена ими», — писал он матери. В другом письме, брату: «Делаются большие приготовления (к поездке в Архангельск. — Н.П.), и все отдано под мое начало».

Не занимая никаких должностей в правительственном механизме, будучи фаворитом царя и пользуясь его доверием, Франц Яковлевич располагал огромной властью. Он разбирал жалобы челобитчиков, руководил подготовкой к путешествию царя в Архангельск, командовал выборным полком, выполнял отдельные поручения царя, требовавшие сиюминутного исполнения.

Еще в 1692 году Лефорт получил командование над первым выборным полком, что, между прочим, вызвало сильное неудовольствие Патрика Гордона, который считал за собой больше прав на эту должность[4]. Франц Яковлевич проявил большое старание в деле обучения своего полка. Желая укрепить в нем дисциплину и основательно заняться подготовкой солдат, он выпросил у Петра место для плаца и поселения солдат, разбросанных до того по Москве. Место было отведено на левом

берегу Яузы, напротив дома и сада Лефорта. «У меня самое лучшее место в Слободе, — писал Лефорт брату в сентябре 1692 года. — Перед моим садом протекает прекрасная река, а с другой стороны я велел построить деревню из 500 домов для моих солдат… Я также повелел построить там беседку, поскольку его величество большой любитель солдат, и он часто приезжает смотреть на учение моего полка». Эта слобода получила название Лефортовской, а впоследствии и весь район стали называть Лефортово.

Весной 1694 года Петр вторично отправился в Архангельск. 29 апреля Лефорт дал прощальный обед для отъезжающих. «Его величество, — писал он брату Ами, — оказал мне честь, обедал и затем ужинал у меня. Приглашен был весь двор, то есть князья и бояре. В большой зале, которую я построил благодаря щедротам его царского величества, разместились вдоль оной более двухсот человек. Солдаты, которые должны были ехать с нами, были угощены после обеда, и было выпито за счастливое путешествие его царского величества». Часть свиты выступила в путь в тот же день, другая выехала 30 апреля, а Лефорт — 1 мая. До Вологды они ехали сухим путем, а в Вологде путешественники, среди которых находился и Лефорт, пересели на корабли и поплыли по Сухоне и Северной Двине. 10 мая флотилия из двадцати двух кораблей достигла Архангельска и была встречена девятью залпами пушек и ружейной стрельбой. Петр сразу же отправился на верфь для осмотра строившегося там корабля, заложенного в предшествующий приезд его в Архангельск. Спуск на воду состоялся 20 мая, а спустя десять дней корабль, получивший имя «Святой Петр», снялся с якоря и отправился к Соловецкому монастырю. Можно предполагать, что Лефорт сопровождал царя.

Первого июня 1694 года, когда корабль находился в открытом море, поднялась сильная буря, едва не унесшая жизнь Петра и сопровождавших его спутников. Местная летопись так описывает случившееся: «Когда из устья Двины реки вышли, тогда ветер к Соловецкому монастырю был благополучен; но как зашли за морскую губу, Унскими рогами называемую, тогда нечаянно восстал ветер сильной и прикрутной, от которого причинилась буря великая в море, и от того суда государевы носились нужно волнами. Все тогда утверждения на судах начали сокрушаться, и едва якорями могли содержаться. Все тогда были в толь великой скорби и печали, что и отчаиваться начали о избавлении своем, чего ради все мольбы ко Господу Богу приносили, и преосвященный архиепископ Афанасий молебное пение совершал, а государь, учиня христианскую исповедь, приобщался святых тайн пречистого тела и крови Христовой из

рук преосвященного». Находившиеся на корабле считали свою гибель неминуемой, но благодаря стараниям и искусству кормчего Антипа Тимофеева корабль был спасен. Он бросил якорь у Петроминского монастыря, где путешественники в течение пяти дней пережидали бурю. В честь спасения Петр сам соорудил крест и вместе со свитой поставил его на берегу.

Шестого июня море успокоилось. «Святой Петр» отправился в путь и 7 июня бросил якорь у стен Соловецкого монастыря. Проведя в монастыре трое суток, царь возвратился в Архангельск 13 июня и в тот же вечер ужинал у Лефорта.

Двадцать первого июля в Архангельск прибыл из Голландии ожидаемый с нетерпением 44-пушечный фрегат «Святое пророчество» с экипажем в 40 человек. Капитаном корабля Петр назначил Лефорта, лейтенантом — боярина Б.А. Голицына, а на себя возложил обязанности шкипера. 4 августа эскадра из нескольких кораблей отправилась на север в Ледовитый океан. Побывав там, эскадра повернула на юг и 21 августа достигла устья Двины.

По замечанию крупнейшего знатока Петровской эпохи академика М.М. Богословского, плавание к Ледовитому океану, как и оба путешествия царя в Архангельск, не имело государственного значения и носило, скорее, развлекательный характер — оно всего лишь удовлетворило любознательность Петра, стремившегося увидеть морские корабли и настоящее море{46}. Иное значение имели Кожуховские маневры, названные так по месту своего проведения близ деревни Кожухово, в трех или четырех верстах от Москвы.

Подготовка к Кожуховским маневрам началась еще до возвращения царя из Архангельска в Москву 5 сентября. У деревни Кожухово, на правом берегу реки Москвы, был сооружен укрепленный городок с земляным валом высотой в пять аршин и рвом глубиной в четыре аршина. На углах городка устроили бойницы, а на валу расставили рогатки. Были устроены и волчьи ямы.

Одновременно с устройством городка были приняты меры к комплектованию полков, которым предстояло участвовать в маневрах. В ближайшие к Москве города были направлены грамоты к стольникам, стряпчим, дворянам московским и жильцам с требованием явиться 19 сентября в столицу с огнестрельным оружием. Участвовавшие в маневрах войска разделили на две армии, которыми командовали «генералиссимусы» И.И. Бутурлин и князь Ф.Ю. Ромодановский. Войска Бутурлина были укомплектованы стрелецкими полками, отрядом пехоты, состоявшей из подьячих, а также конницей,

состоявшей из одиннадцати рот, набранных из дьяков. Всего в армии Бутурлина насчитывалось 7500 человек. Шествие маршировавшей армии замыкал «генералиссимус» И.И. Бутурлин, восседавший на богато убранном коне, сопровождаемый тридцатью двумя воинами, вооруженными алебардами.

В армию «генералиссимуса» Ф.Ю. Ромодановского входили полки «нового строя». По замыслу Петра они должны были осаждать, а затем и штурмовать крепость, которую обороняли полки Бутурлина. Шествию армии Ромодановского придали шутовской, маскарадный характер. Его открывала рота, состоявшая из дворовых людей и возглавляемая царским шутом Яковом Тургеневым. Впереди роты несли знамя, на котором был изображен герб шута — коза. За отрядом Тургенева шел сибирский царевич с двумя ротами. Далее следовал полк Лефорта: впереди ехали 12 всадников в панцирях, 12 верховых лошадей Лефорта в богатых уборах, за ними — карета Лефорта, по бокам которой шли шесть гайдуков в красных венгерских кафтанах. Сам генерал ехал верхом в богатой одежде во главе восьми рот своего полка. Роты шли с распущенными знаменами под звуки труб, флейт и барабанов; часть солдат была вооружена ружьями, часть — копьями.

За полком Лефорта следовал Бутырский полк Гордона, состоявший из девяти рот. Он тоже маршировал под звуки музыки. За Бутырским полком шествовали Преображенский и Семеновский полки. Впереди Преображенского полка шли бомбардиры Петр Алексеев (то есть сам царь), князь Ф. Троекуров и И. Гумерт. За Семеновским полком ехала конница: три роты гусар в шишаках и латах, «от головы до ног в железе», рота палашников и рота конных гранатчиков. За гранатчиками следовала «карета великая, запряженная шестью лошадями». За ней — рота карлов из 25 человек, которыми командовал царский карлик Ермолай Мищуков в красном немецком платье и в английской шляпе с перьями, за карлами — рота есаулов, за которой следовали боярин А.С. Шеин, а за ним — сам «генералиссимус» Ромодановский на коне в богатой экипировке и пышном уборе. Его сопровождали князь Черкасский и свита из 40 знатнейших дворян. За свитой двигались два рейтарских полка, а за ними — артиллерия с шестью пушками и шестью мортирами. Замыкали колонну большой набат, литавры и обозы. «Маршировали мы, — заметил Гордон в «Дневнике», — в порядке и во всем блеске». Обе армии начали движение на исходные позиции в разное время; Бутурлин отправился в поход 23 сентября и расположился в укрепленном городке, а Ромодановский — тремя днями позже. Его войска расположились

на левом берегу Москвы-реки.

День 27 сентября ознаменовался перебранкой между двумя «генералиссимусами», стоявшими на противоположных берегах реки: «вычитали друг другу неправды и ссоры, чего ради сия тяжелая война и от кого началась, причитая друг другу причины». Перебранка дошла «до слов яростных», за которыми началась стрельба из ружей со стороны И.И. Бутурлина, на которую Ф.Ю. Ромодановский ответил пальбой фанатами из мортир.

В этот же день, 27 сентября, состоялся поединок между двумя представителями противостоявших сторон: он начался выстрелом из пистолета представителя лагеря Ромодановского, в результате которого «храбрый муж» Бутурлина испугался и пустился наутек; за ним гнался такой же муж Ромодановского и стегал его плетьми до тех пор, пока тот не укрылся в обозе.

На следующий день, 28 сентября, армия Ромодановского, несмотря на противодействие Бутурлина, переправилась на правый берег Москвы-реки. 29 сентября было заключено тревдневное перемирие, использованное Ромодановским для расположения своих войск в боевой порядок. 30 сентября «генералиссимусы» встретились еще раз; снова началась брань, посыпались «слова досадительные», так что Иван Иванович, вынув пистолет, вопреки «кавалерским обычаям» в князя Федора Юрьевича стрелял, «но никакого зла ему не сотворил». После этого началось сражение: хотя из ружей стреляли холостыми патронами, а в артиллерии при пальбе были использованы глиняные ядра, на поле боя 45 человек получили ранения и ожоги.

Утром 1 октября по случаю праздника Покрова Богородицы было объявлено перемирие, но после полудня Ромодановский вывел из лагеря пехотные полки: Преображенский, Семеновский, Лефортов и Гордонов и, построив их в ста саженях от Бутурлинского укрепленного городка, предпринял осадные работы. 2 октября работы продолжились, причем Бутурлин пытался им помешать, совершая вылазки из города. Гордон описал действия сторон так: «Около трех часов между тем как мой полк стоял на правом крыле, вышли стрельцы в большом числе из своего лагеря и устремились прямо на меня, чем я был побужден перестроить мой фронт направо. Мой фронт состоял из пяти рот и одной роты гренадер, две роты находились в резерве, а остальные роты были в лагере. После получасовой битвы стрельцы стали подаваться назад. Когда мы начали стрелять, они отступали, а мы наседали на них. Это продолжилось в течение часа, пока они не были отогнаны на значительное расстояние к великому удовольствию его величества».

Осажденные прибегли к хитрости — они стали поливать пехоту Ромодановского водой из медных труб, с тем чтобы подмочить порох и сделать невозможным использование ружей и гранат. В ответ на это бомбардиры и сержанты Преображенского полка опустили большую трубу в Москву-реку и стали поливать стрельцов, стоявших на валу, вынудив их разбежаться. Бутурлин сделал очередную вылазку, которая, впрочем, не привела к прекращению осадных работ. Во время этой вылазки произошло очередное сражение бичами между «генералиссимусами», причем Бутурлин после продолжительного поединка должен был отступить. В этот день Лефорт давал обед в честь святого Франциска — своего небесного покровителя. Во время обеда было решено взять городок стрельцов штурмом. «Около 3 часов, — записал Гордон в «Дневнике», — мы выступили, неся с собой фашины и доски, чтобы заполнить рвы и накладывать на них мосты, а также везли на двух повозках воспламеняющиеся предметы, чтобы зажечь вал».

Осажденные храбро защищались, бросая в осаждавших гранаты, бомбы и начиненные зажигательной смесью горшки, лили на них воду, использовали пуки пеньки, обмакнутые в смолу, серу или селитру, но вынуждены были отступить. «После двухчасового сопротивления, — отметил Гордон, — мы взяли внешние верки при помощи штурмовых лестниц и преследовали осажденных так настойчиво, что вместе с ними ворвались в крепость». Комендант городка и один стрелецкий полковник оказались в плену. Пленники, приведенные к Ромодановскому, «видя его страшное и победоносное лицо, вострепетав, на колени свои пали, прося у него милосердия и своего живота».

Сражение не обошлось без потерь, в частности пострадали Гордон и Лефорт. У последнего было обожжено лицо. В письме к брату Ами от 2 ноября 1694 года он извещал: «У меня были обожжены все лицо и ухо. Опасались за мои глаза. Слава Богу, я все вижу. И кожа наросла. Мое ухо еще немного беспокоит. Богу ведомы страдания, пережитые мною от боли в ухе. Скоро все мало-помалу пройдет».

Далее Лефорт не без тщеславия описывает ход сражения: «А понеже осажденные желали показать свою силу, мой свояк генерал Гордон и его величество, который командовал полком в 2 тысячи человек, принуждены были собрать и отвести солдат, и многие получили раны, хотя был только порох, гранаты из плотной бумаги, которые бросали несколько гренадеров, да нечто вроде горшка или кувшина, наполненного 4 с лишним фунтами пороха… В тот же день приказали мне отступать, но я едва пришел в отчаяние от невозможности достигнуть желаемого и

обрушился на равелин яростнее, чем ружейные выстрелы, причем у меня крепко поранило 80 солдат, а наивящим пылом исполнился мой свояк Гордон и прочие, видя как мои люди идут на приступ. Когда я поднял знамя моего первого полка, вся армия обрела бесстрашие. И в ту пору как я самолично шел на приступ, в меня бросили горшком с 4 фунтами с лишком пороха, который пришелся на правое плечо и ухо и совершенно оные опалил, то есть кожу на шее и правое ухо, волосы, и я даже на 6 дней ослеп. Хотя кожа свисала с моего лица, я однако сделал все, чтобы мое знамя было над равелином, и все равелины были взяты. И в азарте мои люди и прочие захватили весь город, где находилась осаждаемая крепость, и много народу побили. Меня силой принудили уехать, дабы позаботиться о себе, и в тот же вечер я удостоился множества почестей. Их величество принимал участие в моей беде и изволил у меня ужинать со всеми офицерами, князьями и княгинями. Принимаю их с обвязанной головой и лицом. Его величество говорит: “Я огорчен твоим несчастьем. Ты сдержал свое слово, яко де ты скорее умрешь, нежели отступишь, ныне нечем тебя наградить, но я сие сделаю”.

Я отнюдь не уехал из лагеря, и для меня разбили теплую палату, где я прожил в компании почти до моего выздоровления. Спустя пятнадцать дней учинилось много сражений, я в оных участвовал несмотря на мои повязки, и чуть не приключилось со мной большего несчастья, чем прежде»[47].

«Петр остался недоволен слишком быстрой сдачей городка и бегством стрельцов, — писал М.М. Богословский, — ему хотелось брать крепость не штурмом, а правильной осадой, устраивая редуты, апроши, подкопы и мины». Царь считал, что Бутурлин не оказал должного сопротивления, и потому после трехдневного отдыха обеих армий городок был возвращен Бутурлину. 8 октября военные действия возобновились с выполнением всего комплекса осадных работ, которые велись с 8 по 13 октября, причем обстрел артиллерией городка не прекращался. «13 октября, — повествует источник отечественного происхождения, — никакого военного промыслу не было же, точию искали с обеих сторон, какими б способы войну сию между обоими господами генералиссимусами за наставанием студеных ветров и ненастья прекратить и свои воспаленные сердца к мирным договорам склонить».

Четырнадцатого октября оба «генералиссимуса» присутствовали на обеде в Симоновом монастыре, во время которого они вели переговоры о прекращении войны, «от толиких лет продолжися и причитаху един другому вины к зачатию тоя, но никоторой себя восхоте винна признати». В итоге их разговор оказался «малоплоден», и 15 октября «брань» возобновилась. На

этот раз в подкопе была взорвана мина, разрушившая вал крепости, в образовавшуюся *брешь* ринулись осаждавшие и штурмом овладели крепостью. Надлежало еще овладеть обозом, под защитой которого укрылись стрелецкие полки. 16 октября был объявлен отдых, а 17-го числа обстрелом артиллерии и атакой кавалерии обоз был взят. Бутурлин оказался в плену и был привезен в шатер Ромодановского, который произнес в адрес побежденного укоризненную речь.

Восемнадцатого октября состоялось торжественное примирение между воевавшими сторонами, завершившееся праздничным обедом, после чего полки были распущены по своим квартирам.

Источник, из которого М.М. Богословский заимствовал описание Кожуховских маневров, имеет длинное название, причем столь же шутливое, как и сами маневры: «Известное описание о бывшей брани и воинских подвигах между изящными господами генералиссимусами Федором Юрьевичем и Иваном Ивановичем и коих ради причин между ними те брани произошли; а тот их поход друг на друга и война бысть сего 203 года сентября с 23 октября даже до 18 числа того же года».

Маневры стали последней военной потехой Петра. По продолжительности и характеру действий они напоминали настоящее сражение; шутовское начало перемешалось в них с серьезным. Эти маневры продемонстрировали явно враждебное отношение царя к стрелецкому войску — на долю последнего выпала унизительная роль побежденных. Но главный итог маневров состоял в том, что они убедили Петра, что он располагает армией достаточно боеспособной, которой под силу решать серьезные боевые задачи. Можно сказать, что маневры явились проверкой готовности армии к решению таких важных задач, как обуздание своеволия крымских татар и завоевание выхода к морю.

К 1694 году относятся еще два события, касающиеся семейных дел Лефорта. Первое из них связано с приездом в Москву его племянника, второго сына Ами Лефорта Петра (Пьера). Его приезд стал исполнением давнего желания Франца Яковлевича видеть в Москве кого-нибудь из своих ближайших родственников. Благодаря его стараниям племяннику оказали исключительный прием в России, придали статус не частного лица, а официального представителя Женевской республики. Тем более что он прибыл в Россию с рекомендательными письмами от Совета Женевской республики.

Письма Петра Лефорта родным представляют для нас особый интерес, поскольку содержат важные сведения о Франце

Яковлевиче и его жизни в Москве. Еще на пути в Россию, в Амстердаме, Пьер имел встречу с тамошним бургомистром Николасом Витсеном, хорошо знавшим и самого Франца Лефорта, и положение дел в России, и тот поведал ему немало интересного. «Он сказал мне, — писал Петр Лефорт отцу, — что дядя находится там в таком же положении, какое занимает лорд Портленд при английском короле и какое занимал некогда г. фон Вальден в Генеральных штатах. Здесь (в Амстердаме. — Н.П.) многие знают дядю, они говорили мне о нем как о чем-то удивительном и рассказывали, как он любим всеми подданными. Но г. Витсен находит, что генерал поступает очень дурно, не заботясь о своем кошельке. Это главное дело, рекомендованное мне им, и я поступлю так, если Бог вразумит меня».

Эта тема стала едва ли не главной в письмах Петра Лефорта. Вообще надо сказать, что он сильно отличался от дяди, и не в лучшую сторону, — был алчен и смотрел на Россию исключительно как на объект обогащения. В письме, отправленном отцу из Москвы, он поделился личными впечатлениями о дяде: «Что касается моего дяди, то он остался таким же, каким был, хотя и находится ныне на столь высокой степени, что и в Европе немногие государи проживают бо́льшие суммы. Все у него широко: ежедневно открытый стол, многочисленная прислуга, сорок лошадей. Дом, хотя и деревянное здание, но весьма поместительный. Теперь возят камни для постройки дома в итальянском стиле». Как видно, племянник осуждал дядю за расточительность, за то, что он не озаботился «откладывать что-нибудь в виде сбережения», проявил явное безразличие к богатству, которое само плыло к нему в руки. Впрочем, находил он и оправдание для дяди. Так, в письме, адресованном другому своему дяде, Исааку Лефорту, племянник отзывался о Франце Яковлевиче примерно в таких же выражениях, но с некоторыми оговорками: «Вы желали, чтобы я сообщил вам подробные известия о моем дяде. Прежде всего замечу, что он человек чрезвычайно щедрый, любит, чтобы все у него шло на большую ногу, и едва ли кто даже в Европе живет более широко. Одних подарков, им получаемых, было бы за глаза достаточно, чтобы прокормить и содержать всех его людей. Если бы он захотел откладывать что-нибудь в виде сбережения, то мог бы делать это с величайшею легкостью; но чувство чести, питаемое им к монарху, побуждает его идти противоположным путем. Он сам говорит, что для сына его довольно и того, что есть в доме. Положение, занимаемое им по милости Божией, обязывает его поддерживать оное. Государь, любящий его как брата, будет ему и всей его семье опорою, пока жив»{48}.

Царь знал о пристрастии Лефорта к роскоши и не жалел денег, чтобы удовлетворить эту страсть. Сам Франц Яковлевич писал об этом брату Ами в марте 1694 года: «Вот и теперь в моем погребе хранится вин слишком на три тысячи талеров, а через три или четыре месяца бочки будут уже пусты. Карет и колясок у меня много и между ними иные стоят от 300 до 400 талеров. Лошади, около тридцати, отлично хороши. В саду есть пруды, каких нелегко найти здесь, изобилующие рыбой. За садом, на другой стороне реки, имею я парк, где содержатся различные звери. Рабы и рабыни, которых у меня довольно, все освобождены мною. Словом, мой дом красивейший и приятнейший в целом околотке. Русские приезжают осматривать его как диковинку»[49].

Приезд племянника чрезвычайно обрадовал Лефорта. Брату Ами он отправил восторженный отзыв о нем: «Радости, ощущенной мною при свидании с моим любезным племянником, вашим сыном, я выразить не в состоянии, тем менее, что нашел его одаренным всеми качествами честного и доброго человека. Милости, полученные им от его царского величества Петра Алексеевича, несравненны, и завтра, как я надеюсь, он будет иметь честь видеть наших обоих великих государей на троне». И действительно, Петра Лефорта «принимали как будто он был чрезвычайным посланником, оба царя; он был приглашен к царскому столу».

Похоже, Франц Яковлевич ошибся в своей оценке племянника — он, во всяком случае на первых порах, проявил себя обыкновенным карьеристом и стяжателем. Военная служба, на которую прочил его дядя, оказалась ему не по плечу — племянник считал ее малодоходной. Он принял участие в первом Азовском походе, но отказался участвовать во втором, намереваясь обогатиться от торговли с Китаем. Однако его коммерческие планы по неизвестным причинам оказались нереализованными.

Мы не располагаем сведениями о том, как сложилась судьба Петра Лефорта после неудачных хлопот по организации торговой экспедиции в Китай. Впоследствии по протекции дяди он был назначен секретарем Великого посольства. Оказался причастен он и к военной службе. Во всяком случае, в 1727 году Петр Лефорт имел чин генерал-майора.

Другое событие 1694 года было связано с хлопотами об отправке в Женеву сына Лефорта Андрея,

По собственному признанию Франца Яковлевича, супруга родила ему одиннадцать детей, но почти все они умерли еще в младенчестве. Воспитанию единственного сына Андрея Франц Яковлевич не имел возможности уделять должного внимания,

поскольку по большей части либо находился вне Москвы, либо до крайности был загружен выполнением поручений царя. В этих условиях Андрей находился на попечении матери. Но она, как мы помним, была католичкой и с возрастом все более ревностно относилась к своей вере. Лефорт вполне обоснованно опасался, что мать сделает все, чтобы отвратить сына от кальвинизма, к которому принадлежал он сам. Племянник Петр извещал отца из Москвы: «Она (мать. — Н.П.) портит его вконец, что причиняет великое огорчение моему дяде»{50}. Поэтому-то Франц Яковлевич и решил при первой возможности отправить сына на попечение бабушки, которая должна была заняться не только его воспитанием в кальвинистском духе, но и образованием.

Своими планами на этот счет Франц Лефорт поделился с братом Исааком в письме от 12 мая 1693 года: «Относительно моей семьи у меня остается только единственный сын. Так как у моей жены кончилась плодородность, у меня больше нет надежды иметь других детей. У нас умерли шесть дочерей и четыре сына. Тому, кто еще в живых, восемь лет от роду. Он не лишен ума, и мне бы хотелось чтобы он отправился в поездку на несколько лет». В тот же день Франц Яковлевич отправил письмо старшему брату, в котором более конкретно изложил свои намерения: «Сын мой охотно желал бы отправиться в Женеву (к бабушке), но он еще слишком мал, и я подожду год».

Между тем сын Лефорта оказался к тому времени единственным товарищем в играх четырехлетнего царевича Алексея, сына Петра. «Он проводит время недурно, — писал в том же письме Франц Яковлевич, — ибо хотя до сих пор строго запрещено видеть молодого царевича прежде пятнадцатилетнего возраста… однако мой сын у него бывает, чего никому другому не дозволено. Царевич желает непременно, чтобы сын мой приходил к нему, и притом один, и принимает его чрезвычайно ласково»{51}.

Осенью 1694 года началась подготовка к отъезду. «Извещаю вас, что, буде угодно Богу, мой сын вскоре уедет, — писал Лефорт брату Ами в начале ноября. — …К его отъезду большие приготовления делаем». Месяц спустя он уточнял: «…Сын мой отправится отсюда лишь к концу января или в начале февраля месяца. Он поедет в Голландию к господину бургомистру Витсену, а оттуда, с письмами их царских величеств, в Женеву». В январе же 1695 года в Посольском приказе были получены указы об изготовлении грамот для отпуска Андрея Лефорта за границу.

Сын Лефорта отправился в путь 8 февраля 1695 года в сопровождении воспитателя и небольшой свиты. По словам Франца Лефорта, к Андрею был приставлен молодой человек,

брат майора Вейде, хорошо владевший русским и немецким языками. «Остальные двое, — извещал он брата Ами, — мои рабы: Симеон самый большой, это китаец, который изумительно стреляет из лука. Он очень скромен. Другой, маленький, это татарин и крещен лютеранином. Это маленький шут, и его можно принять за карлика. Его нужно держать строго. Он уже был в Англии, Норвегии и Голландии. У меня изобилие рабов и рабынь. Я послал бы вам нескольких, но расходы большие, и в других странах они очень легко могут заболеть».

Андрей Лефорт прибыл в Женеву 19 июня того же года. Все его путешествие было обставлено так, будто ехал какой-то чрезвычайный посланник, а не десятилетний мальчик.

Сохранился перечень грамот, связанных с отправлением Андрея Лефорта в Женеву. Среди них грамота «О вольном пропуске» сына генерала Лефорта в Швейцарию, грамота к синдикам и Сенату, «чтоб всякое вспоможение ему чинили»; грамота к бурмистру Амстердама Николаю Витсену, «чтоб он для их царского величества Андрею Лефорту в проезде всякое вспоможение чинил, что ему потребно и надобно будет». В проезжей грамоте, изданной от имени царей Ивана и Петра Алексеевичей, предписывалось, дабы «того помянутого Андрея Лефорта… как туды едучаго, так и назад ис той науки возвращающагося, со всеми при нем едучими людми и вещми пропускать везде без задержания со всякими вспомогательством и дабы ему, Андрею, ни от кого никакой досады и препоны и озлобления, ни задержания в пути не было».

Кроме грамот, сохранились указы воеводам Новгорода и Пскова о предоставлении путешественнику тридцати подвод, которые должны были доставить его в Ригу. Очевидно, такой большой обоз предназначался не только для самого путешественника и сопровождавших его лиц, но и для щедрых подарков матери и братьям Франца Лефорта. Для матери Лефорт высылал три тысячи экю. Не были забыты братья и другие родственники. Среди подарков матери значилась, например, горностаевая шуба; сестрам, невесткам и племяннице предназначались куньи меха.

Цель путешествия Андрея Лефорта по-разному названа в различных источниках. Сам Франц Яковлевич так сформулировал ее в письме брату Ами: «Изучать все то, что необходимо знать солдату, то есть разные упражнения». В проезжей грамоте цель поездки указана шире: Андрей Лефорт отправляется в Женеву «для наук воинских и гражданских дел и для повидания с сродники ево». Как видим, Франц Яковлевич хотел подготовить сына к военной службе, но перечень наук, необходимых для этого,

указывать не стал, положившись на благоразумие брата. «Я вас убедительно прошу определить моего сына в такое место, где он будет изучать все то, что необходимо знать солдату, то есть разные упражнения», — писал он. И далее: «Ему нужен будет хороший гувернер. В остальном я полагаюсь исключительно на вас».

В грамоте, адресованной Совету Женевской республики и составленной от имени царей Ивана и Петра Алексеевичей, имелась ссылка на встречу в Москве сына Ами Лефорта Петра: ему было разрешено «видеть наши царского величества очи и тот ваш лист у него принять и милость нашу явить». В соответствии с этим надлежало принимать и юного Андрея Лефорта в самой Женевской республике. Далее в грамоте следовало обращение к «честным и шляхетным синдикам к тому отроку (Андрею Лефорту. — Н.П.*)* быти по своему доброхотному жительству склоннейшими и благоволительство свое к нему показати и приветство имети и всякое достойное вспоможение, что ему потребно и надобно будет, чинити».

Надежды царя на то, что сыну Лефорта в Женеве будет оказан самый торжественный прием, оправдались. В протоколе Совета республики под 19 июня значится следующая запись: «Господин первый синдик (Ами Лефорт. — *Н.П.)* доложил, что благородный Анри Лефорт, мальчик лет десяти или одиннадцати, единственный сын господина Франциска Лефорта, нашего согражданина, генерала армии царей российских, прибыл накануне в наш город, куда прислан своим отцом, отдал ему, синдику, визит, в сопровождении своих ближайших родственников и объявил, что его монархи оказали ему честь и дали грамоту на имя Совета, которую он и желает вручить». Постановлено: «принять сегодня утром в аудиенции Совета благородного Анри Лефорта. Государственный советник Фавр имеет встретить его при входе в залу и проводить до находящихся пред первым синдиком кресел; по принятии, вскрытии и прочтении царского письма, причем господа члены Совета будут стоять с непокрытою головою, имеет первый синдик объявить, что Совет весьма тронут честию, оказанною ему их царскими величествами, что мы имеем сохранить их драгоценное благоволение и что, в особенности, Совет поставит себе за великое удовольствие засвидетельствовать в лице его, Анри Лефорта, глубокое уважение к его родителю. Затем упомянутый благородный Фавр имеет проводить его обратно до дверей залы»[{52}].

Глава четвертая. ПЕРВЫЙ АЗОВСКИЙ ПОХОД

Кожуховские маневры были задуманы как забава, веселая игра. Но шуточная затея обернулась серьезным начинанием, подобно тому, как организация потешных рот обернулась созданием вполне боеспособных полков, ставших главной опорой регулярной армии.

Об изменениях в оценке Кожуховских маневров Петр сам извещал архангельского воеводу Федора Михайловича Апраксина в письме от 16 апреля 1695 года, за два дня до намечавшегося похода под Азов: «…ведает ваша милость, что какими трудами нынешней осени под Кожуховым чрез пять недель в марсовой потехе были, которая игра, хотя в ту пору как она была, и ничего не было на разуме больше, однако ж после совершения оной началось иное, и преднее дело явилось яко предвестником дела, о котором сам можешь рассудить, коли-ких трудов и тщания оное требует, о чем, есть ли живы будем, впредь писать будем. С Москвы на службу под Азов по их пре-светлейшества указу, пойдем сего же месяца 18 числа»{53}.

Результаты Кожуховских маневров убедили царя в том, что его армия настолько овладела военным искусством, что способна побеждать на поле брани не только заведомо слабого, но и сильного неприятеля. Это суждение Петра было ошибочным, но такова натура царя — уверовав во что-либо и задумав что-либо, он не успокаивался до тех пор, пока не выполнял задуманного, не жалея при этом ни собственных сил, ни ресурсов своих подданных.

Реальным неприятелем, с которым предстояло помериться силами, были Османская империя и ее вассал — Крымское ханство.

Подготовка к новому походу началась, по-видимому, сразу же после окончания Кожуховских маневров. Прямые доказательства на этот счет отсутствуют, но имеется убедительное косвенное свидетельство. Из «Дневника» Патрика Гордона следует, что царь стал часто встречаться с генералом, главным своим советчиком по военным вопросам и наиболее искусным в военном деле человеком среди иноземных наемников.

Патрик Гордон, как и Франц Лефорт, был участником обоих походов Голицына к Перекопу. Он вполне осознавал гибельность для русской армии попыток атаковать крымцев у стен практически неприступной, хорошо укрепленной Перекопской

крепости. Гордон, видимо, и подсказал Петру новое направление удара — не у Перекопа, а на ином театре военных действий — у стен турецкой крепости Азов.

Это новое направление похода русской армии имело по крайней мере два важных преимущества. Первое состояло в том, что русская армия, двигаясь к Азову по рекам — Дону и Волге, избавлялась от необходимости везти за собой громоздкий обоз. Кроме того, реки освобождали пехоту от утомительных переходов по безлюдной и безводной степи, во время которых войска несли огромные потери не столько от неприятеля, сколько от болезней. Второе преимущество заключалось в том, что армии предстояло двигаться к цели мимо населенных пунктов, а это обеспечивало ее продовольствием и фуражом. В результате армия должна была подойти к цели не изнуренной тяжелейшим маршем, а, напротив, свежей и боеспособной.

Двадцатого января 1695 года на Постельном крыльце Кремлевского дворца был объявлен приказ служилым людям собираться в поход в Белгород и Севск к боярину Борису Петровичу Шереметеву для похода на Крым. Цель похода сознательно держалась в тайне — в действительности поход готовился не на Крым, а к Азову.

На военном совете, состоявшемся 21 февраля, было решено отправить под Азов сухим путем десятитысячный отряд под командованием генерала Гордона с целью воспрепятствовать приходу в город турецких подкреплений. Главные силы с артиллерией и амуницией должны были следовать водой по рекам Москве, Оке и Волге до Царицына, а оттуда пешим ходом двинуться к Паншину, расположенному на Дону в том месте, где излучина реки ближе всего подходит к Волге. Гордон отправился в путь 6 марта, а основные полки, посаженные на струги, отчалили от Каменного моста в Москве позднее — в конце апреля{54}.

О ходе подготовки к первому Азовскому походу Лефорт поведал в письме к брату, отправленном 16 февраля 1695 года:

«Сейчас я могу вам сказать следующее: вся страна готовится и собирает полки, чтобы, когда вскроются реки, отправиться с его царским величеством Петром Алексеевичем. У нас четыре армии. Первая отправится водным путем до турецкого города Азова, который его величество будет осаждать. Отсюда отправляется самая красивая артиллерия, какую только можно видеть. Четыре генерала должны следовать за его величеством, и они уже получили распоряжения. Первого вы знаете, это я, ваш слуга. Мой полк, в сущности, по численности шестой, насчитывает больше двенадцати тысяч человек. И кроме того у меня есть все, что

нужно, т. е. 24 больших пушки и 24 больших мортиры, чтобы совсем разрушить город. Второй генерал — мой шурин Гордон, с восемью тысячами человек других войск, так как его полк насчитывает только четыре тысячи. Еще один русский генерал с тем же числом людей и с таким же количеством пушек и мортир. Еще один — генерал от артиллерии. Он будет командовать казачьими войсками со стороны Дона и несколькими полками со стороны Астрахани и Казани. Вторая армия — гетманская, т. е. казацкого князя, у него более 60 тысяч человек, он двинется со стороны Перекопа или Казы-Керменя и нападет на несколько городов. Белгородская армия является третьей, она насчитывает более 40 тысяч верховых и солдат. Она не разъединится с гетманской. Четвертая будет стоять на границе со стороны Севска в резерве. Большинство бояр следуют за его величеством — их три тысячи. Начинают постепенно покидать лагеря. Пятеро из моих полковников отправляются на этой неделе, чтобы присоединиться к своим полкам»[{55}].

Таково было расположение войск по плану на середину февраля. Реальная дислокация войск месяц спустя после отправки письма отличается от описанной Лефортом. Войска были разбиты на три соединения, каждым из которых командовали не зависимые друг от друга командующие, что противоречило принципам воинской субординации. Первое соединение численностью около десяти тысяч под командованием генерала Гордона должно было достичь Азова по суше. Задача, поставленная Гордону, состояла в том, чтобы, расположившись у стен крепости, воспрепятствовать подходу к ней турецких подкреплений. 24 июля полки Гордона встали лагерем под Азовом, но военных действий не открывали, ожидая прибытия главных войск.

Второе соединение под командой Автомона Михайловича Головина, численностью около семи тысяч человек, и третье под командованием Лефорта, численностью в тринадцать тысяч человек, погрузились на Москве-реке в струги и отправились в путь при пушечной пальбе 28 апреля.

Четвертой армией, на долю которой выпали операции против Крыма, командовал Б.П. Шереметев. Эта армия действовала вдали от основных корпусов. Ее главная задача состояла в том, чтобы ввести в заблуждение турок, которые должны были полагать, что новый поход, как и походы Голицына, будет направлен в Крым.

В качестве источника для описании Азовских походов воспользуемся прежде всего «Дневником» Патрика Гордона, в который он заносил ежедневно все происходившие под стенами

крепости важнейшие события, а также его же «Отчетом об осадах Азова в 1695 и 1696 годах», где не только кратко изложены записи «Дневника», но и использованы другие не дошедшие до нас источники. Кроме того, важные сведения о походе и осаде крепости обнаруживаем в письмах Петра I к друзьям, оставшимся в Москве. В этих письмах отражено восприятие событий самим Петром. Письма же Франца Лефорта к своим родным в Женеву от этого времени неизвестны, хотя некоторые подробности боевых действий приведены в его письме брату Ами от 6 декабря 1695 года, когда Франц Яковлевич уже вернулся в Москву. Информацию об участии Лефорта в походе можно обнаружить и в письмах Петра своим друзьям, а также в «Дневнике» Патрика Гордона. Но информация эта крайне скупа и часто ограничивается лишь упоминанием его фамилии.

Заслуживает быть отмеченной церемония движения отрядов Головина и Лефорта из Преображенского по улицам Москвы до Всесвятского каменного моста, где войска были погружены на струги. Царь полностью не отказался от придания церемонии шутовского характера. Шествие открывал отряд Головина, состоявший из его холопов, сидевших на конях. Далее следовала генеральская карета, по бокам которой шествовали тоже холопы, одетые в красные кафтаны и с обнаженными мечами. За каретой шел Головин, за ним Петр в сопровождении комнатных людей, несших знамя и вооруженных алебардами. За ними шла рота Преображенского полка. «Тут же шел генерал Франц Яковлевич Лефорт, — продолжал описание шествия современник событий И.А. Желябужский, — а перед ним шла его коляска; а перед коляской вели простых лошадей, а за ним шли стольники и есаулы. А за ними шли стрелецкие полки»{56}.

Шестнадцатого мая караван стругов достиг Нижнего Новгорода. Здесь Петру были поднесены заранее заготовленные продовольственные припасы для царского стола: 17 пудов икры, живая белуга, осетр, стерлядь, обыкновенная рыба, скотина на мясо и 83 пуда меда. Впрочем, все эти припасы царь принимать отказался — возможно, потому, что рыба не входила в число его гастрономических предпочтений. Не были обделены и начальные люди. Генералу Францу Яковлевичу, в частности, были поднесены калач ценою в гривну, бочонок винограда, говядина, два пуда икры, четыре пуда меду, две головы сахару.

В ожидании подхода всех стругов караван задержался в Нижнем Новгороде с 16 по 21 мая. 19 мая царь извещал об этом оставшегося в Москве Ф.Ю. Ромодановского. Надо сказать, что в письмах своим приятелям, оставшимся в Москве, царь позволял себе описывать происходившее в том же шутливом тоне, которым

пользовался и раньше и которым, разумеется, с его согласия, пользовались, например, сочинители реляции о Кожуховском походе. В письмах к Ромодановскому Петр продолжал игру в «князя-кесаря», обращаясь к нему «Min Her Kenih»; полученные от него письма принимал за «вашу государскую милость», многократно благодарил и «впредь такоже по верной своей службе служить» обещался. Но сообщалось в этих письмах о делах совсем не шуточных, а серьезных. Так, царь писал Ромодановскому из Нижнего Новгорода, «что холопи твои Автомон Михайлович и Франц Яковлевич со всеми войсками, дал Бог, здорово и намерены завтрашнего дня итить в путь, а мешкали для того, что иные суды в три дни насилу пришли и ис тех небрежением глупых кормщиков, которых была большая половина в караване; также и суды, которые делали гости, гораздо худы, иначе насилу пришли…». Подпись под письмом: «Всегдашный раб пресветлейшего вашего величества бомбардир Piter».

Третьего июня флот был в Саратове, а 6-го числа пришвартовался к Царицыну, откуда предстоял тяжелый пеший переход к расположенному на Дону Паншину. Лошади в Царицыне не были заготовлены, и артиллерию и припасы к ней пришлось тащить солдатам и стрельцам. Из Царицына Петр 10 июня извещал «князя-кесаря» о том, что «холопи ваши генералы Автомон Михайлович и Франц Яковлевич со всеми при них будущими, дал Бог, в добром здоровий»[57].

В Паншине должно было быть заготовлено огромное количество продовольствия: 22 500 ведер вина, десятки тысяч соленых осетров, щук, судаков и лещей, ветчины, 120 тысяч штук всякой рыбы, восемь тысяч пудов соли. Подрядчики не полностью заготовили продовольственные товары, а соль не привезли совсем. «Печаль вам слезная, — писал Петру Тихон Стрешнев, — из-за воров-подрядчиков, что от непоставки их тебе… печаль, а ратным людям оскудение в пище»[58].

Восемнадцатого июня Петр сообщал переводчику Посольского приказа Андрею Юрьевичу Кревету, что караван двинулся в путь; впереди плыл Лефорт со своим соединением, за ним следовал Головин. 29 июня караван бросил якорь недалеко от Азова. В тот же день Гордон встречал царя в своем лагере. «При его прибытии, — записал он в «Дневнике», — я велел выстрелить из всех пушек и прежде всего из 12, которые стояли перед палатками, а затем по всему лагерю, начиная сперва с Бутырского полка. Наконец, стреляли из мушкетов в том же порядке. После того как его величество поужинал, был военный совет, и в нем решено было, что я с моими войсками на

следующий день пойду дальше, что донской атаман пошлет отряд на разведку, что я осведомляю его величество об известиях, которые будут получены, и тогда двинусь»{59}.

Пятого июля Гордон сделал следующую запись в «Дневнике»: «Около четырех часов пополудни пришли два других корпуса, встретив на дороге только незначительное сопротивление неприятеля. Я поехал к ним навстречу и нашел их в версте от моего лагеря. Я советовался с его величеством о том, где ему иметь пребывание. Затем мы поехали дальше и осмотрели места, где должны были расположиться лагерем армии, а также где можно бы легче всего и с наибольшей выгодой вывести траншеи и делать батареи. Его величество решил стоять вне обоих валов с корпусом Автомона (Головина. — Н.П.), чтобы быть в безопасности. Потом он мне поручил показать генералу Лефорту место его расположения.

Проводив последнего на левый фланг, где он на эту ночь должен был стоять между старыми валами контр- и циркулевалационной линий (линией, обеспечивавшей безопасность осаждающей армии. — Н.П.), я вернулся и узнал, что его величество спрашивал меня. И он поехал со мной к моей палатке, оттуда к наиболее вперед выдвинутым траншеям, которые были прикрыты валом. Это сооружение понравилось царю; он приказал доставить туда три мортиры и бросить в город три бомбы. О них говорили, что хорошо попали, хотя и недостаточно далеко отлетели, будучи все же пущены под углом в 45°…

По заходе солнца пришли ко мне его величество и главные начальники корпуса Головина с инженерами. Мы выехали, чтобы усмотреть место, где должен был быть сооружен вал контрвалационной линии, относительно которого не было согласия между инженерами. Даже после того, как его величество решил дело, главный инженер объявил, что он не возьмется начинать работу ночью из боязни, что ему не удастся вести линию прямо. Хотя я предложил свое содействие, однако это не помогло».

К сожалению, совету Гордона не вняли. Расплачиваться за это пришлось впоследствии солдатам и стрельцам. О дислокации русских войск под Азовом Гордон записал в «Отчете» под 5 июля: «Генерал (Гордон. — Н.П.) выехал за милю из лагеря встретить и указать другим генералам удобное место для лагеря. Но его совет принят не был — генерал Лефорт разбил лагерь на левом фланге между старой и новой стенами слишком далеко от соседней армии, а генерал Головин расположился позади обеих стен на еще большем удалении (правда, надо учесть, что его величество

оставался в этой армии), тогда как генерал Гордон наметил гораздо более подходящие и не такие опасные позиции».

Вечером 6 июля на море появилось 20 галер, а 7 июля «с рассветом несколько судов отправилось из города к турецкому флоту. После полудня они возвратились тяжелогруженые, а христиане не были в состоянии им помешать из-за недостатка смелости и отсутствия единства в армии». Гордон, однако, не указал главную причину бездействия русской армии — отсутствие у нее флота.

В этот же день, 7 июля, около четырех часов дня турки прошли сквозь сады и совершили «ужасный налет на лагерь генерала Лефорта. Ворвавшись в него, они убили многих солдат, нескольких захватили, еще больше ранили и нанесли бы и худший урон, если бы 2 или 3 тысячи солдат генерала Гордона не поспешили на помощь через поле, отрезав турок от города. Те, увидев это, отошли в сады и увели пленных… Ночью в городе веселились и играли на разных инструментах. У турок были на то причины, ведь им привезли амуницию, провизию и жалованье, они побили сотни христиан»[{60}].

Десятого июля турки повторили нападение, но на этот раз вынуждены были отступить, ничего не добившись. Австрийский дипломат Плейер, участвовавший в первом Азовском походе, доносил об этой вылазке: «Ночью подкрались турки из города на несколько сажен к лагерю Гордона. Им навстречу вышел в поле сам генерал Гордон со своим караулом, и так как после этого в обоих лагерях поднялась тревога, то турки повернулись обратно».

В этих трудных условиях Лефорту все же удалось построить две батареи, вооружив их двенадцатью большими тридцатишестифунтовыми пушками и двадцатью пятью мортирами. В течение восьми дней на город было брошено около шести тысяч бомб, которые почти полностью разрушили его. Обстрел города вели и батареи Гордона, состоявшие из восьми маленьких мортир и шестнадцати пушек.

Начались будни осадных работ. Турецкая крепость Азов была расположена на одном из рукавов Дона в 15 верстах от Азовского моря. После того как в 1637 году, после лихой атаки донских казаков, турки на пять лет потеряли Азов, они, вернув город, основательно укрепили его и превратили в почти неприступную крепость. К 1695 году крепость представляла собой каменный четырехугольник с бастионами по углам, внутри которого находился каменный замок. Снаружи крепость была опоясана земляным валом и рвом с частоколом. Выше Азова, примерно в трех верстах от него, на противоположных берегах Дона были построены каменные башни, так называемые каланчи,

соединенные между собою тремя толстыми железными цепями, преграждавшими проход судов как к крепости, так и к Азовскому морю. Цепи препятствовали донским казакам совершать набеги на восточное побережье Крымского полуострова. Каланчи были обильно снабжены артиллерией и вмещали многочисленный гарнизон. Кроме каланчей подступы к Азову защищал каменный форт Лютик, стоявший в устье северного рукава Дона, так называемого мертвого Донца.

На военных советах 11 и 13 июля было решено атаковать ближайшую к расположению русских войск каланчу. Двумстам казакам, изъявившим желание участвовать в атаке, было обещано по десять рублей каждому.

По рассказу Плейера, на рассвете 14 июля казаки сделали проход к каланче, ворвались в нее и без потерь овладели ею, пленив полтора десятка турок и захватив столько же пушек, из которых тут же начали обстрел второй каланчи. Ее гарнизон решил оставить каланчу без сопротивления. Взятие каланчей вызвало в лагере осаждавших большую радость, которой царь поспешил поделиться с братом Иваном и патриархом Адрианом. Патриарху он писал: «А июля в 14 да в 16 числах благословил Господь Бог оружие наше, предал нам в руки две крепости, на Дону стоявшие, каменные, именуемые каланчами, со всеми пушками, знаменами и воинскими припасами»[{61}].

Но радость от взятия первой каланчи омрачило другое событие, произошедшее в тот же день: к осажденным бежал голландский матрос, находившийся на русской службе, — Яков Янсен, который сообщил османам важные сведения. Любопытно, что Петр в своих письмах от Азова ни словом не упомянул об этом неприятном для него факте.

Подробности предательства Янсена привел в своем «Отчете» Патрик Гордон: «Утром принявший русскую веру матрос-немец, чем-то недовольный, дезертировал и пробрался в город. Предатель Яков сообщил туркам все сведения: что траншеи генерала Гордона далеко впереди других и еще недостаточно защищены, а большой отряд из его армии отбыл с подводами к реке Койсуге за амуницией и провиантом; что генералы настроены друг к другу недружелюбно, а значит — подмоги из других армий ждать не приходится; что русские обыкновенно после полудня спят и более уязвимы, нежели в другое время.

Воодушевленные всем этим турки решились на отчаянную вылазку.. Скрытно пробрались через ров и сады справа и оказались в траншеях прежде, чем их обнаружили. Это привело в такой ужас стрельцов (а там был их пост), что они почти не сопротивлялись и в большинстве бросились бежать, побросав

оружие. Им так и не удалось собраться с духом и занять редут с орудиями, они и не думали обороняться и в беспорядке отступали… Шум боя услыхали в лагере генерала Гордона, послали в другие армии за помощью и с отборной гвардией поспешили на подмогу… После получасового боя турок выбили из траншеи и обратили в бегство. Христиане их преследовали до самого рва, хотя имели приказ лишь занять свои траншеи. Турки же увидели, в каком беспорядке преследователи, повернули и с помощью людей из города и спешившейся конницы, что с криками появились слева из заросших садов, вновь обратили христиан в смятение и бегство».

Вылазка турок стоила Гордону потери 300—400 человек. «Это несчастье, — заключил свой рассказ Гордон, — научило нас быть осторожнее и с большим прилежанием укреплять наши редуты и траншеи»{62}.

Овладение каланчами облегчило подвоз провианта и боеприпасов к русскому лагерю — 17 июля более трех тысяч судов, нагруженных продовольствием, амуницией и боеприпасами, отплыли с реки Койсуг и остановились у каланчей. Главный итог этой операции, к слову сказать, и состоял в том, что плавание по Дону стало свободным: как писал царь брату, «ворота по Дону отворены». Захвачены были и значительные трофеи, хранившиеся на двух каланчах: 32 пушки, «кроме мелкого ружья, пороху же, ручных гранат и всяких припасов многое число, да три знамени».

В Москве об этом успехе стало известно 29 июля. Победа была отмечена благодарственным молебном, во время которого было зачитано письмо царя патриарху.

Взятие каланчей настолько воодушевило осаждавших, что 28 июля было решено склонять турок к капитуляции. В крепость было доставлено послание за подписями трех генералов. Через три часа был получен письменный ответ с надменным отказом, и обе стороны возобновили огонь. «Христиане принялись выдвигать вперед войсковые колонны и траншеи усерднее прежнего; но работе мешали как многочисленный гарнизон (Азова), так и нехватка опыта у христиан. Потому немалую часть работ сделали, как обычно, то есть не до конца…»{63}

Началась подготовка к штурму. О том, сколь успешно она велась, можно судить по письмам царя московским друзьям:

29 июля 1695 года Ф.Ю. Ромодановскому: «…Промыслами своими день о дни к неприятелю и апрошами (траншеями. — Н.П.) приближаются, и уже генерала нашего редут в двадцати саженях от города обретаетца».

30 июля А.Ю. Кревету: «Уже менша тридцати сажен от города

обретаемся».

2 августа Ф.Ю. Ромодановскому: «…Шанцами гораздо пришли близко ко рву, и от того неприятелю учинялось великая теснота».

14 августа ему же: «Шанцами дни в четыре или в пять придут в ров».

22 августа А.А. Виниусу: «…В марсовом ярме непрестанно труждаемся».

4 сентября Кревету: «…Подошли к гнезду блиско и шершние раздразнили, которые за досаду свою крепко кусаютца; аднако гнездо их помаленьку сыплет».

17 сентября А.А. Виниусу: «…В городе марсовым плугом все вспахано и насеено. И ныне ожидаем доброго рождения»{64}.

Если бы историки располагали одними только письмами Петра, то у них могло бы создаться впечатление об успешном осуществлении осадных работ — царь и на этот раз умолчал о неудаче, постигшей осаждавших: 2 августа состоялся военный совет, принявший, вопреки возражению Гордона, решение штурмовать крепость, однако штурм этот закончился неудачей и стоил русским огромных потерь.

О решении военного совета Гордон сделал 2 августа следующую запись: «Был военный совет, на котором присутствовал его величество и другие. С большим рвением настаивали на том, чтобы предпринять штурм в ближайшее воскресенье (5 августа. — Н.П.). Хотя я очень серьезно представлял, что прежде всего нужно подвести траншеи ближе к первому рву и надо вывести ров насколько возможно кругом города к городскому рву, чтобы он мог служить защитой и прикрытием для штурмующих, если бы они оказались побеждены; однако все это не имело перевеса. Был решен штурм и отданы соответствующие приказания». 3 августа заготавливались лестницы и фашины, на следующий день волонтеры, добровольно изъявившие желание участвовать в штурме, упражнялись в использовании подручных материалов.

Между прочим, Гордон отметил наличие большого количества охотников штурмовать крепость, что «должно было причинить беспорядок, недостаток офицеров и их неопытность могли привести к замешательству. Но они вследствие излишней уверенности или по глупости не хотели брать ни лестниц, ни мостов, ни других каких-либо приспособлений. И все-таки я прочел у многих на лицах, что они готовы раскаиваться в своем предприятии. Все это не обещало ничего доброго».

Штурм, как и было решено военным советом, состоялся 5 августа. Его описание дал Гордон в «Дневнике»: «С рассветом я

послал приказание стрельцам занять траншеи и затем вслед бить тревогу, что было знаком к нападению. Однако передовые не выказали никакого усердия и пропустили значительное время, пока мы их принудили к выступлению. И это происходило без особенного оживления. Между тем они шли вперед. Командуя бутырскими и тамбовскими солдатами на левом фланге, я приказал им беспрерывно стрелять против углового бастиона, и они держались с этой стороны очень хорошо. Но другие полки, которые должны были идти вправо поблизости Дона, более следовали за бутырцами и тамбовцами, поворачивая влево, пришли в пространство между садами, где они сочли благоразумно засесть, чем решительно броситься навал.

Бутырские и тамбовские солдаты заставили неприятеля прекратить стрельбу с валов болверка, живо двинулись вперед и пошли на приступ болверка, влезли на вал даже без лестниц, что было довольно легко по уступам плетня. Но когда они достигли гребня, они встретили ожесточенное сопротивление, потому что турки сражались, как люди, полные отчаяния. Хотя наши напали на них храбро, однако были в состоянии ворваться в болверк. Здесь был убит “бей”, или начальные города. Между тем другие полки не пытались ни напасть на доставшиеся им места, ни помочь нападающим на болверк. Это очень ободрило турок, и они без всякого опасения стреляли по тем, которые теснились между садами и стояли неприкрытыми от огня с вала».

Даже если учесть, что описание штурма Гордоном не было вполне объективным, ибо нацелено было на то, чтобы доказать правоту генерала, из него видны причины неудачи. Без наличия бреши в крепости было трудно надеяться на успех штурма; лица, командовавшие штурмом, не достигли синхронности и необходимой слаженности в действиях: в то время как одни полки оказались на валу, другие спокойно созерцали происходившее и не оказывали им помощи. Полки Лефорта и Головина вступили в бой позже, чем следовало: они ринулись на штурм тогда, когда добившиеся временного успеха солдаты Гордона откатились на исходные позиции.

Итак, штурм закончился неудачей. Однако об этой неудаче читатель писем Петра не обнаружит даже глухого намека.

Штурм выявил еще одну черту натуры царя: чем значительнее была неудача, тем тверже становилось желание Петра преодолеть трудности, вызвавшие неудачу. Не утратил он и чувство юмора и продолжал отправлять друзьям шутливые письма, будто ничего огорчительного не случилось. 14 августа он писал Ф.Ю. Ромодановскому: «А о здешнем поведении возвещаю, что великий господин светейший Ианикит (глава «Всепьянейшего

собора» Никита Зотов. — Н.П.*)*, отец ваш государев и богомолец, такожде и холопи ваши генералы Автомон Михайловичу Франц Яковлевичь, Петр Иванович (Гордон. — Н.П.*)* со всеми при них будущими, дал Бог, здоровы».

Пятнадцатого августа осажденные отклонили новое предложение о сдаче. «И даже стреляли в казака, который пытался с ними заговорить», — записал Гордон. Русскому командованию ничего не оставалось, как продолжать траншейные работы и укреплять частично разрушенные бомбардировкой каланчи. К 29 августа траншеи Гордона были так близко подведены к стенам крепости, что солдаты перебрасывались с неприятелем камнями. Петр стал часто посещать Гордона — видимо, советуясь с ним. Траншейные работы и закладка в них пороха обнаружили еще один пробел в выучке русских войск — он заключался в слабой инженерной подготовке и отсутствии квалифицированных специалистов среди иностранных наемников. Так, мины, взорванные 14 и 15 сентября, нанесли урон не столько неприятелю, сколько собственным войскам.

К этим неудачам добавилась испортившаяся погода. Два дня подряд, 18 и 19 сентября, шел сильный дождь, заполнивший траншеи водой. Тем не менее на военном совете, состоявшемся 21 сентября, было решено предпринять новый штурм 24 сентября. Но он оказался столь же безуспешным, как и первый. Солдаты и стрельцы Гордона и Лефорта, взобравшиеся без лестниц на вал, были оттеснены отчаянно сопротивлявшимися турками в ров, подверглись обстрелу из ружей и гранат. По приказанию Петра в бой были брошены Преображенский и Семеновский полки с тысячью казаков. Они взобрались на вал. Гордон решил их поддержать и повторно отправил свои войска к валу, но успеха не достиг. Русские вынуждены были отступить.

Сам Лефорт в письме брату так описывал военные действия под Азовом, как обычно, слегка преувеличивая свою роль:

«Уверяю вас, дорогой брат, что во время 14 недель, которые я провел под Азовом, атаки были сильные, особенно на моем фланге, где я один расположился лагерем со стороны моря. Враг сделал сумасшедшую вылазку из города, и кавалерия, или татары, сопровождала пехоту. Было более 10 тысяч татар, самые отважные из них — черкесы. Первая битва длилась долго, они хотели форсировать мои позиции, но после двухчасовой битвы были вынуждены отступить с большими потерями. С моей стороны я потерял отважных офицеров, мой лагерь был покрыт стрелами. Несколько сот солдат было убито и ранено. Я скажу вам коротко, без хвастовства, что, слава Богу, мне повезло. Мы очень сомневались в том, что солдаты смогут противостоять

таким сильным атакам без посторонней помощи. Несмотря на все, я им закрыл все проходы, так что Азов не имел никакого сообщения с кавалерией. Положение их было безнадежным. В течение 14 дней не было ни одного, когда бы мы не развлекались пушечной пальбой. Я *укрепил* мой лагерь так сильно, как только мог, для того, чтобы иметь больше людей на подступах с моей стороны. По моему приказу на город было брошено около 6 тысяч бомб. У меня были две батареи, состоящие из двенадцати 36-фунтовых пушек каждая и 25 мортир. В течение восьми дней весь город был сожжен. Мы сделали два больших приступа. Город мог бы быть взят, если бы вовремя нашелся один генерал с заранее подготовленными к этому людьми. Из тысячи пятисот моих солдат 900 было убито или ранено. Они оставались на крепостных валах еще два часа для того, чтобы спасти три знамени, которые вместе с убитыми офицерами упали в турецкие рвы. Они предпочли умереть, нежели потерять свои знамена. Если было бы еще тысяч 10 солдат, город был бы взят приступом, но соглашением — никогда. Турки упрямы и не просят пощады». И чуть ниже о Гордоне: «Моему шурину Гордону не повезло… Он потерял 9 пушек, несколько знамен и несколько больших заклепанных пушек. Все было бы хорошо, если бы не эта неудача»[{65}].

Возвращение армии в Москву сопровождалось природными катаклизмами. На второй день после того, как дана была команда к снятию осады, 30 сентября, сильный ветер с моря нагнал столько воды в Дон, что река вышла из берегов. Колеса повозок были затоплены до осей, у каланчей образовалось озеро, несколько человек утонуло, подмокла часть пороха. Отступление пришлось отложить до 2 октября. Отступающую армию преследовала татарская конница. Хотя она и не наносила значительного урона, но замедляла движение, вынуждала отступавших то и дело посылать отряды, чтобы отогнать татар. Арьергард армии составлял отряд Гордона, двигавшийся по суше, в то время как отряды Головина и Лефорта плыли в стругах по воде.

Пятого октября войска прибыли в Черкасск, городок в низовьях Дона, где был устроен склад для хранения припасов, предназначавшихся для похода в следующем году. В Черкасске полки Гордона и Лефорта стояли неделю и затем двинулись в путь.

Из Черкасска Петр отослал письмо руководителю Посольского приказа Льву Кирилловичу Нарышкину с повелением отправить послание к цесарю (австрийскому императору) с просьбой прислать инженеров, умеющих делать

подкопы и взрывать мины: «Для Бога к цесарю вели отписать с прошением о инженерах и о иных мастерах, чтобы к весне хотя б 6 человек, а хорошо б 10. И буде поопасутся отпуску, и ты вели в грамоте доложить, что по окончании того лета, в котором они призваны будут, не задержав, им будет свобода»{66}. Как видим, царь уже тогда был озабочен планами кампании следующего года. Он не сомневался в том, что новая война завершится к лету, и надобность в инженерах отпадет. Петр умел извлекать уроки из допущенных ошибок. Он держал в голове неудачные попытки сделать бреши в крепостных стенах, неудачно взорванные мины, которые не причинили никакого вреда неприятелю, но навредили его собственным войскам, и понимал необходимость в квалифицированных специалистах.

Путь от Черкасска до Валуек оказался крайне тяжелым — неожиданно грянули морозы, пошел снег. Из «Дневника» Гордона явствует, что даже ему, генералу, довелось испытать неудобства пути. 16 октября он занес в «Дневник»: «Была очень неприятная холодная погода. Несколько дней меня мучила простуда. Когда я лег спать, я почувствовал себя совсем плохо. Всю ночь у меня был чрезвычайный жар, а под утро пот. Несмотря на то, я встал, потому что у меня никого не было, кому бы я мог поручить распоряжение обозом и маршем». 17 октября: «Рано пошли мы далее, но была очень дурная погода со снегом, градом и ветром прямо в лицо. Около 10 часов я почувствовал себя так нездоровым, что был более не в состоянии сидеть на лошади; я слез и лег в свою повозку».

Об этом же сообщал и Лефорт брату Ами: «Возвращаясь, мы провели тринадцать недель в степях, где страдали от больших холодов и снега». Во время отступления Лефорт упал с лошади и сильно ушиб бок о камень; началась болезнь, оказавшаяся мучительной и преследовавшая его до конца жизни.

Отступать приходилось по безлюдной, безлесной и безводной степи. Войска были лишены воды и возможности обогреваться кострами в ночные часы. Вместе с армией лишения переживал и Петр. Лишь 1 ноября армия подошла к первому населенному пункту — Валуйкам. Далее путь был не столь тяжелым — войска двигались по обжитым местам, вдоль сел и городов. Только теперь Петр покинул армию и поспешил в Москву.

В письмах царя московским приятелям в октябре—ноябре 1695 года, когда неудача похода стала очевидной, читатель не найдет никакой информации о событиях под Азовом. Царь ограничивался упоминанием, что генералы Головин, Гордон и Лефорт пребывают «в добром здоровьи». Лишь в письме к Ф.М. Апраксину, отправленном из Москвы в Архангельск, Петр впервые

известил корреспондента о неудаче первого Азовского похода, причем лапидарным текстом без каких-либо подробностей, но в ироническом ключе: «По возвращении от невзятия Азова, с консилии господ генералов, указано мне к будущей войне делать галеи (галеры. — Н.П.), для чего удобно быть шхинтимерманом всем от вас сюды». Речь шла об отправке корабельных мастеров из Архангельска в Москву. Это было первое проявление заботы о построении в Воронеже военных кораблей, необходимых для блокады Азова с моря и взятия крепости. Таков был еще один урок, извлеченный из неудачи первого Азовского похода.

Мысль о создании флота созрела у Петра еще во время возвращения войск из-под Азова. 21 октября он писал Виниусу: «Пожалуй, о каторжных мастерах не забудь»[{67}].

Двадцать второго ноября 1695 года состоялось торжественное вступление армии в Москву. Его описал И.А. Желябужский: «Ноября в 22 день, в пятницу, государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великие и Малые и Белые России самодержец изволил из Коломенского идти к Москве с ратными людьми и шел по каменному большому мосту и пришел во дворец (в Кремль. — Н.П.) с полками. Перво пришел генерал Петр Иванович Гордон, за ним государь и весь его царский сингклит. А перед сингклитом вели турчанина (пленного. — Н.П.) руки назад: у руке по цепи большой; вели два человека. А за ним шли все полки стрелецкие. И пришед, стали строем на дворце. А государь изволил идти в свои царские чертоги, а за ним пошли все генералы и все начальные люди. И всех начальных людей государь пожаловал к руке и службу их милостиво похвалил. А объявлял их, начальных людей, боярин князь Петр Иванович Прозоровский, что генералы Петр Иванович Гордон, да Автамон Михайлович Головин, да Франц Яковлевич Лефорт под Азов ходили и оный с людьми и с пушками взяли (? — Н.П.) и со всяким мелким ружьем. И того ж часа государь изволил идти со всеми ратными людьми в Преображенское строем».

Нельзя не отметить оговорку Желябужского — то ли случайную, то ли намеренную: он извещает о взятии Азова, в то время как крепость осталась в руках у турок. Возможно, что в первые дни по вступлении войск в Москву был распущен слух о том, что Азов был взят.

Третьего декабря 1695 года царь весело отпраздновал возвращение из похода. Произошло это в доме Франца Лефорта, несмотря на то, что хозяин был нездоров. «…В прошлый вторник его царское величество Петр Алексеевич оказал мне честь и обедал у меня со всей знатью, — извещал Лефорт брата Ами. — Много стреляли из пушек и много было разной музыки. После

ужина танцевали допоздна».

Так закончился первый Азовский поход. Его неудачу не смогли компенсировать успешные действия армии Б.П. Шереметева, овладевшего четырьмя нижнеднепровскими крепостями, в число которых вошел Казы-Кермень.

Глава пятая. ВЗЯТИЕ АЗОВА

Едва ли не главная причина неудачи первого Азовского похода состояла в отсутствии флота, способного обеспечить полную изоляцию крепости со стороны моря. Другая причина, не менее важная, заключалась в том, что среди осаждавших не нашлось опытных инженеров — минеров, умевших руководить устройством подкопов и закладыванием мин. Опыт показал также наличие серьезного недостатка в организации управления войсками: наличие сразу трех командующих не обеспечило надлежащего взаимодействия между корпусами.

Здесь уместно отметить одну особенность поведения царя во время войн, причем как в начале своей военной карьеры, когда Петр еще не приобрел достаточного опыта, так и в конце ее, когда его полководческое дарование раскрылось в полной мере: он не возлагал на себя обязанностей главнокомандующего, хотя, находясь на театре военных действий, фактически выполнял его функции. Во время первого Азовского похода Петр номинально выступал в скромной роли «бомбардира», предоставив трем командующим корпусами руководить операциями. Это, однако, не означало, что царь уклонился от ответственности за постигшую неудачу, взвалив вину за поражение на плечи командующих корпусами. Он и впоследствии, во время тяжелых поражений русской армии — и под Нарвой в 1700 году, и на берегах Прута в 1711 году, — ни разу не взваливал вину на других: ни указы, ни источники эпистолярного характера не содержат ни одного упрека царя в адрес номинальных главнокомандующих. Неудача под Азовом не являлась исключением: «бомбардир Piter» определял общие задачи операции по осаде Азова, предоставив право решения их главнокомандующим. Точнее, он определял стратегию, не вмешиваясь в тактику. И хотя действия главнокомандующих не всегда были безупречными, он не осуждал их за промахи.

Петр обладал двумя драгоценными качествами великого полководца и государственного деятеля: он умел извлекать уроки из неудач и не расхолаживался, напротив, проявлял сам и заставлял других проявлять упорство в достижении поставленной цели. Он извлек уроки из неудачи первого Азовского похода и сделал все, чтобы достичь успеха.

Подготовка ко второму Азовскому походу, как уже было сказано, началась еще во время тяжелого возвращения армии из

первого похода. 27 октября 1695 года была послана грамота австрийскому императору, в которой царь извещал его, что овладеть Азовом было невозможно из-за недостатка оружия и снарядов, «а более всего — искусных инженеров». Немаловажная задача состояла в пополнении личного состава армии, понесшей значительные потери как во время осады и штурма Азова, так и после его «не взятия», на обратном пути. Наконец, много сил и энергии отняла у Петра забота о строительстве русского флота.

Базой сосредоточения усилий по сооружению кораблей был избран Воронеж. Этот город имел ряд преимуществ. Во-первых, по реке Воронеж удобно было вывести суда в Дон и спустить отсюда к Азову; во-вторых, в округе находились огромные массивы дубрав, которые обеспечивали верфь строительным материалом.

Строительство флота в Воронеже относилось к числу самых сложных и трудоемких задач: корабли надлежало спустить на воду в течение трех-четырех месяцев. Для этого надлежало соорудить в Воронеже верфь, набрать необходимое количество кораблестроителей и укомплектовать корабли матросами. Особенно сложными были две последние задачи — сухопутная Россия не располагала ни опытными кораблестроителями, ни тем более матросами. Еще 30 ноября Петр потребовал от архангельского воеводы Ф.М. Апраксина прислать ему корабельных мастеров из числа русских. Не дожидаясь их приезда, царь сам отправился в Воронеж, чтобы руководить сооружением 30 галер и галиотов (галер больших размеров). Каждый корабль должен был вместить от 120 до 280 солдат. Кроме того, велено было построить в ближайших к Воронежу уездах 1300 стругов, то есть речных судов длиной в 17—19 сажен каждый для погрузки на них осадной артиллерии, снарядов, запасов продовольствия, а также царской свиты и генералитета.

Работа в Воронеже спорилась, причем образец трудолюбия показывал сам царь, выступавший в роли и конструктора, и кораблестроителя. Он выехал из Москвы 23 февраля, а прибыл в Воронеж 29-го числа. Взору царя представилась радовавшая глаз картина: тысячи людей неустанно трудились — одни рубили лес, другие распиливали бревна на доски, третьи были заняты сооружением галер. Царь немедленно включился в изнурительную работу по изготовлению чертежей и сооружению галер.

Своих друзей в Москве он извещал все в том же шутливом тоне:

6 марта Т.Н. Стрешнева: «А мы по приказу Божию к прадеду нашему Адаму, в поте лица своего едим хлеб свой».

23 марта Ф.Ю. Ромодановского: «А о здешнем извещаю, что

галеры и иные суда, по указу вашему, строятся; а ныне же зачали делать на прошлых неделях два галиота».

29 марта Ромодановского: «А здесь, государь, милостию Божию и вашим государским щастием, все строица, к морскому каравану с поспешением».

15 апреля Петр просил А.А. Виниуса известить прочих, что он, царь, не отвечал на их письма «не для лени, но великих ради недосужеств и праздника».

2 мая пишет Ф.Ю. Ромодановскому: «А о здешнем извещаю, что завтрашнего дня с Воронежа господин адмирал, да с ним 8 галей, да галиас три дни как пошол; воевода и генералы уже неделю и болши как пошли»{68}.

Галеры сооружались не только в Воронеже, но и в Преображенском, откуда их в разобранном виде надлежало доставить в столицу кораблестроения. За это отвечал Лефорт, остававшийся в Немецкой слободе. За образец была взята голландская галера, которую в разобранном виде доставили из Архангельска в Преображенское. Кроме того, в Воронеж были доставлены корабли, стоявшие в Переславском озере. В общей сложности в Воронеж надлежало доставить 23 галеры и четыре брандера. Это поручение было очень трудным — прежде всего из-за наступившей весенней распутицы, во время которой, как писал Лефорт, невозможно было пользоваться ни санями, ни телегами.

Первые три судна, самые большие по размерам, были спущены на воду в Воронеже 2 апреля. За ними следовали другие: галиоты, галиасы и брандеры (зажигательные судна. — *Н.П.)*. Общая численность флотилии, как и намечалось, составила 30 судов.

На корабли были погружены солдатские и стрелецкие полки, сосредоточенные в Воронеже, назначенном местом сбора. Первым прибыл генерал Гордон с пятью солдатскими полками, Бутырским полком и четырьмя стрелецкими. Через несколько дней в Воронеж прибыли с конными и пешими полками генералиссимус Алексей Семенович Шеин, генерал А.М. Головин, в корпус которого входили Преображенский и Семеновские полки. Позже других прибыл в Воронеж генерал-адмирал Франц Лефорт. Орудия, порох, ядра и прочие припасы были погружены на 1300 стругов, тоже готовых к отправке.

Как видим, структура верховного командования отправлявшейся к Азову армии изменилась — был учтен неудачный опыт прежней кампании, хотя и не в полном объеме. Теперь вместо трех главнокомандующих был назначен один — им оказался генералиссимус А.С. Шеин, человек, не обладавший талантами полководца и не имевший опыта командования

крупными соединениями. Назначение Шеина свидетельствовало о том, что в распоряжении Петра находился крайне ограниченный круг лиц, способных выполнять обязанности главнокомандующего. Командовавшие ранее отдельными корпусами Головин и Гордон оказались в подчинении у Шеина. Что же касается Лефорта, также возглавлявшего корпус во время первого Азовского похода, то он получил новое назначение.

Еще во время возвращения от «не взятия Азова» Лефорт был пожалован в адмиралы и стал именоваться генерал-адмиралом — командующим пока еще не существовавшей флотилии. Это назначение также нельзя отнести к числу ординарных.

Если Францу Яковлевичу в молодости доводилось участвовать в осаде крепости в качестве волонтера, то есть он имел возможность овладеть элементарными познаниями рядового воина, то с морем он был знаком еще меньше. Правда, в 1678 году ему довелось плыть морем из Гамбурга до Архангельска в качестве пассажира торгового корабля, а находясь в России, он участвовал в сооружении Переславской флотилии и сопровождал царя в двух его походах в Архангельск. Но в морских сражениях, даже потешных, типа Кожуховских маневров, Лефорт не участвовал. Следовательно, он был лишен какого-либо опыта командования военно-морскими силами.

По словам Джона Перри, Лефорт «произведен был в адмиралы, хотя не имел никакого понятия о море»[{69}]. Опровергать это утверждение нет никакого резона. Но вместе с тем нет оснований утверждать, что, назначив Лефорта адмиралом, Петр совершил явную ошибку, что этому назначению Лефорт обязан лишь дружбе с царем. Дело в том, что в то время царь не располагал ни одним человеком, хотя бы мало-мальски владевшим самыми поверхностными знаниями военно-морского дела. Стоит отметить, что и преемник Лефорта на этой должности, Ф.А. Головин, также не был обременен ни познаниями в кораблестроении, ни опытом участия в военно-морских сражениях. Жалуя Лефорта чином адмирала, Петр, надо полагать, руководствовался прежде всего его организаторскими способностями, готовностью отдать свои силы успешному выполнению поручения.

Но имелось еще одно обстоятельство, лишавшее Лефорта возможности непосредственно участвовать в морских операциях. Это его тяжелая болезнь. Выше уже упоминалось о том, что при возвращении из первого Азовского похода Франц Яковлевич упал с лошади и ударился о камень. Следствием стал внутренний нарыв, причинявший больному адские боли.

О своей болезни Франц Яковлевич впервые известил брата

Ами в письме от 6 декабря 1695 года: «Я же чувствую себя не совсем хорошо. Возвращаясь из степи, или пустыни, я упал и ударился правым боком о камень… Дражайший брат, прошу вас извинить меня — я не в состоянии написать другим (почерком. — *Н. П.)* из-за опухоли в правой стороне желудка. Врачи и хирурги прикладывают мне пластыри днем и ночью. Кроме того, я принимаю лекарства». 28 февраля 1696 года ему же Лефорт писал: «…Ввиду того, что мне мешает нарыв, и я пишу на коленях, простите меня, если я не напишу вам много. Я извиняю себя только тем, что, признаюсь вам, с момента моего возвращения из-под Азова я все время чувствовал себя плохо и страдал от сильных болей. Слава Богу, что нарыв прорвался наружу, в течение пятнадцати дней я надеюсь выздороветь и поехать в Азов… Моя болезнь очень огорчает его царское величество, и он лично несколько раз заставлял делать мне перевязки в его присутствии. Ввиду того, что отверстие большое, гноя выходит много. Нарыв только недавно созрел»[{70}].

Брата Исаака Франц в тот же день тоже известил о своей болезни: «Извините за почерк. Я лежу в кровати, не могу писать на столе из-за моего нарыва на правой стороне».

Надежды на выздоровление в течение пятнадцати дней не оправдались. Болезнь истязала Лефорта с некоторыми перерывами до конца его дней и явилась причиной его смерти в сравнительно молодом возрасте.

Как могло случиться, что Франц Яковлевич, будучи прекрасным наездником, так неудачно упал с лошади? В письмах брату он ни словом не обмолвился о причине своего падения. Можно было бы подумать, что его лошадь оказалась норовистой и сбросила седока. Но ведь Лефорт имел широкий выбор — по его словам, его конюшня насчитывала несколько десятков лошадей, и вряд ли он мог выбрать такую, которая не слушалась его. Быть может, лошадь поскользнулась на земле, покрытой тонким слоем льда? Но и это кажется автору маловероятным, поскольку ранние морозы не могли придать земле твердость, не поддающуюся воздействию шипов подковы. Еще одной причиной падения Лефорта могло быть нетрезвое состояние наездника. Позволительно высказать догадку, что Лефорт и умалчивает о причине своего падения именно потому, что счел неудобным называть ее. Но это, конечно, всего лишь авторская догадка.

Особенно мучительны для Лефорта были переезды. Болезнь не дала ему возможности уехать в Воронеж вместе с Петром и задержала его в Немецкой слободе. В письме брату Исааку от 28 февраля 1696 года он сообщал о том, что царь «отправился в Воронеж, город на Дону, для устройства галер, пока я не

поправлюсь». Петр обменивался с Лефортом письмами, в которых неизменно проявлял заботу о здоровье своего друга.

Сохранилось несколько писем Лефорта Петру. Часть из них написана адмиралом собственноручно по-русски, но латинской транскрипцией. 8 марта 1696 года он писал царю: «Дай Бог тебе здорова на многи лета. А я, слава Бог, получе». Через пару дней целых два письма. В одном он сообщал царю: «Я рад бы ад суди (отсюда. — Н.П.) скоро ехать. Бог знать, как на дороге рана моя будет. Здесе на дурной жить везде пустой, и крушина многи». В другом извещал Петра: «Я от своей скорби малою отраду себе слышу. После отъезду милости вашей была у меня огневица дня с три, да проволилась другая рана подле прежней. Материя (гной. — *Н.П.),* благодарю Бога, вельми идет. Невозможно мне здесь на Москве излечиться. Как могу, так поспешу к милости вашей. Пожалуй, отпиши, что пришло к вашей милости галеев, и вода вскрылась ли. Нынешний путь — ни саньми, ни телегою». 21 марта снова: «Челом бью милости твоей, что пожаловал, прислал мне пластеру (пластыря. — Н.П.). Я бы к милости вашей от всей души своей рад поспешить — путь такой, что ни в санях, ни в телеге. Морозы и ветры великие. Однако ж на той неделе поеду. День, место другой, приму лекарство и не буду мешкать. Каков не будет путь — ждать дале не стану. Лекарства всякова круг себя поставлю, что и морозы меня не проймут, такожды и лекарев со мною будет. По письму от милости твоей слышу, что тебе дал Бог луче. И я чаю, что мне в дороге луче будет».

Тридцатого марта Лефорт пишет царю, что вот-вот покинет Москву, несмотря на то, что болезнь не отступает: «…Против 31 числа марта я в путь свой поеду, хотя с великою трудностью. В болезне моей дохторы, как могли, свое добро чинили, однако ж не смогли ту рану ростравить — по прежному мала и материя худо идет, а круг ней твердо, что камень. Чаю себе дорогою, что мне от скорби своей способней будет».

Лефорт выехал в путь и 12 апреля отправил новое послание Петру, уже из Ельца, где он остановился на пути в Воронеж. «А про меня, милость твоя, поволишь ведать — благодарю Господа Бога, доехал до Ельца сего апреля 12 числа с великою трудностью. С Москвы до Тулы не была мне такая трудная дорога, что с Тулы до Ельца — самая худая и беспокойная, ни в санех, ни в коляске не дала мне лечь, все сидечи ехал и то с кочки на кочку. Здесь на Ельце приму лекарство; вельми у меня спину ломит, и великую муку себе имею от Беликова седения». В этом письме Франц Яковлевич позабавил царя рассказом о происшествии, случившемся по дороге и ярко характеризующем нравы среди лекарей того времени: «Извесно тебе чиню: на Ефремове

новопреежие лекари, которые три человека со мною едут, а достальные 9 человек — особа, сошлися вместе, стали пить, всякой стал свое вино хвалить. После того учинился у них спор об лекарствах. И дошло у них до шпаг, и три человека из них ранены, однако ж не тяжелые раны»[71].

Приведенные выше выдержки из писем Лефорта царю высвечивают еще одно бесценное свойство его натуры — высокое чувство долга и преданность своему приятелю-повелителю. Несмотря на «великую муку», он не остался в Москве, а отправился в Воронеж, чтобы поспеть к отправке каравана. Именно эти свойства натуры Лефорта особенно высоко ценил Петр.

Расстояние от Москвы до Воронежа Лефорт с трудом преодолел за две недели, в то время как обычно для этого требовалась максимум неделя. Он прибыл в Воронеж 16 апреля, а 20-го числа Гордон и Шеин отправились «в назначенный военный путь». Предполагалось, что Петр отправится из Воронежа вместе с Лефортом, о чем царь извещал Ромодановского 3 мая: «О здешнем: господа воеводы и генералы больши недели пошли в путь свой, а мы с господином адмиралом пойдем завтра на восьми галерах, а достальные за нами тоже поспешать будут». Болезнь Лефорта вынудила его задержаться на сутки, он отправился в путь 5 мая.

На струге Доном Лефорт добрался до Черкасска, откуда намеревался командовать галерным флотом, который должен был действовать на море. Это конечно же нельзя считать нормальным исполнением адмиральских обязанностей.

Ход дальнейших событий показал, насколько был прав Петр, когда, не жалея сил, трудился в Воронеже над созданием флота.

К 17 мая царю стало известно, что в устье Дона стоят два турецких корабля, выгружавших припасы для гарнизона крепости. Петр вызвал для совета Гордона. На совещании было решено атаковать эти суда галерами с отрядом в сто казаков под командованием самого Петра. Однако когда галеры приблизились к месту, где раньше стояли на якоре два корабля, то обнаружили 20 кораблей, не считая мелких судов. Вступать в сражение с такими силами значило обречь себя на гибель, и Петр благоразумно велел повернуть обратно. В то время Петр располагал всего девятью галерами и сорока лодками, на каждой из которых находилось по 20 донских казаков. Казаки и решили успех операции. Они внезапно и смело напали на османские корабли и добились решительной победы[72].

Подробности события, происшедшего 20 мая, описал Гордон: «В три часа пополудни государь пришел ко мне с радостным

известием, что казаки накануне вечером напали на турецкий флот, повредили и разогнали его, многих убили, взяли в плен 27 человек, с множеством добычи, как то: 700 коней, 600 сабель, 400 турецких ружей, 8000 аршин сукна, большое количество одежды и провианта: риса, табаку, уксусу, также много пороху, бомб, гранат; из 18 их кораблей и галер сгорело три, из 24 грузных лодок — десять, шесть с 50 000 червонцев пробрались в Азов, остальные ушли в открытое море. Пленные донесли, что утром высажено и отправлено в Азов 800 человек».

Сам Петр информировал об успехе Ф.Ю. Ромодановского, А.А. Виниуса и А.Ю. Кревета: «…Неприятель на море стоял в 13 кораблях. И того же дни неприятель, нагрузясь с жалованьем и воинскими припасы, в 13 тунбасах, с которыми для провожании в 11 ушкалах были янычане, и как те суды поровнялися против устья Каланчинского, и мы, холопи твои, в малых судах, а казаки в лотках, прося у Бога милости, ударили на того неприятеля и милостию Божиею и пресвятые Богородицею со всеми святыми, а вашим государским счастьем, те вышеписанные суды разбили, из которых 9 сожгли, 1 взяли, а достальные ушли к кораблям; и корабли, то видя, 11 ушли, а один затопили сами, а другой наши сожгли. На тех тунбасах взято: 20 человек языков, пороху 85 бочек, 300 бомбов, 5000 гранат, 500 копей и все, что к ним везено, взято, болши всего сукон и иных вещей. А взятые языки сказывали, что прислано на тех кораблях 500 янычен, и многие припасы, и мартир и людей де они высадили на берег, видя наши галеры, и для того сухим путем послали; а запасы-де, которые остались, ушли все назад на кораблях. А третьего дня ветер был полуденным, и галеры вышли все в море в целости»[{73}].

Эта победа оказала важное влияние на исход второго Азовского похода. Она позволила русской флотилии 27 мая беспрепятственно войти в Азовское море и таким образом отрезать Азов от связей с внешним миром. Бегство турецких кораблей деморализовало гарнизон крепости, который лишился не только подмоги, но и продовольствия.

Между тем войска Шеина прибыли в Черкасск 19 мая. Главнокомандующий велел им двигаться к Азову сухим путем, занять позиции, оставленные русскими войсками во время первого Азовского похода, и «промысл чинить, сколько милосердный Бог помощи подает, смотря по тамошнему делу».

Достойна удивления беспечность турок: вместо того чтобы сровнять с землей оставленные русскими войсками траншеи, они не тронули их — траншеи оказались в исправном состоянии и значительно облегчили осадные работы. 8 июня по случаю начала осадных работ был отслужен молебен. 9 июня Гордон записал в

«Дневнике»: «Вечером мы все отправились к старым траншеям и улучшали их. Шеин велел своим войскам чинить промысел над неприятелем днем и ночью».

Сведения, сообщенные пленными турками об ожидаемой помощи со стороны моря, оказались достоверными. 14 июня в русском лагере было замечено приближение 16 больших турецких кораблей и множества мелких. На кораблях находились четыре тысячи пехотинцев, которыми неприятель намеревался пополнить понесший значительные потери гарнизон крепости.

Описание последовавших событий находим в «донесении» Петра князю-кесарю Ф.Ю. Ромодановскому: «Сего месяца 14 дня прислан к Азову на помочь анатолийский Турночи баша с флотом, в котором обретаются каторги (галеры с парусами. — Н.П.), 6 кораблей, 14 фуркатов (корабли типа каторг. — Н.П.), да несколько мелких судов, который намерен был в Азов пройтить, но увидя нас, холопей ваших, принуждены намерение свое отставить, и стоит вышепомянутый баша в виду от нашего каравана и смотрит, что над городом делается.

Народын (комендант Азова. — *Н.П.)* просил у него людей на берег, чтобы ему пропустить в Азов людей сухим путем; но он ему отказал, отговариваясь, что если де мне убавить людей, то де Московский караван, пришед, караван мой разорит, и в ту пору что мне делать?»{74}

В то время как анатолийский Турночи-паша, видимо, не отличавшийся отвагой и не рискнувший высадить десант в помощь гарнизону, стоят в нерешительности на виду у русского каравана, войска Шеина продолжали интенсивную бомбардировку крепости, производя в ней значительные разрушения.

Шестнадцатого июля осажденным предложили сдаться, но те отклонили предложение, ответив выстрелами по флагу и парламентеру. Ратные люди Шеина осадили город настолько плотно, что въезд и выезд из него стали невозможны; обстрел велся из всех орудий непрестанно: «из пушек и шанцев по земляному валу роскаты их разбили и пушечную стрельбу у них отбили», то есть подавили неприятельскую артиллерию.

Осаждавшим удалось засыпать ров, то есть сровнять его с землей, и тем самым облегчить штурм крепости.

Петр находился в бодром настроении, позволял себе шутить. В ответном письме сестре Наталье Алексеевне, умолявшей его беречь себя и не подходить к стенам крепости на расстояние ружейного выстрела, он отвечал: «Сестрица, здравствуй. А я, слава Богу, близко не хожу, а они ко мне ходят. Прикажи, чтоб не ходили; однако хотя и ходят, только по ся поры вежливо. Турки

на помощь пришли, да к нам нейдут, а чаю, что желают нас к себе»[75].

В ночь на 29 июня из Азова бежал русский пленный, сообщивший ценную информацию: оказывается, среди осажденных не было единства относительно того, продолжать ли сопротивление или сдаться. Генералиссимус Шеин тут же отправил к осажденным парламентера с предложением выгодных условий капитуляции: в случае добровольной сдачи крепости гарнизону и местному населению представлялось право свободного выхода из Азова с имуществом. «Мы, христиане, — говорилось в письме, прикрепленном к пущенной в город стреле, — крови вашей не желаем. Город Азов сдадите нам с ружьем и со всеми припасы без крови, и вам всем с пожитками даем свободу, куды похочете… А естьли о каких делах похочете с нами пересылатеся и договариватеся безопасно, а нашему слову перемены не будет». Льготные условия капитуляции объяснялись в письме тем, что это был подарок царя в день своих именин. Письмо заканчивалось угрозой: «Если же вы дождетесь штурма и, подобно казакерманцам станете говорить о сдаче, то сами рассудите, возможно ли будет унять озлобленное войско в такое жестокое время».

Турки ответили Шеину, что они не верят письму, доставленному в Азов стрелой, так как в нем отсутствовала боярская печать. Как только обещание будет подкреплено печатью генералиссимуса, осажденные сдадут крепость.

Естественно, Шеин не мог послать письмо без согласия на условия капитуляции царя. Как видим, осажденные понимали свою обреченность: Азов был полностью блокирован, гарнизон крепости невелик и надежда на помощь извне исчезла, тем более что турки со дня на день ожидали штурма — осаждавшие не только засыпали ров, но и подняли его выше вала, так что вся крепость просматривалась, как на ладони. 3 июля Петр извещал Ромодановского: «Вал валят блиско и 3 мина зачали. Приезжие брандербурцы с нашими непрестанно труждаютца в бросании бомбов. Цесарцы еще не бывали… Турночи баша еще стоит на море и в канун Петрова дня был от них подъезд в 24 судах, и как блиско подъехали, и наши якоря вынимать стали, чтоб на них ударить, и они, то видя, тотчас парусы подняв, побежали»[76].

Вскоре, 11 июля, в лагерь под Азовом прибыли долгожданные цесарские (австрийские) артиллеристы и инженеры. Свое опоздание они объяснили тем, что не рассчитывали на столь раннее появление русских войск под стенами Азова и поэтому ехали не спеша: путь от Вены до Смоленска они преодолели за три месяца, две недели им понадобилось, чтобы добраться от

Смоленска до Москвы и около месяца — от Москвы до Азова. Как оказалось, русский посланник в Вене Козьма Нефимонов ничего не ведал о намерении царя отправиться во второй Азовский поход, не был он осведомлен и о том, где находились русские войска в то время, когда специалисты отбыли из Вены.

Причина неспешного путешествия подкопных дел мастеров заключалась в излишней бдительности руководителя Посольского приказа Емельяна Украинцева, сознательно державшего посла в Вене в неведении из опасения, что тот по неосторожности проговорится о походе и планы русских станут известны неприятелю. Разгневанный Петр тут же отправил письмо А.А. Виниусу с угрозами в адрес руководителей дипломатического ведомства: «Зело досадил мне свояк твой, что Кузму держит без ведомости о войне нашей; и не стыд ли: о чем ни спросят ево, ничего не знает, а с таким великим делом послан… Толко скажи ему (Украинцеву. — Н.П.), что чево он не допишет в бумаге, то я ему допишу на спине»{77}.

Непрестанный обстрел крепости полностью разрушил и опустошил ее; в целости остался лишь угловой болварк. Турки чувствовали себя в нем в безопасности до тех пор, пока прибывшие цесарские инженеры не скорректировали угол обстрела, что позволило быстро разрушить палисады болварка — им овладели донские и запорожские казаки, неожиданно напавшие на турок. Если бы отважных казаков поддержали солдатские и стрелецкие полки, то крепость была бы взята штурмом, но солдаты и стрельцы оказались в роли наблюдателей.

Командование турецкого гарнизона убедилось в бесполезности дальнейшего сопротивления. В случае штурма турки особенно боялись казаков, хорошо зная их повадки.

Утром 18 июля было принято решение о штурме крепости. Датой штурма назначили 22 июля. Но до штурма дело не дошло. В день заседания военного совета, 18 июля 1696 года, турки дали знать о своей готовности вести переговоры о сдаче крепости. Они прислали парламентера с письмом, в котором, ссылаясь на письмо Шеина от 29 июня, соглашались сдать город при условии, что им будет предоставлено право выйти из крепости вместе с женами и детьми, а также имуществом, которое они смогут вынести с собой. Осажденные также выпросили у русского командования разрешение предоставить им подводы или лодки для доставки их за реку Кагальник, где стояла их конница. В ходе переговоров возникло лишь одно затруднение. Русские в ультимативной форме потребовали выдать «немчина Якушку», того самого голландского матроса Якова Янсена, который во время первого Азовского похода бежал из русского лагеря в Азов

и передал неприятелю важные сведения. Турки поначалу стали отказываться от этого на том основании, что Якушка успел обусурманиться, то есть принять мусульманскую веру, но Шеин — надо полагать, по требованию Петра — настоял на своем.

Переговоры о сдаче Азова завершились в тот же день, 18 июля, а 19-го начался выход гарнизона и мирного населения из крепости. На следующий день турки были погружены на корабли турецкой эскадры.

Современники оставили краткое описание города, точнее того, что от него осталось после бомбардировок во время двух походов. Гордон записал: «Я отправился посмотреть христианскую церковь и две мечети, которые оказались разрушенными бомбами. Вообще весь город представлял груду мусора. Целыми не осталось в нем ни одного дома, ни одной хижины. Турки помещались в хижинах или пещерах, которые находились под валом или около него». Другой очевидец, переводчик Вульф, дал более подробное описание крепости: «… Сей город — ныне пустое место, и так бомбами разорили, что такой зрак имеет, будто за несколько сот лет запустошен есть. В разных местах нашел яз в нем изрядную пшеницу, сухари, хорошую муку, паюсную икру и соленую рыбу. Итако у них в запасе скудости не было; но в свинце у них больше всего недостаток был. На верху между земляного валу и каменной стены нашел я изрядный, камением выкладенный студеный кладезь с преизрядною водою»[{78}].

Двадцатого июля Петр отправил радостное известие об овладении Азовом Т.Н. Стрешневу, Ф.Ю. Ромодановскому и А.А. Виниусу. «Min Her Konih! Извесно вам, государю, буди, — писал царь князю-кесарю Ромодановскому, — что благословил Господь Бог оружия ваша государское, понеже вчерашнего дни, молитвою и счастием вашим государским, азовцы, видя конечную тесноту, здались: а каким поведением и что чего взято, буду писать в будущей почте». Всех корреспондентов Петр решил обрадовать сообщением, которое считал важным: «Изменника Якушку отдали жива»[{79}].

Наиболее обстоятельное описание осады и сдачи крепости содержится в письме Петра патриарху Адриану от 20 июля того же года: «По преждевременному нашему извещению вашему светлейшеству о целости здравия нашего и о военных наших трудах довольно предложено, а ныне известуем: милостию превеликою Бога нашего, в Троице славимого и предстательством Пресвятыя Богоматери Девы Марии и молитвами всех святых, тех наших, кровавых трудов радостное облегчение восприяли есмы сицевым образом. Егда, по повелению нашему промыслом и

усердно-радетельными труды боярина нашего и большого полку воеводы Алексия Семеновича Шеина, великороссийские и малороссийские наши войска, во обложении будучие около грады Азова, земляной вал к неприятельскому рву отовсюду равномерно привалили и из-за того валу ров заметав и заровняв, тем же валом через тот ров до неприятельского валу дошли и валы сообщили толь близко, еже возможно было с неприятели кроме оружия едиными руками терзаться, уже и земля за их вал метанием в город сыпалась. И сего же настоящего июля месяца 17 числа в пяток малороссийские наши войска, по жребию своему в тех точных пребывающие, при которых неотступно пребывал муж добродетели и военных трудех искусный, гетман наказный Яков Лизогуб, обще донского нашего войска с атаманом Фролом Минаевым и с донскими казаки, предварили неприятельской роскат подкопать и на него мужески взойтить и с неприятели бились довольно и тем роскатом овладели, а дождався ночи, с того роскату четыре пушки стащили. А в 18 числе, в субботу, о полудни неприятели азовские сидельцы, видя войск наших крепкое на град наступление и промысл радетельной, а свою конечную погибель, замахали шапками, и знамена приклонили, и выслали для договору от себя двух человек знатных людей, и били челом, чтоб их даровать животом и отпустить с женами и с детьми; а на знак уверения и твердости в правде оставили двух человек аманатов (заложников. — Н.П.) и отдали немчина Якушку, которой, изменя, из войск наших ушел к ним в Азов и обусурманился прошлого году. А в 19 числе, то есть в день Воскресения Христова, часу в другом дни, азовские сидельцы боярину нашему и большого полку воеводе Алексею Семеновичу Шеину город Азов с знамены, и с пушки, и с пороховою казною, и со всем, что в нем было припасов, отдали, а им и женам их и детям учинена свобода, и отпущены вниз рекою Доном до реки Кагальника на осмнадцати бударах.

А 20 числа, по ведомостям выходцов тех азовских сидельцов, конница их отвезла всех на корабли турецкие против наших морских судов, и те их суды отступили в дальность, да и из конницы их нагайцы все разбежались, тако Господу Богу, творцу нашему, дивная по своей святой воле, за которое Его святое и неизреченное милосердие к роду христианскому в радостных слезах молебно благо благодарствовали»[80].

Некоторые подробности сдачи Азова обнаруживаем и в «Отчете» Патрика Гордона: «18 утром состоялся военный совет; было решено подготовить общий штурм ко вторнику. Но чтобы не опережать события, решили пока только выбить турок с вала и не вступать в город… Осажденные видели, что насыпь уже нависает

над их стеной, и не имели возможности делать вылазки — если они и пытались, то сразу вязли в рыхлой свеженасыпанной земле. А так как на помощь войск снаружи не было никакой надежды и ежечасно ожидали общий штурм, турки решились капитулировать, на что христиане выразили согласие. Из города выслали двух человек с письмами к генералиссимусу, прося выпустить их с женами, детьми, оружием и вещами. Наибольшей трудностью оказалось то, что турки не хотели выдавать предателя Яшку или Якова (немца, что перебежал к ним в прошлом году и был причиной многих зол), так как он стал турком и вступил в янычары; но все же в конце концов уступили… Турки вышли в полном беспорядке, кто как собрался, вытянули лодки на берег и погрузились вместе с женами и детьми. Тем временем черкасы и казаки вошли в город и бросились хватать все подряд, хотя этого всеми силами пытались не допустить. Комендант города и ача еще с несколькими важными особами и 16 знаменами вышли в сопровождении охраны. Их подвели к генералиссимусу, находившемуся в седле верхом у берега. Пришедшие положили наземь знамена и отплыли вниз по реке»[{81}].

Вслед за Азовом капитулировал гарнизон форта Лютик. Это произошло при следующих обстоятельствах: накануне вечером казаки приблизились к Лютику и потребовали от гарнизона сдаться, сообщив, что Азов уже капитулировал. Гарнизон, однако, не поверил. Тогда казаки предложили выделить уполномоченных, которые бы убедились, что крепость находится в руках русских войск и что казаки не обманывают их. В тот же день гарнизон сдался.

Тридцатого июля о взятии Азова были извещены специальными грамотами правители иностранных государств — цесарь Леопольд, венецианский дож Сильвестр Валерий, а 7 августа — бранденбургский курфюрст Фридрих III. Во всех грамотах, составленных примерно в одних и тех же выражениях, содержался призыв «для общей пользы всего христианства и для крепчайшей над неприятели победы и одоления, в тот помянутой союз с нами, великим государем, с нашим царским величеством» вступить[{82}].

Московские корреспонденты, получив известие о взятии Азова, поспешили поздравить царя с победой, особо отмечая его личное участие в ее достижении. «…Зело удивились вашему великого государя предивную кротость и смирение, — писал А.А. Виниус, — яко в такой великой победе не вознес своего сердца, но всю победу вышнему Творцу неба и земли приписа и рабов своих трудившихся (вашим же единым государским промыслом) изволил похвалити, идеже все признавают, яко ваш, великого

государя, точию был промысл и одержанием с моря помощи город приклонился к ногам вашим государским. Того ради радуйся, о победоносный наш великой царю: превзошел еси Александра древнего, той бо, аще видением пленных Дариевой жены и дщери красотою их не уязвися, обаче о победах своих превознесся и не дате славы Богу… Радуйся, великий наш монарх, иже никакими трудами нипреборим был еси и, еще прежде взятия града того, верою, подобно Исусу Наввину взятием себя обнадежил еси. Радуйся, праведный наш великий воине; иже своих врагов не точию оружием, но милосердием праведным победил еси и толиких врагов поганских животом даровал».

Менее образованные, чем А.А. Виниус, отечественные льстецы умолчали о превосходстве царя над Александром Македонским, но также выражали свое восхищение. Л.К. Нарышкин, дядя царя: «Что нам воздать за такие твои труды, есть ли бы не морской караван удержан был; а то, мой государь, твоими трудами ускорено». Б.А. Голицын: «Не токмо Бог порадовал тебя, моего государя, за твои правые труды, но и всю вселенную, о чем зело со многим радостным плачем, воздав руки, ликоствовали и хвалу Богу возсылали с воплем пения глаголюши: слава во вышних Богу». Г.И. Головкин: «В нынешний, государь, радостный день радостными душами благодарим Господа Бога за превысокую Ево милость о призрении за твои труды, за которые невозможно человеком ничем заплатить, о взятии Азова. И особый твой труд о строении галер на Москве, и в трудном пути и на Воронеже, и поспешения Доном на море кто может достойно прославить! И самое неприятелю баше в Азов вход и препятие без желания своего здравия, и первой неприятелю страх и вашему воинству добычю кто может пред всем светом утаити!»

«Князь-кесарь» Ромодановский: «Писал ты ко мне, господине, о взятии Азова города, и мы обрадючись великой Божий милости, благодарные молитвы воздав за ваше здравие и храбрость, чинили воинскую радость, а притом и потом чрез сие писание ваше к Богу усердное моление и храбрость и над бусорманы всякое мудрое снискание ко взятию Азова похваляем адмирала и при нем генералов, и всех надлежащих чинов начальных людей, и пехоту. И тебя, каптейна, за усердное твое к Богу моление, и всех чинов за милостивое твое к ним спомо-жение похваляем, и вам, что паче многие в трудах ты, господине, пребываешь и нам желаемое исполняешь, и по всему твоему делу, мним тя быть подобна многим верою к Богу, яко Петра, мудростию, яко Соломона, силою, яко Самсона, славою, яко Давида; а паче, что лутчее в людях чрез многие науки изобретается и чрез продолжные дни снискательства их, то в тебе, господине, чрез

малое искание или токмо чрез видение все то является во всяком полном исправном том деле. И потом не многих тебе достойную в деле твоем воздать похвалу, токмо Бога молю о милости Ево, дабы тебе впредь милостивое человеколюбие Божие такой поиск везде даровал чрез твое намерение ко имени своему в похвалу; как ныне явилось»{83}.

Среди приведенных выше панегириков Петру послание Ромодановского по форме — наиболее тяжеловесное, но по содержанию богаче прочих, поскольку автор уловил главное в поведении царя — умение быстро оценивать обстановку и столь же быстро принимать решение. Ромодановский единственный из всех отметил заслуги «адмирала», то есть Лефорта, в овладении Азовом. С его стороны это была чистой воды лесть, ибо никакого реального участия ни в морском сражении, ни в осадных работах Лефорт не принимал. Мучимый тяжелой болезнью, он не мог командовать флотом и участвовать в действиях, решивших судьбу Азова.

Овладение Азовом еще не означало установления господства России на Азовском море, поскольку от крепости остались в целости лишь стены. Предстояло восстановить укрепления города, то есть устранить результаты осадных работ русских войск, а также соорудить жилые здания для гарнизона. Уже на следующий день после взятия Азова Петр предложил цесарскому инженеру составить план возведения новых крепостных сооружений. Через три дня план был готов. В нем предусматривалось возведение пяти каменных бастионов и ретрашементов с наружной стороны крепости.

Царь намеревался превратить Азовское море во внутреннее море России, в плацдарм для продвижения через Керченский пролив в Черное море, а из него — в Средиземное. Для этого надлежало обзавестись портом на Азовском море. Надобность в нем определялась тем, что Азов был расположен не на берегу моря, а в устье Дона.

Двадцать шестого июля царь в сопровождении генералов на галерах отправился в море для поисков удобной бухты. На противоположном берегу он причалил к необитаемому мысу, издавна известному казакам под названием Таганрога. Место было признано удобным для основания гавани для военно-морского флота.

О роли Лефорта в событиях, решивших судьбу Азова, нам ничего не известно. Морское сражение произошло 20 мая, когда Лефорт еще находился в Черкасске. 24-го числа он писал оттуда Петру, поздравляя его с одержанной победой: «Мы пили ваше здоровье, также из пушек палили за победу, дарованную нам

Богом… Я весьма несчастлив, что меня там нет. Болезнь моя верно проходит. Надеюсь с Божьей помощью принять участие в другой победе».

Начиная с конца мая Лефорт находился под Азовом, но болезнь по-прежнему не давала ему возможности в полной мере проявить себя в качестве военачальника или тем более флотоводца. Его первое письмо в Москву датировано 20 июня; в нем он извещал: «Я нахожусь с его величеством на реке; флот состоит из 29 галер; помощь (азовскому гарнизону) пришла; она остановилась в трех лье от Азова на море, в виду наших кораблей; но ей невозможно пробиться, потому что его величество приказал построить два форта при устье реки». Неприятельские корабли не могли войти в устье Дона еще и потому, что путь им преграждали те самые цепи, которые в прошлогодней кампании были сняты с каланчей. Исход войны за Азов был ясен Лефорту. Он отправил в Москву пророческие слова: «Крепость продержится недолго и принуждена будет сдаться»[{84}].

Азов сдался 19 июля 1696 года, а 25 июля Лефорт со свитой погрузился на бот, чтобы отправиться в обратный путь водой, — езда в коляске приносила ему сильные страдания. Только 10 сентября он добрался до Немецкой слободы. 25 сентября Лефорт писал отсюда матери: «Я много вытерпел в походе, но радость, что все удалось так хорошо, заставляет меня забыть о настоящих страданиях. Врачи и хирурги делают все возможное. Объем раны очень велик и глубок. Они надеются, впрочем, восстановить мое здоровье».

В тот же день он написал письмо и сестрам, в котором описал свое возвращение из похода: «Водным путем я прибыл на расстояние восьми дней от Москвы, откуда должен был дальше ехать в санях. Для моего багажа в моем распоряжении было 200 перекладных лошадей. От Азова водным путем до первого города России я был в дороге пять с половиной недель. Хвала Господу, что я здесь и что вышло согласно желаниям его царского величества… За мной ухаживают четыре врача и около тридцати хирургов, пекущихся о моем выздоровлении. Дай Бог им успеха. Что касается меня, то я до невозможности страдаю».

Сохранилось несколько писем, отправленных Лефортом царю на пути в Москву. Как и его предыдущие письма Петру, они бедны содержанием; едва ли не главная их цель — проинформировать царя о состоянии здоровья адмирала. 9 августа Лефорт сообщал из Паншина, что добирался досюда две недели из-за встречного ветра и непрерывных сильных дождей: «Я на дорога ден три больной был, а теперь, слава Бог, горазда луче и думаю, что рана моя скоро хочет себе запираит». 15 сентября он писал уже из

Немецкой слободы: «Слава Бог, что я гораздо луче стал… А лекарств давольно примаю». 17 сентября он пишет новое письмо царю и, в частности, советует беречь изменника Якушку, «докамест время яво будет». И опять о своем здоровье: «А я примаю беспрестан медикамент. Бог знать, надолго эта будет. Слава Бог, есть лучше».

Представляют интерес подписи Лефорта под письмами Петру. Они свидетельствуют о его исключительном положении в окружении царя, точнее, в его «компании». Близкий в то время к царю А.А. Виниус подписывался, например, так: «Челом бьет холоп твой Андрюша Виниюс»; будущий фельдмаршал Б.П. Шереметев: «раб твой Бориська Шереметев»; будущий канцлер Гавриил Иванович Головкин: «Ганков». Даже дядя царя, Лев Кириллович Нарышкин, подписывался уменьшительным именем: «Левка, пад пред ногами, милости бью челом». Исключение составляли подписи Бориса Алексеевича Голицына и Федора Юрьевича Ромодановского. Оба ставили свои подписи латинскими буквами, без употребления слова «холоп». Б.А. Голицын: «Lieutenant Borisco Galitin», а князь-кесарь Ф.Ю. Ромодановский: «Pirawi knis Fedor Romodanofiski».

Письма Лефорта подписаны так, как будто корреспонденты находились на одинаковой ступени социальной лестницы. В них отсутствуют уменьшительные производные от имени автора или слова «раб» или «холоп». Лефорт подписывался либо: «Остаюсь твой верный слуга Лефорт, генерал адмирал», либо еще проще: «Лефорт, генерал и адмирал». Заметим, что в годы, когда Лефорт еще не был знаком с царем, он подписывался точно так же, как и русские подданные. Так, в челобитной, поданной в 1686 году в Посольский приказ с просьбой о сыске грабителей, напавших на его двор, он писал: «Бьет челом холоп ваш, иноземец полуполковник Францко Лефорт».

В то время как Петр подыскивал место для гавани, в Азове кипела работа по ремонту крепостных сооружений, строительству домов для остававшегося гарнизона, а также велся окончательный подсчет трофеев. О их общем количестве Петр известил Виниуса 5 августа: «В Азове и Лютике пушек взято больших и малых и баштыкин 132,1076 пищалей и стволов целых и ломаных, 1 пансырь да 57 бахтерцов, 64 сабли целых да 16 ломаных, пороху пуд с 1000 или болыпи, также и иных всяких припасов немало взяты. Господа инженеры Леваль и Брюкель непрестанно труждаются в строении города, того для и войск отпуск еще удержаны»{85}.

Успех в овладении Азовом обстоятельно объяснил участник обоих Азовских походов генерал П. Гордон в «Отчете об осадах

Азова в 1695 и 1696 годах». Он назвал несколько причин: 1) христиане вдобавок к коннице имели вдвое больше пехоты, чем раньше; 2) гарнизон крепости был едва ли не вдвое слабее, чем в первый раз, и состоял в основном из новых и необученных людей; 3) в городе сильно не хватало припасов, особенно свинца, и не было никакой надежды получить провизию; 4) не было, как в прошлом году, тройного начальствования над русской армией, а следовательно — разногласия и соперничества; командование сосредоточилось в одних руках, а кроме того, начальники следовали советам лучших специалистов; 5) русские подошли на шесть недель раньше и не дали туркам переправить в город провизию, амуницию и подкрепления; 6) разгром флота турок обескуражил осажденных, отнял у них решимость и надежду на успех: они видели, что устье Дона прочно охраняется русским флотом и сильными, хорошо укомплектованными людьми фортами; 7) велась огромная работа по продвижению насыпи к стенам, так что насыпь грозила нависнуть и похоронить турок под собой живыми. Помешать этому они не могли — ни делая вылазки, ибо вязли в рыхлой земле, ни утаскивая землю внутрь города, что было невозможно из-за их малочисленности.

Но главную причину успеха Гордон видел в «предводителе», то есть его царском величестве, исключительными заботами, стараниями и неустанными трудами которого была добыта победа{86}.

В августе же Петр отдал распоряжение об организации в Москве торжественной встречи победоносного войска. Организацию встречи царь поручил Виниусу. Выбор этот был не случаен: царь считал, что Виниус, как человек опытный, побывавший за границей, знаком с проведением подобных церемоний. «Понеже писано есть: достоин есть делатель мзды своея, того для мню, яко удобно к восприятию господина генералиссимуса и протчих господ, чрез два времени в толиких потах трудившихся, триумфальными воротами почтити, — писал царь Виниусу, — месту же мню к сему удобному на мосту чрез Москву реку устроенном, или где лутче. Сие же пишу, не яко уча, но яко помня вашей милости о сем николи там бываемом»{87}.

Обдумав порядок встречи в деталях, царь счел, что победителям непристойно участвовать в торжествах в поношенной экипировке, и велел изготовить две тысячи шляп и «к стрельбе все пушки с доволным порохом». Заключил свое послание царь словами: «И в протчем изволь вспомогать, что надобно будет к оным воротам».

Подготовка к встрече потребовала немало времени. Так, Виниус известил царя, что, по признанию мастеров,

триумфальная арка может быть в полной готовности не ранее 18 сентября. Из этого следовало, что ни войскам, ни царю не надлежало спешить в Москву. Петр, не привыкший коротать время в безделье, нашел себе полезное занятие — не менее месяца он провел на железоделательных заводах близ Тулы, принадлежавших его дяде Л.К. Нарышкину Царь выковал на них несколько полос железа, причем потребовал себе обычную плату за труд. Кроме того, он распорядился заготавливать припасы для будущего флота — пушки, ядра, якоря и т. д.

К 28 сентября триумфальная арка была готова, но не все полки прибыли к месту сбора в Коломенском. Наконец 30 сентября состоялся торжественный въезд войск в столицу. Это было зрелище, небывалое доселе.

Москвичи впервые увидели триумфальную арку высотой в пять и шириною в шесть или семь сажен с колоннами, фронтонами, украшенную статуями Геркулеса и Марса. Имелись здесь и вирши, высмеивавшие незадачливых турок, оборонявших Азов, и прославлявшие победителей. Над изображением паши была помещена такая неуклюжая надпись:

Ах, Азов мы потеряли;
И тем бедство себе достали.

Над мурзою:

Прежде на степях ли ратовались,
Ныне же от Москвы бегством едва спасались.

Победителям адресовались следующие слова, начертанные на арке:

Придох, видех, победих.
Возврат с победы царя Константина
Победа царя Константина над нечестивым
Царем Максентием римским.

Перед статуей Геркулеса:

В похвалу прехрабрых войск морских
На море турки поражены,
Оставя Москве добычу,
Корабли их сожжены.

По сторонам ворот были протянуты полотна с изображением штурма Азова с надписью:

Москва агарян побеждает,
На многие версты прехрабро прогоняет.

Шествие победоносного войска открывали девять всадников, конюшенного чина, за ними вели «с седлом слитным, на седле палаш». Затем опять девять всадников, за которыми следовал конюший с пищалью. В карете, запряженной шестью воронымы лошадьми, восседал Н.М. Зотов, державший в одной руке меч, а в другой щит. Карету Зотова сопровождали участвовавшие в походе дьяки и певчие. За каретой вели шесть нарядно оседланных лошадей. За ними следовала карета, в которой сидели генерал-комиссар Ф.А. Головин и кравчий К.А. Нарышкин. За каретой вели нарядно наряженных лошадей, принадлежавших Ф.Я. Лефорту. За ними следовали две пустые коляски, а затем сани, запряженные шестью богато украшенными лошадьми. В санях сидел генерал-адмирал Лефорт. Ехать в карете он не мог из-за тряски, но даже и в санях испытывал сильные боли.

За санями Лефорта следовал капитан, то есть Петр, во главе бомбардирской роты. Заметим, под Азов Петр отправлялся в чине простого бомбардира. Взятие Азова дало основание присвоить ему чин капитана. Петр шагал в черном немецком платье с белым пером на шляпе и с протазаном в руке.

Перед триумфальными воротами Лефорт, превозмогая боль, вышел из саней и вместе с царем подошел к Виниусу. Тот произнес в рупор приветственные слова в его честь:

Генерал, адмирал! Морских всех сил глава,
Пришел, зрел, победил прегордого врага,
Мужеством командира турок вскоре поражен,
Премногих же оружий и запасов сий лишен,
Сражением жестоким бусурмане побеждены,
Корыстие их отбиты, корабли запалены,
Оставшие ж ся в бегство ужасно устремиша.
Страх велий в Азове и всюду расшириша,
По сих их сила многа на море паки преиде,
Но в помощь град Азов от сих никто же вниде,
Сие бо возбранила морских ти воев сила,
Их к здаче град Азов всю волю наклонила.
И тем бо взятием весело поздравляем,

Труды же командора триумфом прославляем[{88}].

Нет сомнений, что это приветствие было сочинено по приказу царя. Тем самым Петр хотел отчасти компенсировать своему приятелю страдания, испытанные им во время похода. Роль адмирала в морском сражении в виршах была сильно преувеличена.

Выслушав приветствие, генерал-адмирал сел в сани и отправился в путь. За ним мимо ворот проследовал Большой полк генералиссимуса Шеина, сопровождаемый литаврщиками, трубачами и тридцатью всадниками в панцирях. Далее следовала пустая карета, запряженная шестерней, и при ней двое карлов; за каретой ехал конюший, а за ним вели восемь нарядно оседланных лошадей. Здесь же шли хор музыкантов с зурнами, набатами (большими барабанами) и накрами (бубнами) и две роты трубачей.

Шеина, как и Лефорта, приветствовал Виниус такими же тяжеловесными виршами. Смысл их выражен в одной из строк:

Радуйся, полководче, агарян победивый!

Приветствие Шеину, как и Лефорту, сопровождалось пальбой из пушек.

За Шейным двигался начальник артиллерии стольник Вельяминов-Чернов, за ним волокли по земле 16 турецких знамен. За ними шествовал Преображенский полк, за которым везли на подводе, запряженной четырьмя лошадьми, изменника Якушку. На телеге был сооружен помост, на нем виселица и две плахи с воткнутыми топорами, а также предметы, предназначавшиеся для пытки: ножи, хомут, десять плетей, двое клещей, два ремня — все это недвусмысленно намекало на судьбу предателя. Обреченный на смерть был одет в турецкое платье и чалму, на груди висела доска с надписью: «Злодей». На перекладине виселицы имелась еще одна назидательная надпись: «Переменою четырех вер Богу и изменою возбуждает ненависть турок, христианам злодей».

За телегой изменника шествовал Семеновский полк, за ним — иноземные инженеры. Последними шли полки генерала Гордона: за Бутырским солдатским полком следовали стрелецкие.

Франц Яковлевич в письмах к брату любил подчеркнуть свое особое положение при дворе и особое внимание царя к своей персоне. Описал он и торжественный въезд в Москву после азовской победы. «Я имел честь, — извещал он брата Амии 9

октября 1696 года, — пройти первым с моими морскими частями, в которых его царское величество исполнял должность командира. Так как я не мог перенести ни кареты, ни коляски, то проехал город, в котором мне не было необходимости останавливаться, не слезая, в санях, запряженных шестью лошадьми его величества, изумительно убранными. Я имею двенадцать упряжных лошадей, подходящих для такого въезда. Мне были устроены овации, а у триумфальных ворот преподнесены в подарок красивые ружья и пистолеты. Вся пехота стреляла из ружей троекратно, также стреляли из всех морских пушек. Все другие генералы следовали в процессии. И это длилось с утра до вечера. Один изменник, который в прошлом году сбежал к туркам, был взят в плен при сдаче города. Его вели через Москву с завязанными руками к месту, где стояла виселица; около него было два палача. Этот изменник причинил нам много вреда. Он из Данцига — был лютеранином, затем москвичом, а в Азове — турком. Вчера его колесовали живьем, после чего в знак милости ему отсекли голову. Еще никогда въезд в Москву не был таким величественным. На следующий день его царское величество милостиво пожаловал обедать ко мне со всеми морскими офицерами. Стреляли из пушек и трубили в трубы…

Через 15 дней у меня будет большое веселье. Будут фейерверки и некоторое количество пушек, приблизительно 200 человек после бала и разных музыкальных выступлений будут у меня обедать. Хотелось бы быть в лучшем здоровье, тогда и дела были бы лучше. Сделаю все, что в моих силах, чтобы развеселить такое благородное общество. Не поверите, если я вам скажу, насколько царь огорчен моей болезнью. Я не желал бы умереть только из-за того, чтобы не причинить ему огорчений. Милости его огромны — он уже двадцать раз говорил, что предпочел бы лучше потерять важные дела. Врачи и хирурги получат выговор, если они меня оставят без надзора; повсюду, куда я иду, за мной следуют и смотрят, чтобы я ничем не злоупотреблял из того, что вредно моему здоровью. Уже год, как я веду умеренную жизнь, и вино мне запрещено. Я вооружаюсь терпением. Иногда, несмотря на все, я выпиваю стаканчик для утоления моих болей, если это возможно»[{89}].

Еще раз скажем, что торжественная встреча генерала и адмирала далеко не соответствовала заслугам Лефорта при взятии Азова. Но дело было не только в желании царя отблагодарить своего любимца, пребывавшего в крайне тяжелом болезненном состоянии, за участие в успешно закончившейся кампании. У Петра был еще один резон для чествования адмирала. Оно символизировало роль в овладении крепостью

любимого детища царя — кораблей Воронежского флотах

Глава шестая. «МОРСКИМ СУДАМ БЫТЬ»

Настоящая глава нарушает хронологическую последовательность изложения событий, поскольку строительство Воронежского флота продолжалось и после смерти Лефорта, К тому же Лефорт, хотя и получил чин адмирала, в строительстве кораблей в Воронеже никакого участия не принимал, а потому его имя в данной главе практически не встречается.

Более того, Лефорт, повсюду сопровождавший Петра, так и не отправился вместе с ним в Воронеж ни до отъезда Великого посольства в страны Западной Европы, ни после возвращения в Россию. Его отсутствие в Воронеже представляется тем более странным, что в связи с пожалованием ему чина адмирала, казалось бы, сам Бог велел ему быть в Воронеже, где строились корабли, которыми ему предстояло командовать.

Возникает вопрос: чем это объяснить?

К сожалению, источники не дают на этот вопрос никакого ответа, и приходится довольствоваться догадками. Одна из них состоит в том, что Лефорт, не имея понятия ни о кораблестроении, ни о кораблевождении, мог счесть свое пребывание в Воронеже не только бесполезным, но и вредным, поскольку его некомпетентные распоряжения могли нанести вред делу. Но ведь именно на верфях адмирал мог усвоить боевые свойства строившихся там различных типов галер и линейных кораблей!

Нам представляется наиболее вероятным другое предположение: Петр сам запретил Лефорту поездку на верфи, а причиной тому была, прежде всего, мучительная болезнь адмирала, терзавшая его как до отъезда Великого посольства, так и особенно после его спешного возвращения в Россию по тряским дорогам, без отдыха, что было связано с полученным Петром известием о стрелецком бунте. Надо полагать, что Петр попросту жалел своего любимца, освобождая его от утомительных и непосильных для него поездок, которые могли разбередить рану.

Казалось бы, на основании всего сказанного можно было бы изъять данную главу из сочинения, посвященного жизни и деятельности Лефорта. Автор, однако, счел, что это обеднило бы рассказ о жизни страны, поскольку события, изложенные здесь, важны для понимания того, что происходило тогда в России.

Строительство Воронежского флота, как известно, было обусловлено намерением Петра после овладения Азовом

продолжить военные действия против Турции не только на суше, но и на море. Петр не питал иллюзий относительно достигнутого им успеха — он понимал, что овладение Азовом явилось лишь первым шагом на пути завоевания выхода к южным морям: предстояла изнурительная война с Османской империей за выход к Черному морю через Керченский пролив и к Средиземному морю через Дарданеллы и Босфор. Но достичь этих целей было невозможно без наличия могущественного флота. Построенные в Воронеже галеры обеспечили победу при овладении Азовом, но военно-морской флот, способный действовать на море, должен включать в себя линейные корабли, вооруженные многими десятками пушек и укомплектованные знающими свое дело экипажами. При этом царь отчетливо осознавал, что Россия не могла достичь выхода к Средиземному морю в одиночестве — Османская империя к концу XVII века представляла грозную силу, державшую в страхе страны Восточной Европы. Чтобы добиться успеха, необходима была помощь западноевропейских государств, прежде всего таких морских держав, как Голландия, Дания, Англия и другие, способных одержать верх над турецким флотом. Об этом царь начал думать уже в то время, когда его победоносные войска возвращались из второго Азовского похода, а в Москве велась лихорадочная подготовка к встрече победителей.

Своими планами на этот счет Петр поделился четверть века спустя в предисловии к морскому регламенту: царь «всю мысль свою уклонил для строения флота, и когда за обиды татарские учинилась осада Азова и потом оный счастливо взят, тогда, по неизменному своему желанию, не стерпел долго думать о том: скоро к делу принялся. Усмотрено место, к корабельному строению угодное на реке Воронеже, под городом того же имени, призваны из Англии и Голландии искусные мастера, и в 1696 году началось новое в России дело — строение великим иждивением кораблей, галер и прочих судов. И дабы то вечно утвердилось в России, умыслил искусство дела того ввесть в народ свой, и того ради многое число людей благородных послал в Голландию и иные государства учиться архитектуры и управления корабельного»[{90}].

Иными словами, царь поставил перед страной грандиозную задачу превращения ее в могучую морскую державу Последующее рассуждение царя можно назвать столь же искренним и чистосердечным, сколь и наивным: «…И что дивнейше, аки бы устыдился монарх остаться от подданных своих в оном искусстве, и сам восприял марш в Голландию, и в Амстердам, на Остиндской верфи, вдав себя с прочими волонтерами своими в

научение корабельной архитектуры, в краткое время в оном совершился, что подобало доброму плотнику знать, и своими трудами и мастерством новый корабль построил и на воду спустил».

Петр не кривил душой, когда стремился к знаниям, ибо считал себя слугой государства, монархом, обязанным личным примером воодушевлять подданных выполнять обременительные обязанности, чтобы устранить вековую отсталость России от стран Западной Европы.

Планы создания военно-морского флота и мысль о поездке за границу, чтобы убедиться, насколько западноевропейские страны в своем развитии опередили Россию, взаимно связаны между собой. Не случайно царь занимался тем и другим одновременно. Еще 25 сентября 1696 года Лефорт извещал родных: «Здесь говорят о предполагаемом путешествии; если оно состоится, я буду счастлив: я еще раз могу обнять вас». Намек на ожидаемое путешествие за границу содержится и в его письме брату Ами от 9 октября 1696 года: «Еще недостоверно, но я надеюсь, если будет угодно Богу, предпринять путешествие в Голландию. Племянник мой Петр, ваш сын, будет сопутствовать мне»[{91}]. Но еще прежде мысли отправиться в заграничное путешествие у царя созрела идея создания флота. Об этом свидетельствует грамота венецианскому дожу Сильвестру Валерию, отправленная 11 июля 1696 года, то есть еще до взятия Азова. В ней Петр извещал дожа об осаде турецкой крепости, призывая всех христианских государей внести свой вклад в борьбу с неверными, и просил прислать «тринадцать человек добрых судовых мастеров, которые б умели делать и строить всякие морские воинские суды, обещая их содержать в нашем государском призрении: платить им жалованье и отпустить на родину, когда они пожелают выехать»[{92}].

Надлежит согласиться с обоснованным наблюдением М.М. Богословского: «Итак, в Москву в триумфальном входе 30 сентября 1696 года Петр вступил, неся две идеи: о постройке флота для Азовского моря и о заграничном путешествии».

Реализацию своих планов Петр начал с постройки кораблей. Сооружение флота являлось в большей мере внутренним делом России, в то время как заграничное путешествие требовало надлежащей дипломатической подготовки. Кроме того, Петр справедливо считал, что неприятель не смирится с утратой Азова и непременно предпримет попытку его вернуть. Чтобы сохранить крепость за собой, недостаточно было оставить в ней гарнизон, способный ее защищать. Необходимо было располагать линейными кораблями, способными отогнать турецкий флот от

Азова при его попытке высадить десант.

Завоевание Азова повлекло за собой несколько правительственных распоряжений. Во-первых, царь справедливо рассудил, что завоеванную крепость турки непременно пожелают возвратить; следовательно, необходимо было восстановить ее или, точнее, построить заново. Кроме того, для защиты крепости необходимо было оставить в ней гарнизон, способный дать отпор неприятелю. Оборону крепости Петр поручил четырем стрелецким полкам. Это вызвало ропот со стороны стрельцов, что вполне объяснимо: в результате переселения их семьи в Москве остались без средств к существованию; вынуждены были стрельцы прекратить и торгово-промысловую деятельность, обеспечивавшую дополнительный доход к их скудному жалованью. Наконец, для обеспечения полнокровной жизни крепости необходимо было гражданское население — ремесленники, торговцы, женщины. Заботу об этом Петр возложил на Боярскую думу. В записке, составленной 20 октября 1696 года и названной «Статьи удобные, которые принадлежат к взятой крепости или фартеции от турок Азова», был поставлен вопрос: «Понеже опал (крепость. — *Н.П.)* разорена внутри и выжжена до основания, также и жителей фундаментальных нет, без чего содержаться не может, и того для требует указу, кого населить и много ли числом и жалованье всякая откуды взять?» Боярская дума вынесла постановление: перевести в Азов три тысячи пехотинцев с семьями из Низовых городов приказа Казанского дворца и положить им из казны жалованье по пять рублей на год человеку, хлебного жалованья по шесть четвертей муки ржаной и по две четверти овса на семью. Всем этим людям предстояло расстаться с домами и отправиться со своим скарбом в полную неизвестность.

В той же записке 20 октября 1696 года, в ее второй статье, обосновывалась необходимость немедленного создания военно-морского флота. Он должен был состоять не менее чем из сорока судов, способных предотвратить набеги турок и татар. Фортуна, по словам автора записки, благоприятствовала русским: «… понеже время есть и фортуна сквозь нас бежит, которая никогда так к нам блиско на нас не бывала, — блажен, иже иметца за власы ее». С неприятелем эффективнее воевать на море, говорилось в записке: «И аще потребно есть сия, то на что же лутче мню быть, ежели воевать морем, понеже зело блиско есть и удобно многократ паче, нежели сухим путем, о чем пространно писать оставляю многих ради чесных искуснейших лиц, иже сами свидетели есть оному. К сему же потребен есть флот или караван морской в 40 или вящее судов состоящей, о чем надобно

положить, не испустя времени, сколько каких судов и со много ли дворов и торгов и где делать?»{93}

Боярская дума вынесла на этот счет принципиальное решение: «Морским судам быть», однако без указания на то, за счет каких ресурсов и где именно надлежит сооружать флот, и из какого типа кораблей он должен состоять. Лишь на заседании 4 ноября в Преображенском Боярская дума конкретизировала постановление от 20 октября: корабли должны строить так называемые «кумпанства». Они составлялись из крупных и средних землевладельцев, являвшихся собственниками не менее 100 дворов каждый. Каждое «кумпанство» к апрелю 1698 года должно было спустить на воду по одному кораблю с полной оснасткой, вооружением и экипажем. Назван был и пункт, где надлежало сооружать корабли — город Воронеж.

Указ 4 ноября определил порядок комплектования «кумпанств»: каждое из них должно было состоять из 8 тысяч дворов, если комплектовалось из духовных землевладельцев, и из 10 тысяч дворов, принадлежавших светским феодалам. Лица, владевшие менее чем 100 дворами, освобождались от участия в «кумпанствах» и, следовательно, от выполнения натуральной повинности — их обязали вносить в казну деньги в размере по полтине с двора. Строительство кораблей на собранные с таких землевладельцев деньги осуществляла казна.

Одновременно с сооружением кораблей в Таганрог должно было быть отправлено 20 тысяч человек для строительства города и морской гавани для флота.

Крупные духовные землевладельцы, за которыми числилось 8 и более тысяч дворов, должны были строить корабли в одиночку. Так, за «святейшим патриархом» числился 8761 двор. Он должен был построить и снарядить один корабль с 8 тысяч дворов, а с 761 двором войти в компанию с другими архиерейскими домами. Троицесергиев монастырь владел 20 131 двором. Он должен был войти в компанию с другими монастырями. Всего духовные землевладельцы составили 17 «кумпанств», обязанных поставить 17 кораблей. Из светских землевладельцев «кумпанства» комплектовались по такому же принципу с тем различием, что они были поставлены в более привилегированное положение — они поставляли один корабль с 10 тысяч дворов, а всего должны были поставить 18 кораблей.

Корабельная повинность охватывала все население России, причем наиболее пагубно отразилась на гостях и торговых людях гостиной и суконной сотни. По указу 11 декабря они должны были построить 12 кораблей. Гости подали на этот счет челобитную, за что были оштрафованы поставкой еще двух

кораблей. Из своей среды они должны были образовать две комиссии — одну для сбора денег, а вторую — для строительства кораблей: первая состояла из пяти гостей, а вторая из восемнадцати.

Общее руководство строительными работами «кумпанств» и сбор пол тинных денег осуществлял Владимирский судный приказ, возглавляемый окольничим Александром Петровичем Протасьевым. Он был вооружен двумя инструкциями. Одна из них определяла обязанности Владимирского судного приказа: он должен был располагать сведениями о численности землевладельцев, входивших в компанию, отводить лесные массивы, предназначавшиеся для кораблестроения, и «оные суды строить с прилежанием и поспеть к указанному сроку». Другая инструкция была адресована лично «партикулярному адмиралтейцу» Протасьеву и обязывала его «непрестанно о своем деле радеть и над кумпаниями смотреть и понуждать, спрашивать временем же и досматривать, чтоб какой лености не было и в начатом деле пренятия для того дела не учинялось».

Для отвода участков дубрав, предназначавшихся для каждого из 52 «кумпанств», были назначены думный дворянин Иван Петрович Савелов и дьяк Никита Павлов. Они справились с заданием к середине марта 1697 года: описали леса, составили необходимые чертежи, определили расстояние отведенных участков от реки Воронеж и оценили возможность сплава леса. Выполнив задание, Савелов и Павлов сочли необходимым поделиться своим мнением относительно качества леса: «дубовый лес плох, крепковистый, не высокий и не гладкий и не толстый»; однако оценить степень его пригодности для кораблестроения «без корабельных мастеров и без знающих людей невозможно». Сомнения Савелова и Павлова на ход работ не повлияли: к началу августа 1697 года отвод лесов «кумпанствам» был завершен. Еще до окончания этой работы думный дворянин и дьяк доносили, что «плотники и работники леса рубят, и пилуют, и заготавливают, и те заготовленные леса из лесов почали вывозить на Воронеж и складывают на отводных указных местах»[{94}].

Работников, способных выполнять работу, как черновую, не требовавшую квалификации, так и квалифицированную, непосредственно связанную с постройкой кораблей, не хватало. С завоеванием Азова и строительством флота связано введение новой трудовой повинности; со всей страны были согнаны плотники на верфи и на сооружение Троицкой крепости у гавани в Таганроге. Они оказались в крайне тяжелом положении — без крова в зимнюю стужу и осеннюю слякоть, со скудными запасами сухарей в котомках, они валили лес, пилили доски, расчищали

дороги, углубляли фарватер реки, строили корабли. Треть, а то и половина людей, приверстанных к кораблестроению, не выдерживали столь тяжелых условий жизни и спасались бегством. Случалось, бежали все до единого привезенные в Воронеж. Весть об изнурительных условиях работы на верфях достигала уездов, где шла мобилизация работников, и население, дабы избежать этой повинности, разбегалось по лесам. В особенно тяжелом положении оказалось население прилегавшей к Воронежу округи — именно она поставляла основной контингент работников верфей и гавани.

Представление о том, какое количество плотников было необходимо для строительства Воронежского флота, дает штатное расписание, учитывавшее потребность в людях при постройке одного корабля: требовалось иметь одного мастера и одного подмастерья из иноземцев, двух иноземных плотников, двух мастеров-кузнецов из иноземцев, четырех русских кузнецов, 60 плотников «самых добрых, со всякими ж плотничьими снастьми», одного резчика «со всякою снастью», одного столяра, одного лекаря с аптекой и одного живописца или маляра «со всякими красками» — итого 74 человека{95}.

Не подлежит сомнению, что самым трудным делом было укомплектовать штат иноземными специалистами. Их полный комплект отсутствовал во всех «кумпанствах». Во всяком случае адмиралтеец Протасьев в мае 1697 года жаловался Головину, что голландец Франц Тиммерман взял на себя обязательство поставлять мастеров-иноземцев, «но по се число мастеров не поставил ни одного человека». В дальнейшем дело с мастерами несколько выправилось, и Протасьев извещал царя в конце того же 1697 года, что некоторые «кумпанства» уже спустили на воду несколько галер.

Для борьбы с беглецами были приняты крутые меры. Количество беглых отчасти уменьшилось и благодаря средству, предложенному Протасьевым, — введению помесячной смены работников. «И от того, — рассуждал Протасьев) — в деле великая споризма будет и им работникам льготнее, и бегать, мню, что не станут. А то истинно часто бывает, что все уйдут и работы оставят, покамест из городов вышлют, а у меня все дело стоит; и наказание чиним за побег довольное, однакож от того не перестанут».

Воронежское кораблестроение и сооружение гавани и крепости в Таганроге положили начало экстраординарным трудовым повинностям Петровского времени. В последующие годы правительство прибегало к ним столь часто, что остается гадать, из каких источников сельское и городское население

черпало ресурсы, чтобы утолить ненасытную жажду казны в деньгах, работниках, рекрутах, подводах для перевозки грузов и т. д.

Обнаружились и технические трудности организации кораблестроения в таком масштабе. В те времена отсутствовала общепринятая теория кораблестроения, и в каждой стране корабли сооружались в соответствии с вековыми традициями и навыками. Именно поэтому приемы кораблестроения в Голландии отличались от английских, а последние — от датских, итальянских или испанских. Сооружение Воронежского флота велось под руководством мастеров разных национальностей, что нередко приводило к конфликтам и недоразумениям: то, что считал правильным датчанин, отвергалось англичанином. А если, например, последнему была предоставлена административная власть, то есть присмотр за несколькими кораблестроителями, то датчанин часто не мог взять в толк, что от него требует англичанин. Мастера вынуждены были, кроме того, поступаться правилами и нарушать хорошо им известные пропорции — дело в том, что корабли предназначались для плавания в море, а сооружались вдали от него, на верфях притоков Дона. Фарватер их даже в половодье исключал возможность продвижения кораблей с глубокой осадкой. Поэтому вынуждены были строить плоскодонные корабли, что уменьшало их мореходные качества, в частности скорость.

Работы выполнялись «кумпанствами» двумя способами: подрядным или хозяйственным, то есть либо заключением контрактов с подрядчиками, в роли которых выступали иностранцы (Франц Тиммерман, Елизарий Избрант, Эндрюс Болдуин и др.), либо артелью русских плотников, организованной населением северных и северо-западных районов, где это ремесло было распространено. Хозяйственный способ кораблестроения возлагал ответственность за своевременную постройку корабля и его оснащения на «кумпанство». В этом случае расходы «кумпанств» становились меньшими, поскольку из них исключалась оплата услуг подрядчиков.

Особую заботу правительство проявляло к обеспечению кораблей! артиллерией. Было решено приобрести в Швеции 600 пушек. Шведский король Карл XI решил преподнести подарок московскому правительству в знак своего участия в борьбе с «неверными» — 300 пушек. Уже после его смерти и восшествия на шведский трон Карла XII пушки были присланы в Нарву, откуда их перевезли в Новгород, затем в Москву и наконец в Воронеж. Эту акцию следует считать отнюдь не бескорыстной: подлинная цель шведской короны состояла в том, чтобы отвлечь внимание

России от ее северо-западных границ и намерения вернуть территории, обеспечивавшие ей выход к Балтийскому морю и захваченные Швецией в годы Смутного времени. Кроме того, в Швеции было закуплено 388 пушек, 100 стоп картузной бумаги и 400 пил — «кумпанствам» в целях экономии леса было запрещено обрабатывать доски топорами.

Какова была общая сумма расходов на создание Воронежского флота? Ответить на этот вопрос практически невозможно, ибо на пути исследователя, пытающегося произвести соответствующие расчеты, стоят непреодолимые трудности: главная из них состоит в отсутствии источников с указанием стоимости постройки каждого корабля. Попытка суммировать расходы по типам кораблей тоже бесплодна, ибо даже однотипные корабли имели неодинаковые размеры, оснащение, вооружение, а следовательно, и разную стоимость. Так, за строительство баркалона, по размерам считавшегося вторым после линейного *корабля* судном, подрядчики брали от 8100 до 9880 рублей, а за баркалон «кумпанства» во главе с князем Яковом Никитичем Одоевским подрядчик Франц Тиммерман взял 5100 рублей. С гостиного «кумпанства» казна запросила по 12 тысяч рублей за корабль, видимо, линейный, и гости согласились уплатить назначенную сумму. Поэтому в порядке прикидки можно назвать приблизительную сумму расходов на сооружение Воронежского флота — не менее полумиллиона рублей. Это немало, если учесть, что доходная часть бюджета страны в 1680 году составляла 2 миллиона 439 тысяч, а в 1701 году — 1 миллион 464 тысячи рублей{96}.

Выше назывался срок готовности Воронежского флота — корабли должны быть спущены в реку Воронеж в период весеннего половодья 1698 года. Предполагалось, что к этому времени на родину из-за границы возвратится Великое посольство и Россия возобновит активные боевые действия против Турции. Но к тому времени внешнеполитическая ситуация коренным образом изменилась. В 1698 году в Карловцах, в Славонии, начал работу международный конгресс, завершившийся подписанием мира между государствами «Священной лиги» (включая Россию) и Османской империей. Вместо борьбы за выход к южным морям предстояло вести борьбу за выход к Балтийскому морю. Это, однако, нисколько не повлияло на продолжение строительства Воронежского флота.

После возвращения в Москву в августе 1696 года Петр вынужден был возобновить розыск о стрелецком бунте, и это помешало ему отправиться в Воронеж, чтобы посмотреть, с каким успехом ведется кораблестроение. Царь задержался в Москве на

два месяца и прибыл в Воронеж лишь 31 октября, проведя в пути восемь дней. 3 ноября в письме к Виниусу он объяснил причину столь продолжительного путешествия: «Мы в сем пути несказанную нужу принели от непогодов, однако по суетному времени той же час позабыли, как приехали». Позабыть трудности пути царю помогли впечатления от увиденного. Скромный и тихий городок превратился в грандиозную строительную площадку, на верфях города трудились многие тысячи согнанных со всей России плотников, кузнецов, пильщиков, работников, валивших вековые дубы и доставлявших их на верфи. «Мы, слава Богу, во изрядном состоянии нашли флот и магазейны обрели», — делился царь с Виниусом. 19 ноября он сам заложил по своим чертежам линейный корабль, названный им «Предестинацией», то есть «Божьим предвидением», длиной в 130 футов (40 метров), шириной в 32 фута (9,8 метра), вооруженный 58 пушками.

Первое впечатление Петра оказалось, однако, обманчивым. Более основательное знакомство с состоянием дел на верфях опрокинуло радужные представления об успехах в постройке кораблей. Оказалось, что часть нанятых за границей кораблестроителей, называвших себя мастерами, таковыми не являлись. Это и неудивительно: хорошо знавшие свое дело корабельные мастера были востребованы у себя на родине, на службу же в Россию нанимались те, в чьих услугах в их собственных странах не нуждались. К тому же Владимирский судный приказ, осуществлявший общее руководство воронежским кораблестроением, не выполнил обещание прислать в Воронеж макеты кораблей, которыми должны были руководствоваться корабельные мастера. Все это не способствовало высокому качеству построенных кораблей.

Цесарский резидент Гвариент сообщал в Вену 29 ноября 1698 года: «Жар и восторг, с которыми приготовлялись к наступающей войне, почти охладели; государь исключительно занят переделкою и постройкою кораблей. Дорого построенные корабли дурны и скорее годятся под купеческий груз, чем для военных действий»{97}.

Главная причина брака заключалась в использовании сырого, непросушенного леса. На верфях «кумпанств» отсутствовали эллинги, и сооружавшиеся корабли использовали доски только что срубленных дубов; доски эти подвергались воздействию непогоды. Кроме того, нередко вместо железных гвоздей использовались деревянные.

В итоге многие корабли оказались непрочными или недостаточно устойчивыми на воде. Две комиссии, осматривавшие корабли на их пригодность к эксплуатации,

обнаружили в некоторых из них существенные недостатки. Так, проверяющие нашли, что «три шихбомбардира (мелко сидящие двух- и трехмачтовые суда, используемые для бомбардировки крепости с моря. — Н.П.) гостиных, хотя через неискусство мастера недоброю пропорциею сделаны, однако же по нужде их употреблять возможно», а два корабля, сооруженных казной на итальянский манер, сделаны «пропорциею не зело доброю, паче же зело худою крепостию». Кумпанские корабли Девичья монастыря, вологодского архиерея и стольника Зыкова также имели серьезные дефекты. Корабли «кумпанств» светских землевладельцев «плошая вышеписанных размером и крепостью», а корабли Т.Н. Стрешнева, князя Я.Ф. Долгорукова и Б.П. Шереметева «худшие из всех кораблей размером и крепостью». Общая оценка качества построенных кораблей удручающа: «Все же сии кумпанские корабли есть зело странною пропорциею ради своей долгости и против оной безмерной узости, которой пропорции ни в Англии, ниже в Голландии мы не видали, мню же, что и в прочих государствах таких нет же; но уже тому поправлению учинить невозможно»{98}.

Тем не менее на Воронежский флот Петр возлагал большие надежды — он решил использовать его в качестве средства устрашения турок. Еще не завершились переговоры на Карловицком конгрессе и не удалось заключить договор о двухлетнем перемирии с Турцией, а царь решил продемонстрировать туркам свою военно-морскую мощь и тем вынудить султана стать более податливым в мирных переговорах. Надобность в замене краткосрочного двухлетнего перемирия с Турцией многолетним или даже вечным миром становилась тем острее, чем успешнее продвигалось оформление Северного союза.

Уже после смерти Лефорта, 13 марта 1699 года, царь вновь отправился в Воронеж, где завершались приготовления к спуску на воду «Предестинации» и к Керченскому походу Воронежского флота. Получив известие о заключении П.Б. Возницыным двухлетнего перемирия с турками, Петр решил отправить в Константинополь для продолжения переговоров думного дьяка, руководителя Посольского приказа Е.И. Украинцева. При этом Петр внял совету Возницына отправить посольство не традиционным путем по суше, а непременно морем и на военном корабле. Совет вполне импонировал царю — во-первых, возможностью опробовать в море свое детище — корабль Воронежского флота, а во-вторых, удобным для России случаем предстать перед Турцией в новом качестве морской державы.

Подготовке эскадры к походу и спуску «Предестинации» Петр уделял огромное внимание. «Его величество, — записал вице-

адмирал Крюйс в своем «Журнале», — в сей работе неусыпно так с топором, диселем, калфатом (плотничьими инструментами. — Н.П.), молотом и мазаньем кораблей и гораздо прилежнее и больше работал, нежели старой и весьма обученный плотник»[99].

К концу апреля корабль был готов к спуску. Петр сам установил на корабле мачты и часть пушек. «Предестинация» заслужила восторженные отзывы современников. Ф.А. Головин писал Ф.М. Апраксину: «…О корабле, сделанном от произволения монарха нашего известую: есть изрядного художества… зело размером добрым строением, что с немалым удивлением от английских и голландских есть мастеров, которое уже многих лет сие искусство употребляют, и при нас спущен на воду и щезлы (мачты. — *К П.)* подняты, и пушек несколько постановлено». Головину вторил голландский дипломат Ван дер Гульст, тоже присутствовавший при спуске корабля: «Корабль сей весьма был сооружен его царского величества русскими работниками без содействия немецких мастеров…» Голландскому путешественнику Корнелию де Бруину довелось осматривать «Предестинацию» в 1703 году. Он записал: «Один из этих военных кораблей, выстроенный под надзором и по указанию его царского величества, блистал перед всеми остальными всевозможными украшениями, и в нем капитанская каюта обита была ореховым деревом»[100]. Петр, как видим, успешно выдержал экзамен на звание конструктора и кораблестроителя.

Отправку флота к границе морских владений Турции — Керчи, равно как и морское путешествие Украинцева в Константинополь, следует вне всяких сомнений отнести к акциям государственного значения. К Керчи намечалось отправить эскадру в составе двенадцати линейных кораблей, четырех галер, тринадцати бригантин (малых кораблей типа галер с двумя мачтами) и одиннадцати галиотов (малых галер с одной-двумя мачтами). Командование эскадрой царь поручил генерал-адмиралу Ф.А. Головину, занявшему эту должность после смерти Лефорта. Впрочем, Головин отправлял ее номинально, поскольку, как и Лефорт, не владел ни опытом, ни знаниями в военно-морском деле — он лишь дважды преодолел на корабле пролив, отделяющий Англию от Голландии. Фактически эскадрой командовал сам Петр и, видимо, с большим рвением — это был его первый опыт командования эскадрой, состоявшей из разных по размерам и назначению кораблей.

Эскадра вышла из Воронежа 27 апреля и добиралась до Азова почти месяц — корабли бросили якорь у крепости 24 мая. К 30 июля все было готово к отправлению эскадры в Керчь, но пришлось задержаться в Азове еще на две недели в ожидании

западного ветра, поднявшего уровень воды в устье Дона и давшего возможность кораблям с глубокой осадкой выйти в море. Лишь 18 августа эскадра из двадцати двух кораблей при пальбе из всех орудий бросила якорь в десяти верстах от Керчи.

Керченский паша был заранее осведомлен о прибытии русских кораблей. Однако их количество и мощь поразили его. Формально эскадра сопровождала посла Украинцева, отправлявшегося в Константинополь на военном корабле «Крепость». В столице Османской империи полагали, что русское посольство, прибыв на корабле в Керчь, продолжит свой путь по суше. Каково же было удивление паши, когда на рейде он увидел не один посольский корабль, а целую эскадру! Удивление перемежалось со страхом, ибо паше были неведомы подлинные цели эскадры. Он мог противопоставить русскому флоту лишь девять галер и четыре корабля.

Петр в одежде саардамского плотника высадился на берег. Паша любезно принял русских гостей. Своими впечатлениями о пребывании в Керчи царь поделился с А.А. Виниусом: «В 18-й день пришли под Керчь, где турецкий обретался Асан-паша с 9 галерами и с 4 воинскими кораблями, которые приняли нас зело ласково, но с великою частию боязни. Потом посылал посол наш о приеме своем, которого они всяким образом трудилися, дабы он ехал сухим путем; но он весьма отказал в том, о чем хотя и много споровалися, но принуждены были взять с его кораблем и проводить до Константинополя с вышереченным флотом…»

Чем только не устрашал керченский паша Головина и Украинцева в надежде, что те откажутся от намерения преодолеть путь до Константинополя морем! Он заявил, что море названо Черным «не напрасно, а потому что бывают на нем во время нужды черны сердца человеческие»; что с 15 августа по Черному морю «на кораблях не ходят и ходить страшно». Украинцев, однако, настоял на своем. 28 августа «Крепость» подняла паруса и 2 сентября благополучно достигла Босфора. За три дня до отплытия посольства покинула Керченский пролив и русская эскадра, взяв курс на Таганрог, а затем на Азов.

Пассажирам «Крепости» довелось пережить несколько тревожных дней, о чем Украинцев извещал царя 17 октября. Появление русского военного корабля у стен столицы Османской империи своей неожиданностью произвело на жителей и султанский двор еще большее впечатление, чем Керченская эскадра на Асан-пашу. Пальба с пушек бросившего якорь русского корабля вызвала панику, впрочем, затем все успокоились. На корабль потянулись толпы любопытных, желавших его осмотреть. Не удержался от того, чтобы утолить любопытство, и сам султан.

Все посетители «дивились, что так скоро и без турецких вожжей (корабль) прошел Черноморскую пучину», нахваливали прочность парусов, канатов и веревок, но высказывали и критические замечания — корабль, дескать, «сделан готоскодон и в морском плавании от волнения будет он небезопасен и неспособен». Украинцев возражал на это, что корабль «сделан таким подобием, как ведется, а не плоскодон», и «в хождении скор и от волнения морского безопасен», но сам, однако, не обольщался насчет прочности «Крепости». В порыве искреннего желания помочь делу Украинцев писал царю: «И сей твой, великий государь, корабль, на котором я плыл на Черном море и ветер и не самосильный, гораздо скрипел и на бок накланивался, и воды в нем явилось немало». И здесь же рекомендация, как повысить прочность сооружаемых кораблей: «…А мне мнится, что надобно у устроения корабельному присмотру быть прилежному, чтоб делали и конопатили их мастеры крепко и чтобы к одному кораблю приставлен был добрый, и честный, и разумный, и пожиточный дворянин, который бы никакой корысти был не причастен, а убогие впадут в корысть».

Какова же судьба Воронежского флота? Отвечая на этот далеко не праздный вопрос, отметим, что ни один его корабль не участвовал ни в одном морском сражении, ни одна пушка корабельной артиллерии не выстрелила по неприятельской территории — корабли стояли на приколе в Таганрогской гавани, из года в год подвергаясь разрушительному действию воды одного из самых пресных морей мира. Так что же: затея со строительством флота в Воронеже явилась всего лишь данью пристрастию царя к морю и кораблестроению? Ведь корабельная повинность дорого обошлась трудовому населению страны, да и светским и духовным душевладельцам. В череде повинностей Петровского времени она была первой, истощавшей хозяйственные ресурсы селян и горожан. Особенно пагубно корабельная повинность отразилась на торгово-промысловом населении страны: на гостях и торговых людях гостиной и суконной сотен. Короче, напрашивается вывод о напрасных жертвах, понесенных народом еще до начала изнурительной Северной войны.

Справедливости ради надобно сказать — подобное суждение является глубоко ошибочным. В действительности существование Воронежского флота избавило Россию от необходимости вести войну на два фронта, отрезвляюще подействовало на горячие головы султанского двора, отнюдь не питавшего миролюбия по отношению к своему северному соседу.

Достоин внимания факт — Турция не рискнула открыть

военные действия против России в самый напряженный предполтавский период Северной войны, когда от войск Карла XII до Перекопа, то есть владений вассала Османской империи Крымского ханства, было рукой подать. Между тем султанский двор не только сам не отважился открыть против России второй фронт, но и удержал от набегов на русские земли войска крымского хана. И одной из причин этого стало наличие у России флота. Таким образом, Воронежский флот был косвенно причастен к разгрому шведов под Полтавой.

Глава седьмая. ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО НА ПУТИ В ГОЛЛАНДИЮ

Как уже говорилось, впервые о возможной поездке представительного русского посольства в Европу Лефорт извещал родных в сентябре—октябре 1696 года. Указ же об отправлении посольства был объявлен 6 декабря 1696 года. Начиная с осени и до конца февраля 1697 года велась интенсивная подготовка к этому грандиозному предприятию, причем занимался ею сам царь.

Государь указал для своих великих государственных дел, говорилось в указе, послать в окрестные государства, к цесарю (австрийскому императору), королям английскому и датскому, к папе римскому, к Голландским Штатам, к курфюрсту Бранденбургскому и в Венецию, великих и полномочных послов: генерала и адмирала, наместника Новгородского Франца Яковлевича Лефорта, генерала и воинского комиссара, наместника Сибирского Федора Алексеевича Головина и думного дьяка, наместника Волховского Прокофия Богдановича Возницына. Велено было также «послать с ними к тем окрестным государям свои, великого государя, верющие и полномочные грамоты. А по чему им, в тех государствах будучи, его, великого государя, дела делать, и о том дать им из Посольского приказа наказ».

Перед тем как отправиться в путь, посольство было снабжено тремя инструкциями. Главная из них, составленная в недрах Посольского приказа, касалась этикета, который Великое посольство должно было неукоснительно блюсти, чтобы не уронить «государской чести». В наказе великим послам ни слова не говорилось о целях посольства, о средствах достижения этих целей, о вопросах, которые должны были поставить великие послы перед иностранными государями или их уполномоченными. Речь шла исключительно о вещах рутинных: от послов требовалось, чтобы во время провозглашения ими титула царя принимавшие их государи или их министры выслушивали титул стоя, сняв головной убор; чтобы во время аудиенции великих послов или во время торжественных трапез представители других дворов отсутствовали; чтобы дворяне, переводчики и подьячие «сидели за столом чинно и остерегательно, не упивались и слов непригодных между собою

не говорили»; на аудиенцию послы должны были ехать в каретах иностранных государей и ни в коем случае не в каретах думных людей; если же государь не пришлет за великими послами своих людей, то надлежало ехать в собственных каретах; во время деловых переговоров надлежало вести себя так, чтобы великого государя имени и чести было «повышение» по сравнению с посольствами предшествующего времени.

Как видим, наказ касался формы переговоров, но не существа дела. Надо полагать, это объяснялось тем, что в составе посольства должен был находиться сам Петр, который и становился фактическим руководителем переговоров и мог на месте определять порядок их проведения и меру уступок великих послов. Впрочем, факт присутствия царя в составе посольства тщательно скрывался.

Два других наказа были составлены самим царем. Они носят уже чисто деловой характер. Первый касался найма на русскую службу иноземных специалистов: перечислялись специальности, в которых ощущалась нужда, и указывалось количество требуемых офицеров, лекарей или кораблестроителей, причем каждый раз подчеркивалось, что наемники должны быть «добрыми», то есть квалифицированными: три-четыре «капитанов добрых», 25—30 поручиков и подпоручиков «добрых же», «добрых боцманов, констапелев, штурманов и матросов». Кроме того, на Великое посольство возлагалась обязанность закупки необходимых для России товаров: корабельных снастей, блоков, свинца и т. п. Петр лично вписывал в памятку послам такие поручения, как, например, покупка «гаруса на знамены, на вымпелы, на флюгели белого, синего, красного аршин 1000 или 900, всякого цвета поровну, а буде недорог, и больше»; или: «На картузы купить бумаги 7000 стоп… кожи подошвеной аглинской на пумпы (насосы. — *Н.П.)*».

Иностранным дворам Посольский приказ подготовил особые грамоты. Часть из них адресовалась тем государствам, которые Россия планировала использовать в качестве союзников в борьбе с «неверными». К ним относились Голландия, Дания, Австрия, Папское государство. Через другие страны — Лифляндию (являвшуюся частью Швеции) и герцогство Курляндское — посольство должно было проследовать транзитом. К курляндскому герцогу Фридриху Казимиру царь, например, писал: великие и полномочные послы отправляются «для наших государских дел… А путь их надлежит чрез твое княжеское владение, и когда те помянутые наши великие и полномочные послы в княжество ваше приедут, и вашей бы княжеской светлости для нас, великого государя, велеть их чрез владения

свое препроводить с провожатыми и с подводы и со всяким вспомогательством»{101}.

Круг стран, которые должны были навестить великие послы, был чрезвычайно обширен; в указе назывались целых семь государств, расположенных в разных концах Европы; причем каждому из их правителей послы должны были представить верительные грамоты с изложением целей прибытия посольства. Уже одно это отличало Великое посольство от всех предшествующих ему русских посольств прежнего времени, которые имели обычно лишь одно поручение — вести переговоры с какой-то одной конкретной страной.

Другая особенность Великого посольства состояла в том, что им руководил не один посол, а три, причем каждый из них должен был согласовать свои поступки и действия с остальными двумя. Указ от 6 декабря требовал одобрения тех или иных поступков всеми послами: «А бытии в той, великого государя, службе великим и полномочным послам меж собою советным и великому государю в делах радетельным и розни б между собою и безсоветства не было, чтоб их розни и бессоветством великого государя делам помешки не было»{102}.

Для придания большего авторитета каждому из послов была присвоена не существовавшая в правительственном механизме должность наместника: Лефорту — Новгородского, Головину — Сибирского, Возницыну — Волховского. Никто из них названных должностей не отправлял, но в официальных документах они значились не рядовыми дипломатами, а правителями огромных территорий, то есть людьми, пользовавшимися особым доверием царя. Кстати, великие послы являлись не первыми дипломатами, которым была присвоена должность наместника. Брянским наместником был, например, Ф.А. Головин, отправленный в 1685 году в Китай для заключения договора с Поднебесной.

Хотя все трое послов и назывались великими, они отличались друг от друга по своему положению в составе посольства. О каждом из них необходимо сказать хотя бы несколько слов.

В ранге первого посла в Европу отправлялся Франц Лефорт, герой нашей книги. Его место в посольстве определялось не опытом и знаниями по части дипломатии, но главным образом соображениями иного плана: наличием у генерала и адмирала обширных заграничных связей, а также его веселым и общительным характером, умением держаться в обществе.

Вторым послом значился руководитель Посольского приказа Федор Алексеевич Головин. Он имел за плечами опыт многолетней дипломатической службы. Человек общительный и хлебосольный, Головин отличался основательностью в

выполнении любого порученного ему дела. Еще в 1685 году он был отправлен в Китай «договариваться и постановления делать к прибыли обоих государств наших служащих». В августе 1689 года ему удалось заключить первый в истории русско-китайских отношений Нерчинский договор, определивший, правда неточно, границу между двумя государствами. Английский посол Витворт писал о Головине, что он пользуется репутацией самого рассудительного и опытного из чиновных людей Московского государства. Занимая вторую должность в посольстве, Головин фактически являлся главным исполнителем поручений его подлинного руководителя — Петра. На Головине лежала и вся черновая работа по подготовке посольства.

Третий посол, Прокофий Богданович Возницын, остался в памяти современников высоким, грузным, необщительным человеком «с неприятным цветом лица и важной осанкой». Он прослужил в Посольском приказе свыше тридцати лет, постепенно карабкаясь по служебной лестнице: начинал «молодым подьячим», а закончил думным дьяком — чином, пожалованным ему Петром перед отъездом Великого посольства. Большую часть служебного времени он проводил за границей при русских послах, побывал в Турции, Польше, Австрии и Венеции. Он был незаменим при составлении разного рода дипломатических документов»[{103}].

Три посла — три разных характера. Они хорошо дополняли друг друга и были способны справиться с самым трудным делом. Общавшийся с ними польский дипломат доносил своему королю: «Эти послы — люди большого ума, хорошо знающие состояние Европы и приятные в обхождении».

Краткую характеристику послов и всего состава посольства находим в письме Франца Лефорта брату Ами от 11 декабря 1696 года.

«Что касается других новостей, — извещал брата Франц Яковлевич, — то скажу вам, дорогой брат, что имел место большой смотр всем молодым вельможам, которые служили спальничими у покойного царя Ивана Алексеевича и у нашего царя Петра Алексеевича; они находятся под моим началом; из них около 60 выедут 1 марта: приблизительно 40 направляются в Италию изучать все необходимое для управления галерами; оттуда они возвратятся только, когда станут искусными знатоками. Другие направляются в Голландию с приказом изучать военные суда; среди них имеется несколько князей. Приказания они получили у меня; иные будут служить на суше в моих полках.

Есть еще и другая новость, которая удивит вас: около 15

марта отбудет отсюда Великое посольство в Швецию, Данию, Бранденбург, Англию, Голландию, Италию и даже к папе. Еще никогда не бывало такого посольства. Его величеству было угодно назначить меня первенствующим посланником. Вторым назначен храбрый генерал, ездивший послом в Китай. Третий есть государственный канцлер и думный дьяк, раз двадцать посылавшийся в различные страны. Имя его Прокофий Богданович Возницын, а имя второго посла Федор Алексеевич Головин. Свита моя будет состоять из двухсот человек, и я постараюсь, чтобы на нас не жаловались так, как на других… Что касается моей раны, — добавлял Лефорт в конце письма, — то она *все* сочится. Но я не страдаю от сильных болей, как прежде»{104}.

(Впрочем, в этой информации есть несколько существенных неточностей, скорее всего сознательно допущенных Лефортом с целью подчеркнуть значимость своей персоны. Во-первых, думный дьяк П.Б. Возницын никогда не был канцлером; во-вторых, волонтеры не находились в подчинении Лефорта; в-третьих, он зря зачислил 200 человек в свою свиту — в число этих двухсот входила рота солдат, предназначавшихся для охраны посольства и обоза, а также повара, кузнец, портной и другие лица, обслуживавшие всех великих послов.)

Различия в статусе великих послов подчеркивались двумя признаками: размером получаемого ими жалованья и количеством свиты. Годовое жалованье первого посла было определено в 2920 рублей, второго — в 2300, а третьего — в 1600 рублей{105}. Для сравнения приведем сведения о жалованье ранее отправлявшихся за границу русских послов. Послу в Польшу и к папе римскому боярину Б.П. Шереметеву в 1686 году было определено жалованье в две тысячи рублей, окольничему И.И. Чаадаеву — в 1350 рублей, думному дьяку Ивану Волкову—в 950 рублей, 16 дворянам — по 50 рублей каждому. Тому же Ф.А. Головину, возглавившему посольство в Китай, жалованье было определено в две тысячи рублей; Якову Федоровичу Долгорукому, отправленному послом во Францию, выдали годового жалованья 1300 рублей.

Помимо денежного жалованья великим послам было определено жалованье натурой. Если размер первого, как мы видели, у разных послов отличался, то размер причитавшегося им продовольствия, напротив, был совершенно одинаков: и Францу Яковлевичу, и Федору Алексеевичу велено было выдать равное количество меда, белужьих теш, осетровых, белой рыбы, лососей, а также крупчатой муки и напитков{106}.

Штат посольства предусматривал многочисленный

обслуживающий персонал — переводчиков, толмачей, подьячих, лекарей и их учеников, а также скорняков: посольство везло с собой традиционные подарки — меха, причем на колоссальную сумму — 70 тысяч рублей. Также ехали священник, дьяк и четыре карла — все они должны были удовлетворять духовные запросы членов посольства. Вместе с солдатами охраны численность посольства превышала 250 человек. Кортеж насчитывал тысячу саней.

Каждый из великих послов имел свою свиту, но численность ее у каждого из них различалась. Свита первого посла состояла из четырнадцати человек, сплошь иностранцев; свита второго — из восьми человек, сплошь русских; третьему послу было разрешено взять с собой только двух человек.

Лефорт не преминул похвастаться составом своей свиты. В цитировавшемся выше письме брату Ами он писал: «Со мной поедут до двенадцати выбранных мною придворных кавалеров, немецкие или иноземные офицеры… кроме того, шесть пажей, четыре карлика, двадцать ливрейных служителей, которые будут одеты богато, пять трубачей, музыканты, пастор, врачи и хирурги, да рота превосходно снаряженных солдат. Ваш сын, мой племянник, отправляется со мною. Так как я должен проезжать в недальнем расстоянии от Женевы, то может случиться, что я буду иметь счастье повидаться с вами и со всеми милыми родными».

Месяц с лишним спустя, 22 января 1697 года, он извещал брата: «В моей свите состоит более 200 человек. Днем и ночью работают над моим экипажем. Никогда еще из Москвы не выезжало такое большое посольство и с такими превосходными подарками. Кроме того, его царское величество милостиво соизволил назначить меня на пост наместника Новгорода Великого. За мои заслуги при осаде Азова мне милостиво пожалованы несколько деревень с 200 крестьянами; деревни находятся в полутора днях пути отсюда. Кроме того, мне пожалована большая сумма денег, собольи меха и парча, большая позолоченная ваза с именем его царского величества, каменный дом, который его величество приказал построить в мое отсутствие…»{107}

В составе Великого посольства находились родственники великих послов. У Лефорта это был племянник, сын старшего брата Ами, Петр, занимавший ответственную должность секретаря посольства. Он же выполнял обязанности руководителя хозяйством дяди. В свите Головина значились два родственника: сын Алексей Федорович и брат Иван Алексеевич. Оба они должны были сопровождать второго посла до Берлина, где их надлежало оставить для изучения «свободных наук». Даже в свите Возницына

значились два его родственника.

Одновременно с дипломатической велась и бытовая подготовка к отправке Великого посольства за рубеж. Великим послам шили новую одежду, в том числе и европейского покроя; для Лефорта было велено изготовить или купить парадную саблю. Обращает на себя внимание любопытная деталь: Оружейная палата получила приказ изготовить для Лефорта две дюжины вилок и ножей. Приборы надлежало изготовить «самым добрым мастерством», с сердоликовыми черенками, «с оправы серебряными золочеными»{108}, — очевидно, что они предназначались для посольской элиты: царя, великих послов и их свиты.

Необходимо отметить еще две важные особенности Великого посольства. В его состав были включены волонтеры — люди, лично известные царю по работе на верфях в Переславле и Воронеже и участию в Азовских походах. Отряд волонтеров первоначально насчитывал 30 человек, разделенных на три десятка с десятниками во главе; позже в отряд вошли еще несколько человек.

Еще прежде указа о Великом посольстве, 22 ноября 1696 года, с Постельного крыльца было объявлено об отправке за рубеж 61 стольника, 23 из них носили княжеские титулы. Отпрыски знатных фамилий должны были постигать кораблестроение и навигацию в Италии, Англии, Голландии. В отличие от них большинство волонтеров Великого посольства не могли похвастаться своим родословием.

Для отправлявшихся за границу молодых людей была составлена особая инструкция. Надо сказать, что если бы каждый из ее семи пунктов был выполнен, то в Россию возвратились бы знающие военно-морское дело специалисты. В самом деле, инструкция требовала от них умения пользоваться морскими картами, «владеть судном как в бою, так и в простом шествии», искать возможности участвовать в боевых операциях флота. По возвращении в Москву «должен всяк по два человека искусных мастеров морского дела привесть с собою до Москвы на своих проторех, а те протори, как придут, будут им заплачены», говорилось в документе{109}.

Известно, однако, что возвратившиеся в Москву волонтеры, как и молодые стольники, посланные в Италию и другие европейские страны, не оправдали возлагавшихся на них надежд — ни один из них не стал капитаном военного корабля и лишь немногие овладели искусством кораблестроения. Отчасти это объяснялось составом лиц, посланных для обучения: княжеские отпрыски и дети боярских чинов привыкли к праздности, не

проявляли ни желания, ни умения напрягать умственные и физические силы для усвоения мудростей кораблестроения и кораблевождения. О том, что они уклонялись от обучения и спешили, не пройдя его полного курса, возвратиться на родину, царь писал Виниусу 17 августа 1697 года из Голландии, причем ссылался на Лефорта: «Спальники, которые преже нас посланы сюды, выуча кумпас, хотели к Москве ехать, не быв на море; чаели, что все тут. Но адмирал наш намерение их переменил, велел им ехать в Стат (Статгород в устье Эльбы. — Н. П.) еще ртом пос…ть (то есть подвергнуться морской болезни. — *Н.П.*)»[{110}].

Другая и, несомненно, главная особенность Великого посольства заключалась в том, что в его составе должен был находиться сам царь. Факт в истории русской дипломатии небывалый: никто из предшествующих князей и монархов не покидал пределов родной земли.

Как мы помним, в предисловии к Морскому регламенту Петр сам назвал причину, заставившую его отправиться в путь: желание самолично постичь корабельное искусство, научиться премудростям строительства кораблей. «Вдав себя с прочими волонтерами своими в научение корабельной архитектуры, в краткое время в оном совершился, что подобало доброму плотнику знать, и своими трудами и мастерством новый корабль построил и на воду спустил», — с гордостью писал он[{111}].

Думается, однако, что Петр значительно сузил цель своего путешествия. В действительности, она отнюдь не ограничивалась сферой судостроения. Как известно, царь, часто навещая Немецкую слободу, получил некоторую возможность ознакомиться с европейскими порядками, укладом жизни. Но Немецкая слобода была всего лишь осколком Западной Европы в России; в ней отсутствовали крупные промышленные предприятия, театры, высшие учебные заведения, не было налажено книгоиздательское дело и т. д. Со всем этим царь мог ознакомиться, лишь побывав лично в западноевропейских странах. Только здесь он мог убедиться, в какой мере отстала от Европы его страна.

Но цель Великого посольства вовсе не сводилась к ознакомлению царя и его подданных с европейскими порядками и усвоению накопленных в Европе знаний.

В дореволюционной и современной историографии утвердилось мнение, согласно которому цель Великого посольства состояла прежде всего в привлечении европейских держав к союзу для борьбы с неверными, то есть с турками. Дипломатические документы, составленные в Москйе, не дают ни

малейшего основания для того, чтобы усомниться в этом. Так, в грамоте к папе Иннокентию XII, подписанной 25 февраля 1697 года, папе предлагалось «с полною и совершенною верою» выслушать великих послов и «то в твердость дружбы нашей принять и советы наши на общую лепту и пользу христианскую употребительные против неприятелей креста святого с охотою соединить, а по совершении дел к нам, великому государю, к нашему царскому величеству, отпустить».

В грамоте к австрийскому императору Леопольду, датированной тем же числом, цель поездки изложена в самой общей форме: «…В чем не сумневаемся, что вы, брат наш, великий государь, ваше цесарское величество по тому же, по склонной к нам, великому государю, своей дружбе и по древнему прият-ству, то примете в любовь, и у тех вышепомянутых наших великих и полномочных послов наказанных дел своим цесарского величества ближним и думным людям выслушать и договаривать и становить с ними повелите». Однако не подлежит сомнению, что главной темой переговоров в столице Австрии, которую посольство намеревалось посетить первой среди европейских столиц, должно было стать подтверждение союза с цесарем, направленного против Османской империи. Как и Россия, Австрия подвергалась постоянным грабительским набегам турок, и поэтому царь и его дипломаты считали ее страной, в наибольшей степени заинтересованной в союзе с Россией. Уже во время путешествия, когда царь пребывал в Кенигсберге, ему стало известно, что русский посол в Вене Кузьма Нефимонов сумел заключить на три года союзнический договор с цесарем, направленный против Османской империи. Стало быть, надобность в немедленных переговорах с цесарем отпала; тогда и было решено изменить маршрут Великого посольства: оно отправилось не в Вену, как планировалось раньше, а в Голландию. Примечательно, что сам Петр в письме Виниусу так объяснял причину изменения маршрута, подтвердив заодно главную цель всего посольства: «…А к цесарю затем не пошли, что уж на три года сделана (заключен договор. — *Н.П.)*, и теперь делать нечего; а чаем оной путь, назад едучи, восприять и впредь союз продолжить».

Более определенно цель Великого посольства была изложена в грамоте Голландским Штатам, датированной 9 марта: «…Тою древнюю нашу с вами, высокомочными господами Статами, дружбу подтвердить, и некоторые дела, которые надлежат к общему добру и всему христианству пользе, объявить, также и ко обоим нашим землям, что настоит к пожитку, полною мочью договорить, постановить и утвердить». Под «общим добром» и

пользой «всему христианству», без всякого сомнения, надлежит подразумевать вступление Голландских Штатов в антитурецкую коалицию.

Последняя грамота была отправлена венецианскому дожу Сильвестру Валерио 1 июня 1697 года, то есть после того как Великому посольству и Петру стали известны результаты переговоров Нефимонова, в которых участвовали уполномоченные не только цесаря, но и венецианского дожа. В договоре с дожем, как и в договоре с цесарем, без обиняков был назван неприятель, против которого должны были воевать союзники, — Османская империя{112}.

Из сказанного не следует, что надлежит игнорировать «познавательную сторону» в деятельности Великого посольства. Но эта сторона была не главной, она подчинялась основной цели — борьбе за выход к морю. Первоначально речь шла о выходе к Черному и Средиземному морям, а уже затем, после отказа Голландии от участия в войне с «неверными» и развала антитурецкой коалиции, — о борьбе за выход к Балтике. Именно после развала антитурецкой коалиции, когда были получены сведения о начале мирных переговоров Австрии с Османской империей, на первый план выдвинулись производные от главной цели Великого посольства: закупка оружия, наем специалистов; именно тогда Петр отправился в Англию для совершенствования знаний в кораблестроении и др.

Как известно, Петр отправился за границу инкогнито, под именем десятника Петра Михайлова. Инкогнито избавляло царя от многочисленных изнурительных церемоний, позволяло ему выступать в роли частного лица, теряться в свите послов. В то же время присутствие монарха в составе посольства позволяло оперативно отвечать на неожиданно возникавшие вопросы, освобождало великих послов от утомительного ожидания ответов из Москвы.

Отъезд царя за границу держался в большой тайне. Официально считалось, что царь находится в Москве. Были приняты специальные меры, чтобы о настоящем местонахождении Петра не стало известно ни в России, ни, особенно, за границей. Посольской свите строго-настрого запрещалось упоминать о присутствии государя; письма, отправлявшиеся из России, подвергались перлюстрации, и содержавшие информацию об отъезде царя уничтожались.

Подобная предосторожность не являлась излишней. Имелись, по крайней мере, две причины, побуждавшие соблюдать тайну. Во-первых, далеко не все представители русской элиты одобряли поездку царя в «богомерзкий Запад», поэтому существовала

опасность возникновения заговоров — опасность, отметим, отнюдь не иллюзорная. Другая причина держать в секрете местонахождение царя относилась к внешнеполитической сфере — мир с Турцией не был заключен, от нее ожидали попыток вернуть Азов. В Москве знали о подготовке Турции к войне и справедливо полагали, что известие об отсутствии царя в России может подстегнуть турок.

Впрочем, инкогнито, как мы убедимся в дальнейшем, соблюсти не удалось. Похоже, что и сам царь не слишком соблюдал конспирацию, общаясь за границей с коронованными особами. Характерно, что на Западе о предстоящей поездке царя инкогнито в составе Великого посольства знали еще до его появления за рубежом. Амстердамский купец Туртон, пристально следивший за событиями в России, извещал Ами Лефорта 2 февраля: «Что касается господина генерала (Ф.Я. Лефорта. — *Н. П.)*, то я могу сказать только о его путешествии, которое мне не по вкусу; но я сообщу вам новость, которая, если подтвердится, будет изумительна: сам царь примет участие в путешествии инкогнито. Подумайте: может ли он оставить свое государство при настоящих обстоятельствах? Но так писали мне из Москвы; брат же ваш не упоминает о том ни слова. Я не премину при первом случае, который, надеюсь, встретится завтра или и сегодня, побеседовать с ним об этом деле.

Я уже писал господину генералу, чтобы во время его путешествия не отняли Азова, ибо, как уверяют, турки делают большие вооружения против России, а у них войско лучше, чем у московитов. Конечно, если царь сам примет участие в путешествии, то для генерала это будет счастьем. Я опасаюсь только, чтобы не встретилось недостатка в деньгах, чтобы в государстве не вспыхнул мятеж или чтобы орды турок или татар не воспользовались отсутствием царя. Если он не предпримет путешествия, то, кажется мне, это будет наилучшее. Надобно надеяться, что всемогущий Бог устроит все дела по желанию».

Опасения Туртона, человека весьма проницательного и знающего, оказались небеспочвенными. Как раз накануне отъезда посольства в Москве были открыты два заговора — старца Авраамия и полковника Ивана Цыклера.

К двадцатым числам февраля все было готово к отъезду. На 24-е число Патрик Гордон назначил прощальный ужин, но Петр, против обыкновения, не приехал. Накануне два офицера Стремянного стрелецкого полка Ларион Елизарьев и Григорий Силин сообщили, что думный дворянин полковник Иван Цыклер подбивает стрельцов устроить пожар и, зная обыкновение царя являться на тушение пожаров, подстеречь его и убить.

Обрусевший иноземец Иван Цыклер принадлежал к числу ревностных сторонников царевны Софьи. Во время конфликта между Петром и Софьей в 1689 году он переметнулся на сторону Петра, но этим поступком не снискал доверия царя, относившегося к нему с подозрением и помнившего его участие в стрелецком бунте 1689 года. Честолюбивому карьеристу, мечтавшему о близости ко двору, совсем не понравилось, когда его во главе полка отправили на строительство порта в Таганрог. Цыклер утратил всякую надежду на повышение по службе и видел единственный путь в устранении Петра от власти и замене его на троне другим лицом. К осуществлению своей затеи он привлек двух родовитых людей из русских, чьи интересы, как они считали, были ущемлены Петром. Один из них, боярин Алексей Прохорович Соковнин, являлся родным братом знаменитых раскольниц боярыни Федосьи Морозовой и княгини Авдотьи Урусовой. Подобно сестрам, Соковнин враждебно относился к новшествам. Он был крайне недоволен тем, что его двух сыновей Петр решил отправить для обучения в «еретические» страны. Другой заговорщик, Федор Матвеевич Пушкин, гневался на царя за то, что его отец, боярин Матвей Пушкин, был назначен воеводою в Азов, что расценивалось как «поруха» чести. Как и Соковнин, Пушкин сопротивлялся отправке своих детей за границу.

Цыклер подсказал обиженным, как можно избавиться от отправки за границу их отпрысков, — для этого надлежало государя «изрезать ножей в пять». Соковнину он заявил: стрельцам можно «государя убить, потому что ездит он один, и на пожаре бывает малолюдством».

Под пыткой обвиняемые признали свою вину. Цыклер показал, что рассчитывал поднять донских казаков на бунт: «Как буду на Дону у городового дела Таганрога, то оставя ту службу с донскими казаками пойду к Москве для ее разорения и буду делать то же, что и Стенька Разин». Стрелецкому пятидесятнику Василию Филиппову он говаривал против отправки Великого посольства: «В государстве ныне многое нестроение для того, что государь едет за море и посылает послом Лефорта, и в ту посылку тощит казну многую, и иное многое нестроение есть, можно вам за то постоять». Перед казнью Цыклер сделал еще одно признание, на этот раз порочившее Софью, — перед первым Крымским походом царевна его часто призывала и велела, чтобы он над царем учинил убийство, за что обещали пожертвовать деревню. Однако в то время он, Цыклер, в просьбе царевне отказал.

Петр принял живейшее участие в расследовании дела,

причем проявил при этом крайнюю жестокость. Он же разработал церемонию казни. Экзекуция проходила 4 марта 1697 года. Цыклер, Соковнин, Пушкин и их сообщники были казнены, причем казнь сопровождалась кощунственной церемонией: Петр считал идейным вдохновителем заговора умершего еще в 1685 году Ивана Михайловича Милославского, организатора стрелецкого бунта 1682 года. По повелению Петра гроб покойного был извлечен из могилы, привезен в санях, запряженных свиньями, к помосту, где производилась казнь, и поставлен под ним, чтобы кровь казненных лилась на гроб. Цыклер и Соковнин подверглись четвертованию, Пушкина обезглавили сразу. Были казнены и два стрелецких пятидесятника. Головы пяти казненных были воткнуты на железные рожны, вделанные в столб, поставленный на Красной площади. Трупы лежали у столба до июля.

Еще до этого процесса, в конце 1696-го — начале 1697 года, Преображенский приказ вел розыск по другому делу — кружка старца Авраамия, строителя подмосковного Андреевского монастыря. Следствие, однако, показало, что Авраамий и его сообщники никакой опасности для режима не представляют: у старца, придерживавшегося старомосковских взглядов, вызывало протест поведение Петра: «А в народе тужат многие и болезнуют о том: на кого было надеялися и ждали, как великий государь возмужает и сочетается законным браком, но, возмужав и женясь, уклонился в потехи, оставя лучшее, начал творити всем печальное и плачевное». Авраамий осуждал поведение Петра во время триумфального шествия войск из-под Азова, когда он шел пешком, а Шеин и Лефорт ехали: первый в карете, а второй в санях. Не одобряли члены кружка Семеновские и Кожуховские маневры. Участникам кружка был вынесен сравнительно мягкий по тем временам приговор: старца Авраамия сослали в Голутвин монастырь, а его сообщников после наказания кнутом отправили в Азов. Кстати, среди единомышленников старца значился и знаменитый публицист петровской поры Иван Посошков. Но никаких слов, осуждавших Петра, он не произносил (что подтвердил и Авраамий), а потому от наказания был освобожден.

Заговор Цыклера и дело Авраамия озаботили царя, однако нисколько не отразились на его планах. Великое посольство, как и намечалось, должно было отправиться в путь. Петр смолоду не привык менять своих решений и проявлял настойчивость в их реализации.

Свои полномочия по управлению государством он передал трем боярам: своему дяде Льву Кирилловичу Нарышкину, Борису Алексеевичу Голицыну, оказавшему ему неоценимую услугу во

время борьбы с Софьей, и князю Петру Ивановичу Прозоровскому. Четвертым лицом, обеспечивавшим спокойствие в столице, был князь-кесарь Федор Юрьевич Ромодановский, руководитель Преображенского приказа, занимавшегося политическим сыском. Судя по отзыву о нем Б.И. Куракина, царь вполне мог положиться на преданность Федора Юрьевича: «Сей князь был характеру партикулярного: собою видом как монстра; нравом злой тиран; превеликий нежелатель добра никому; пьян по вся дни; но его величеству так верный был, как никто другой». Приведенную характеристику Куракина подтвердил другой современник — брауншвейгский резидент Вебер: по его словам, Ромодановский «наказывал подсудимых, не спрашиваясь ни у кого, и на его приговор жаловаться было бесполезно».

Передовой отряд посольства выехал из Москвы 2 марта 1697 года. Это был обоз, нагруженный соболиной казной, золотыми монетами, «и солдаты и со всем посольским нарядом и платьем и другими важными припасами». Царь и великие послы задержались на несколько дней. 9 марта Лефорт давал прощальный пир, после которого Великое посольство выехало из Москвы.

О продвижении посольства к месту своего назначения мы узнаём из писем Петра, а также из Походного «Юрнала» (то есть журнала), регистрировавшего перемещение посольства из одного пункта в другой. В «Юрнале» от 9 марта читаем: «С Москвы марта 9 числа генерал Лефорт, собрався со всем обозом, поехали в путь и ночевали в селе Никольском. День был красен, а ночь была с небольшим ветром». В Никольском царь распрощался с оставшимися в Москве друзьями, дав им последние наставления о том, как поступать в его отсутствие.

Путь на Запад проходил по обычному маршруту: Тверь, которую достигли 11 марта, Новгород, куда прибыли 17-го числа, Псков. 24 марта посольство достигло пограничного пункта — Псково-Печерского монастыря. Далее начиналась территория Лифляндии, которая в то время находилась во владении Швеции.

Двадцать пятого марта Великое посольство пересекло границу. От рижского генерал-губернатора Эрика Дальберга был затребован посольский корм, но тот сетовал, что его не известили о численном составе посольства и, соответственно, о количестве продовольствия и подвод, которые надо заготовить. «Только извещаю, — писал губернатор, — что во всей Лифляндии большой неурожай, и великие послы, надеюсь, удовольствуются тем, что сыщется»{113}.

Посольство было торжественно встречено в Риге. Петр, похоже, остался доволен оказанным приемом. 1 апреля он

делился своими впечатлениями в письме к Виниусу: «…Приняты господа послы с великою честию; при котором въезде была из 24 пушек стрельба, когда в замок вошли, и вышли». Однако посольству пришлось задержаться в городе. «Двину обрели еще льдом покрыту, — писал в том же письме Петр, — и пешие ходят, а саньми еще последний пеший день ездят; и для того принуждены здесь некоторое время пробыть».

Пребывание Великого посольства в Риге, напротив, оставило у царя самое неблагоприятное впечатление. Чувство радости сменилось досадой и огорчением. Проявив при встрече любезность, администрация города в то же время грубо запретила русским поближе познакомиться с крепостными сооружениями. Один из инцидентов напрямую коснулся Петра. Располагая временем, он проявил любопытство, показавшееся губернатору подозрительным: с возвышенности стал снимать план хорошо просматриваемой внутренней части крепости. Караульный попросил любознательного царя и его свиту удалиться, угрожая применением оружия. Рижский губернатор Дальберг потребовал от Лефорта, чтобы тот воспретил москвитянам вольности, не позволительные ни в одной стране. Лефорт убедил царя отказаться от намерения глядеть на крепость в зрительную трубу и делать чертежи{114}.

Другой повод к недовольству дали рижские купцы. Воспользовавшись тем, что сани надлежало менять на повозки, и используя безвыходное положение посольства, стремившегося во что бы то ни стало избавиться от саней, они давали за них крайне низкую цену. В письме тому же Виниусу, отправленном 8 апреля, в день отъезда из Риги, царь сетовал: «Сегодня поехали отсель в Митоу; а жили за рекою, которая вскрылась в самый день Пасхи. Здесь мы рабским образом жили и сыты были только зрением. Торговые люди здесь ходят в мантелях и кажется, что зело правдивые, а с ямщиками нашими, как стали сани продавать, за копейку матерно лаются и клянутся, а продают втрое»{115}.

Впоследствии случай в Риге с запретом снять план крепости был использован Петром в качестве одного из поводов для объявления войны Швеции. В 1700 году Дальберг оправдывался перед Стокгольмом, объясняя, почему он не нанес визита великим послам и почему он грубо поступил с царем: «Я не сделал им визита и не пригласил их в замок, потому что считал то и другое излишним: и посольство было назначено не к моему государю, и прежние губернаторы никаким послам подобных почестей не оказывали. При том же был болен и пять недель лежал в постели».

Воспоминания о Риге продолжали будоражить память послов

и после того, как они оставили ее и прибыли в пределы Речи Посполитой. Барон Бломберг, беседовавший с послами в Митаве, записал: «Они очень жалуются на дурной прием, оказанный им в Риге, и грозят отомстить при первом случае».

В отличие от рижского губернатора курляндский герцог Фридрих Казимир и бранденбургский курфюрст Фридрих III как бы соревновались друг с другом, кто из них окажет Великому посольству более радушный прием. Фридрих Казимир оказался давним знакомым Лефорта, который служил под его началом еще юношей в голландской армии, сражавшейся против французов. 14 апреля после торжественного въезда в Митаву Лефорт имел частную беседу с Фридрихом Казимиром и сообщил ему о присутствии царя в составе посольства. Раскрытию инкогнито способствовал и сам Петр, согласившийся на тайную встречу с герцогом.

Любопытный подарок царь прислал из Митавы князю-кесарю Ромодановскому, в чьем управлении находилась Москва. «Здесь також ничего вашей персоне удобного не нашел, только посылаю к вашей милости некоторую вещь на отмщение врагов маестату нашего». «Некоторой вещью» оказался топор для палача, о чем можно судить из ответа Ромодановского: вещь опробована в деле, отрублены головы двум преступникам{116}.

О том, что царь остался доволен приемом в Курляндии, можно судить и по суммам розданных им подарков. В Риге подарок был сделан лишь капитану Голденштейну, возглавлявшему караул, охранявший посольство, на сумму в 30 рублей. В Курляндии же, где посольство провело время с 14 по 20 апреля, было выдано разным лицам подарков на сумму в 60 рублей.

Из Митавы Петр отправился морем в Кенигсберг, в то время как посольство двигалось по суше. В Кенигсберге царю оказали пышный и торжественный прием. Пребывание здесь было для него столь приятным, что он пробыл в городе целый месяц. Курфюрст старался изо всех сил, чтобы доставить царю, уже почти не скрывавшему своего имени, удовольствие. Петру разрешалось беспрепятственно осматривать все, что он пожелал: артиллерийский парк, крепости и др.

Агент цесаря Леопольда при Бранденбургском дворе Геемс оставил описание приема царя Фридрихом III. 11 мая 1697 года он доносил цесарю: «Когда несколько дней тому назад из разных мест стали приходить к курфюрсту известия, что московский царь сам находится при посольстве, то такие известия сначала по многим важным причинам не встретили веры и, между прочим, потому что нельзя было предположить, что царь при теперешних

конъюнктурах и во время тяжелой войны с татарами уехал из своей земли и предпринял трудное путешествие. Но после того, как из верных й достойных доверия источников было возвещено и подтвердилось со многими подробностями и между прочим, как выше упомянуто, царь открыл себя перед отъездом герцогу Курляндскому, у которого он провел со своим посольством 8 дней, и что он в Митаве в 30 милях отсюда сел на корабль и продолжает путь сюда, то г. курфюрст отправил своего генерала фельдцейхмейстера и губернатора здешнего герцогства герцога Гольштейн-Бека с некоторыми другими чиновниками в расположенную на Балтийском море крепость Пилау, чтобы там его достойно принять.

Туда упомянутый корабль прибыл в прошлую среду 5/15 этого месяца, причем на нем была выстроена гвардия, и был сделан салют из трех пушек и с такими же выстрелами отвечали из крепости. Затем с корабля к упомянутому губернатору прибыл офицер, который, сказав приветствие от имени командующего этим отрядом, просил о меньшем корабле, чтобы отвезти их в Кенигсберг, так как их корабль сидит слишком глубоко, и они не прошли бы в нем через так называемый Фришгафф и не могли бы войти в Прегель. На что вышеназванный господин герцог Гольштейн послал на корабль курфюршеского камер-юнкера по имени Принц, чтобы приветствовать находящуюся там согласно дошедшему известию знатную персону и чтобы узнать, не угодно ли ей выйти на сушу, где уже сделаны все надлежащие приготовления к ее приему и угощению. Он однако не был допущен, и ему было объяснено в ответ, что там нет никакого знатного господина, как предполагают, находится один имеретинский князь с частью свиты идущего Великого посольства. Почему так это и оставили и для удобнейшего их дальнейшего путешествия дали им тогда другой корабль, на котором они немедленно продолжали путь»{117}.

Седьмого мая корабль прибыл в Кенигсберг, о чем сообщал все тот же Геемс: «В полдень вышеупомянутый корабль прибыл сюда (в Кенигсберг. — *Н.П.)* при нескольких выстрелах с расположенного на упомянутый реке шанца. Находившиеся на нем были отведены на приготовленные для посольства квартиры; но это помещение не понравилось московитам (вероятно, найдено было слишком роскошным для Петра, продолжавшего скрывать свое имя. — *Н. П.)*, и они выбрали себе другое на так называемой Книпгофской Долгой улице и весь день были заняты выгрузкой своих багажей. В это время, как и раньше, стало доподлинно известно, что, кроме имеретинского князя, имя которого значится на фурьерском ярлыке, на корабле должна находиться еще другая

знатная персона, причем заботливо старались ее скрыть, так чтобы ее не увидели и не узнали служащие курфюрста. Но, как было замечено, эта персона только около 11 часов ночи перебралась с корабля в жилище, и ей там перед всеми другими оказывалась особая честь и уважение»{118}.

На внимании, оказанном русскому царю в Пилау и в Кенигсберге, несомненно, отразилась заинтересованность в установлении союзнических отношений между Россией и курфюршеством Бранденбургским.

Петр обратился к курфюрсту с просьбой принять его инкогнито. Свидание продолжалось полтора часа. Тайный агент венецианского двора извещал своего посла в Вене: «В субботу, 8 мая, царь оставался инкогнито, не выдаваясь ничем среди других, хотя можно было заметить, что все другие относились к нему с почтением, В воскресенье он приказал сказать его курфюршеской светлости, что он решил было сначала не открываться ранее приезда своего посла, но что любезность, оказанная ему его курфюршескою светлостью, не позволяет ему скрываться более и что он желает видеть курфюршескую светлость, но инкогнито.

Условились, что он может это сделать вечером в 9 часов, что он и сделал, также только в сопровождении трех главных господ и одного переводчика, отправившись в замок в присланной за ними карете частного лица, и он сперва вошел запросто со своею свитой в апартамент его курфюршеской бранденбургской светлости, при которой находились только принц Голыытейн-Бек, оберкамергер, оберпрезидент и обер-гофмаршал. Оба государя при встрече обнялись, сели в кресла и беседовали более полутора часов; так как царь довольно хорошо объясняется по-голландски, они выпили бутылку доброго венгерского и выказали взаимно большую дружбу. Его курфюршеская светлость титуловал царя царским величеством, а тот называл его царем. Царь простился около 11 часов, снова обнял его курфюршество и ретировался, также без малейших церемоний»{119}.

Другому агенту венецианского дожа удалось узнать содержание беседы между царем и курфюрстом: «Разговор… был о разных предметах и, главным образом, о мореплавании, к которому царь имеет особую склонность; имея только малые тридцатипушечные суда, он высказал желание отправиться в другие страны посмотреть самые большие корабли и в заключение поблагодарил его светлость за присланных ему бомбардиров, в особенности обозначал имя и способности каждого из них.

Его светлость осведомился у него, хорошо ли он устроился и доволен ли он помещением и содержанием, о чем сам он (царь. —

Н. П.) приказывал, о чем он отвечал на голландском языке: “Я не забочусь о еде и питье, слово дороже всего этого”. Его светлость также спросил, позволительно ли ему будет отправиться в Московию; царь по этому поводу выказал большое удовольствие с особливым желанием, чтобы курфюрст совершил это путешествие. Затем последняя здравица была за тех, кто с большим пылом ведет войну против турок, как, по его словам, ведет он, пройдя ради этой цели столько пешком во главе своих войск. На этом, окончив свидание, царь простился»{120}.

В Бранденбурге Петр проводил время не праздно. 12 мая он осматривал загородную резиденцию курфюрста Фридрихсбург, ее укрепления, арсенал и церковь. «Он все осматривал, говорил обо всем с большой проницательностью, сработал кое-что в арсенале, что показывало его наклонность к военному искусству, — записал современник. — Осмотр закончился выпивкой…»

Четырнадцатого мая другой современник попытался описать внешность царя: «Он хорошо сложен, высок ростом, но не очень опрятен в одежде; довольно рассудителен, но время от времени обнаруживается в его действиях что-то варварское. На прошедших днях он за столом сильно побил кулаком одного из своих придворных, который не сразу выпил за здоровье его курфюршеской светлости. До сих пор нельзя сказать с уверенностью, куда направится его путь. Говорят, что он поедет посмотреть войска в Брабант. Его посольство, которое еще не прибыло сюда, должно ехать в Вену. Есть мало надежный слух, что и он отправится туда же, но более всего он желает видеть Венецию и Амстердам ради морского дела. Он так увлечен мореплаванием, что не желает путешествовать иначе, как водою. Эту ночь он спал на маленькой яхте, а сегодня станет на якоря перед домом его курфюршеской светлости, называемым Фридрихсгоф, построенном на берегу Прегеля… Говорят, что он заказывает в Кенигсберге немецкое платье как для себя, так и для свиты, чтобы его менее узнавали во время путешествия»{121}.

В ожидании прибытия в Кенигсберг посольства Петр под руководством главного инженера прусских крепостей подполковника Штейтнера фон Штернфельда изучал «огнестрельное искусство, в особенности метание бомб, каркасов и гранат». Главный инженер прусских крепостей обнаружил в «московском кавалере Петре Михайлове» «высокопохвальное рвение к столь необходимому искусству, которым опытный офицер может заслужить благосклонность высоких монархов», что было засвидетельствовано в выданном ему аттестате.

Едва ли не самую глубокую и лаконичную характеристику Петра дал великий немецкий ученый Лейбниц, специально

прибывший в Кенигсберг, чтобы познакомиться с царем: «Он отличается большой любознательностью и живостью, препятствующей ему оставаться спокойным».

В то время как царь в Кенигсберге постигал вершины артиллерийского дела, Великое посольство, выехав из Либавы, медленно продвигалось к территории Бранденбургского курфюршества. 7 мая посольство прибыло в Мемель, где его встречали с надлежащими почестями — стоявшими вдоль улицы солдатами и жителями города, битьем в барабаны, троекратной артиллерийской пальбой из 26 орудий. Мемельский чиновник Рейер в донесении курфюрсту отметил благосклонное отношение послов к встречающим. Упомянул он и о беседе с генералом и адмиралом Лефортом, который показал себя «необычайно дружественным к моей персоне»; «ударяя себя в грудь», Лефорт «удостоверял с наивысшей клятвою, что… ваша курфюршеская светлость получите полное удовлетворение, даже большее, чем на какое можно претендовать… Я хорошо заметил, что упомянутый генерал Лефорт имеет большие полномочия от его царского величества и не меньшее почитание к вашей курфюршеской светлости высокой персоне».

Рейер отметил, что Лефорт педантичен, но не соблюдает старомосковских традиций, не ведет изнурительных споров о церемонии встречи послов, что было характерно для прежних московских послов. «Я нахожу свиту царского посольства в таком блеске, какой когда-либо можно было видеть, — писал Рейер, — в особенности платья генерала Лефорта; из них некоторые украшены драгоценными каменьями. Между прочим во всех трех послах я не нахожу того упорства, которое выказывали послы раньше. Наоборот, они показали много податливости и благородной учтивости к моей милости, что я не могу достаточно нахвалить. Также они выражали свое удовольствие по поводу трактамента, которым пользовались. Они очень выславляют, что были хорошо приняты герцогом Кур-ляндским. Напротив, они не менее жалуются, что их крайне плохо приняли в Лифляндии и особенно в Риге, не оказали им никакой учтивости».

Упрощение церемоний и разумную уступчивость со стороны великих послов следует отнести прежде всего на счет Лефорта. Он не был связан с закоснелыми традициями и руководствовался здравым смыслом.

В Мемеле Великое посольство разделилось на две части: одна отправилась в Кенигсберг морем, другая сухим путем.

В городах сухопутную часть посольства приветствовали пушечной и ружейной пальбой; вдоль улиц стояли мещане и солдаты гарнизонов.

Торжественный въезд великих послов в Кенигсберг состоялся 18 мая. В составе посольства находился и царь, специально прибывший в последний населенный пункт, в котором посольство остановилось перед въездом в город.

Встречали послов с пышностью и великолепием. Свита посольства также не ударила в грязь лицом: пажи, сопровождавшие послов, были одеты, в соответствии с цветом одежды первого посла, в красные немецкие камзолы с серебряными позументами. Десять московских солдат были одеты в зеленые мундиры с большими зелеными пуговицами, московские трубачи из свиты Лефорта, как и четыре пажа, — в красное немецкое платье. Тридцать волонтеров тоже блеснули нарядами: они ехали на конях в немецких мундирах. Красивое зрелище, дополненное роскошной одеждой свиты курфюрста, сопровождалось непрерывными звуками, исходившими от трубачей и литаврщиков. За въездом посольства наблюдал из окна своего дворца сам Фридрих III.

Каждый из послов произнес длинную речь, завершавшуюся заверениями в дружбе. Затем были внесены богатые подарки курфюрсту, состоявшие из соболиных и горностаевых мехов, китайских камок. Курфюрст, приняв подарки, благодарил, затем следовал торжественный обед, отмеченный Статейным списком: «Мая 21 ж числа был великим и полномочным послам курфюрстов стол, обедали все вместе у первого посла; потчевали их великих и полномочных послов приставы их… и пили» про здравие царя, «а после про курфюрстово здоровье; тут же в стол присылываны от курфюрста особливые изрядные ествы на серебряных золоченых блюдах; и была во время стола курфюрстова покоева музыка»[{122}].

После аудиенции у курфюрста началась будничная жизнь Великого посольства. Отсутствуют основания полагать, что она была насыщена заботами, утомлявшими послов. Напротив, хозяева стремились сделать их пребывание как можно более беззаботным. Почти ежедневно устраивались роскошные обеды то у хозяев, то у гостей. Попытки хозяев совместить приятное с полезным, то есть обеды и ужины с деловыми переговорами, были пресечены: по словам послов, «о делах говорить» во время обедов не надлежало. Иногда ужины сопровождались красивыми фейерверками с разноцветными огнями и красочными зрелищами — например, огненным всадником на коне, побеждающим змия на фоне неба[{123}].

Двадцать пятого мая курфюрст присылал звать великих и полномочных послов смотреть «звериной потехи»: сначала стравили медведей, затем против них выпустили юношу; также

были выпущены собаки, не причинившие юноше никакого вреда.

Двадцать седьмого мая великие послы «гуляли» в загородной резиденции курфюрста, «именуемой Фридрихсгоф». На следующий день камерный музыкант предоставил в распоряжение генерала и адмирала Франца Лефорта специально вызванных из Берлина юных музыкантов «со всеми инструментами».

Второго июня во время прощальной аудиенции была зачитана ода с выражением пожелания «гостям, и дабы государство турков разорено было». Слова, ласкавшие слух гостей, сопровождались музыкой{124}.

Один из жителей города, занимавший должность в городской администрации и встречавший по своей должности Великое посольство и общавшийся с послами, оставил весьма интересный отзыв о Лефорте: «Подарок, который они (великие послы. — *Н.П.)* сделали моей жене: пара соболей и два куска турецкой шелковой материи, обошелся мне дорого, потому что я с г. Лефортом, который, несмотря на много фистул и ран на теле, ненасытен, должен был пить столько вина, табаку и водки, что на следующий день не мог провожать их в экипажи. Сказанный Лефорт великолепно одевается и, вероятно, выписал свое платье из Франции. Однако странным кажутся множество колец, которые он носит на пальцах, а также повязка из изумрудов, которую он носит на волосах. Он очень вежлив и с гордой осанкой поддерживает с двумя товарищами значение своего сана. Мне очень нравится его постель, украшенная персидской парчой. С товарищами он говорит по-московски, с другими — по-французски; между ними его племянник и шталмейстер, оба деликатные французы. Остальные большею частью немцы, и он довольно хорошо говорит по-немецки. Пьют большей части франконское вино; рейнского не ценят, привыкнув к первому в их стране. Когда пьют чье-либо здоровье, делают это большими бокалами за табаком. Если, например, пьют за здоровье царя, питье начинается с конца стола и, таким образом, бокал переходит из рук в руки, пока последняя очередь не останется самому знатному, который благодарит того, кто первый предложил тост. Генерал-комиссар (Ф.А. Головин. — *Н.П.)* более общителен, чем другой, канцлер империи (Возницын. — *Н.П.)*; он бывал в разных посольствах, даже в Китае. У них четыре субтильных карлика, которых они очень чтут».

Это пространное свидетельство освещает поведение послов, и прежде всего Лефорта, в неофициальной обстановке.

Сохранилась также запись разговора Лефорта с кригскомиссаром фон Динкельманом. Она была сделана

переводчиком Бергеном. Из разговора следует, что Франц Яковлевич был до крайности занят делами, «так как при всем его кажущемся счастии, у него ничего нет кроме заботы на шее. Они, оба его товарища или послы, гораздо счастливее его, могут предаваться отдыху, когда и как хотят, и он, кавалер (Возницын. — *Н.П.)*, также, как и другой (Головин. — *Н.П.)*, мог бы ускользнуть, если бы сумел, поелику они не принимают участия в его заботах, как он в их заботах, и они могут спать всю ночь напролет, тогда как вверенное ему сокровище (Петр. — *Н.П.)* и забота о нем держат его без сна и лишают всякого спокойствия. Канцлер (Возницын. — *Н. П.)* стал было настаивать на такой заботе одинаково со стороны другого господина посла и со своей стороны, но генерал приводил многие основания, что их забота не идет далее их трех глаз (? — *Н.П.)* и их ответственность не простирается выше, чем за точное исполнение и возможное осуществление посольских дел, его же ответственность простирается гораздо выше, а именно: как бы то великое, что ему доверено, и голова его, и кровь, и вся жизнь (хотя бы у него было их сотни), как бы его благополучно доставить, куда нужно»[{125}].

Любопытно, что Лефорт говорил о своей ответственности лишь за жизнь и здоровье монарха, о своем денном и нощном попечении на этот счет и ни словом не обмолвился о какой-либо роли советника, чьи рекомендации тут же претворялись бы в жизнь.

Прощальная аудиенция великих и полномочных послов у курфюрста состоялась 2 июня 1697 года. Однако посольство задержалось в Кенигсберге в связи с необходимостью окончательно сформулировать статьи союзнического договора. По этому поводу между двумя сторонами обнаружились разногласия.

Переговоры о заключении союзного договора между Россией и Бранденбургским курфюрстом оказались довольно трудным делом. Окончательно трактат был подписан лишь 22 июня. Дело в том, что внешнеполитическая ориентация договаривавшихся государств далеко не совпадала. Для России главным неприятелем была Турция; соответственно, задача великих послов состояла в привлечении курфюршества к войне с Османской империей. Для Пруссии же Турция не представляла непосредственной угрозы; ее противниками были ближайшие соседи — прежде всего Швеция и Речь Посполитая. Потому курфюст хотел иметь Россию союзницей в борьбе именно с этими государствами. Но для России обязательство выступить против могущественной в то время Швеции таило огромную опасность. Русские дипломаты понимали это и решительно отказывались от

того, чтобы включать данный пункт в текст мирного договора.

В то же время у России и Бранденбургского курфюршества нашелся общий недруг — Франция. Французская дипломатия намеревалась сделать королем Польши своего ставленника, что не устраивало ни Россию, ни Бранденбург (Пруссию). Оба государства имели общую границу с Польшей и оба опасались возраставшего влияния Франции, претендовавшей на первенствующую роль в континентальной Европе. Русской дипломатии, кроме того, была хорошо известна подстрекательская роль Франции, постоянно натравливавшей Турцию на войну с Россией, в которой она видела соперницу в борьбе за гегемонию в Европе.

В этой непростой обстановке великим и полномочным послам пришлось решать сложную задачу — не дать втянуть Россию в конфликт с Швецией и Францией и в то же время добиться помощи курфюрста в продолжении войны с Турцией. Имевшиеся препятствия удалось преодолеть за счет использования общих и обтекаемых формулировок, которые полностью замаскировали истинные цели договора: обе стороны взаимно обязались пребывать в дружбе и любви друг к другу «и всякого блага и прибыли искати, радети и остерегати». О средствах достижения этих целей — ни слова. Ни Швеция, ни Польша в договоре не упоминались, однако оба государя, и царь, и курфюрст, дали друг другу устное обязательство помогать против всех неприятелей. Позднее в «Статейном списке» Великого посольства об этом было сказано так: «И по многих разговорах согласились на том, чтоб… друг другу против всех неприятелей вспомогать, а особливо против шведа, обещать самим обоим государям друг другу изустно… И дав на том друг другу руки, целовались и клятвою утвердились». Объяснялось это тем, «дабы не сочинить оным подозрения, а именно, чтоб во удобной и потребной случай против всех неприятелей, а особливо против шведа, вспомогать всеми своими силами, во всякой возможности содержать истинно и пребывать до скончани в непеременной притом союзе дружбе».

Зато вопросы, касавшиеся экономических связей между двумя странами, были определены достаточно точно и ясно. Россия обязалась предоставить бранденбургским купцам благоприятные условия для торговли как сухим путем через Псков, Смоленск, Великий Новгород и Киев, так и морским через Архангельск, а кроме того, транзитную торговлю через свою территорию с Китаем и Персией. В свою очередь, курфюрст обязался разрешить русским купцам вести торговлю с Мемелем, Кенигсбергом и Берлином; взялся он принять на обучение и русских волонтеров.

Фридрих III настолько был доволен заключением оборонительного договора, что решил доставить царю и великим послам удовольствие — после прощальной аудиенции для них была устроена охота на лосей, красочное описание которой приведено в «Статейном списке».

Помимо заключения договора Великое посольство достигло еще одного положительного результата. В Кенигсберге было оставлено несколько агентов для найма специалистов для службы в России. Среди принятых на русскую службу были и украинцы, бежавшие из турецкого плена, и греки, также освободившиеся из неволи, и поляки, и венгры, которые оказались не у дел в связи с окончанием войны с Францией. Из 130 наемников больше всего было матросов — 80 человек. Среди остальных пятидесяти можно встретить капитанов и поручиков, бомбардиров и боцманов, штурманов, часовщиков, аптекарей и даже одного живописца.

Двадцать второго июня в Пилау, где находилось Великое посольство, между царем и Лефортом произошла размолвка. Свидетелем ссоры оказался переводчик фон Берген. По его словам, царь обвинил своего любимца в том, что тот «стал беззаботен, потому что заметил, что стал велик». «Я пришел к спору, — продолжает фон Берген, — как раз, когда командор (Петр. — *Н. П.)* сказал: он де сделал его великим, от чего генерал не мог отрицаться; и к тому генерал не мог его так возвысить, однако спрашивал наперед господ послов, знают ли они или слыхали, а затем, памятно ли великому командору, чтобы он (Лефорт. — *Н.П.)* предпринял какой шаг к своему возвышению или искал его, на что они все ответили, что нет, и затем после небольшого молчания генерал обратился к великому командору с тонкой улыбкой: ему его милостивейший великий государь оказал много милости и сделал его более великим, чем он когда ожидал, но если бы его величество захотел оказать ему еще одну милость и вернуть его в прежнее состояние, то он восхвалил бы его, что он сделал его не только великим, но и счастливым. Тогда великий командор обнял его, дружественно с ним говорил и приказал наполнить кубки, которые, будучи наполнены до краев, весело ходили кругом при звуках литавр, труб и пушек сперва наших обоих великих государей, затем всего их государства и всех союзников»{126}.

Здесь, в Кенигсберге, царь решил изменить маршрут своего путешествия — вместо предполагавшейся поездки в Вену он вознамерился отправиться в Голландию, чтобы утолить свою страсть к морю и мореплаванию. Как уже говорилось выше, причиной тому стало известие о заключении союзного договора с цесарем. Свидание с ним становилось делом не первостепенной

срочности.

Царь проявлял горячее желание оказаться в Голландии, но его остужали события в Польше. Там в это время происходили выборы короля. На это место претендовали сразу три кандидата: французский принц де Конти, маркграф Баденский Людвиг и саксонский курфюрст Фридрих Август. Петр вынужден был задержаться в Пилау и с тревогой наблюдать за ходом борьбы за польскую корону. Россия, как и Пруссия, поддерживала кандидатуру саксонского курфюрста; победа любого другого претендента была для нее крайне нежелательна. В Варшаву была отправлена грамота якобы из Москвы, датированная 31 мая 1697 года (а в действительности написанная в Пилау, и не 31 мая, а 12 июня), с предупреждением, что избрание королем де Конти вызовет «великое подивление всем посторонним монархам христианским, и понеже иные нам, великим государем, союзным монархам, французский король, имея дружбу и союз со общим неприятелем, с салтаном турским, многое повреждение, и ему вспоможение и войскам цесарского величества отвращение и принятие чинит, а тогда, когда б еще в Польском государстве француз королем был, какова б целость общему союзу и вечному миру и соединению христиан и истинное приятство имело быть?»{127}.

Посольство оставило Пилау лишь после того, как стали известны результаты выборов в Польше. Они оказались благоприятны для России: польским королем был избран саксонский курфюрст Фридрих Август. Только после этого великие послы, а вместе с ними и Петр смогли направиться в Голландию.

Показательно, что за все время пути Петра и Великого посольства из Москвы до Амстердама ни Франц Лефорт, ни его племянник Петр, соблюдая тайну инкогнито царя, не отправили своим родственникам ни одного письма. Лишь 3 сентября, то есть спустя более двух недель после прибытия в Амстердам, Петр Лефорт известил отца: «Я сожалел, что не мог сообщить вам все подробности нашего пребывания в Кенигсберге, так как было строго запрещено упоминать о том. Теперь я в Голландии, откуда письма, надеюсь, дойдут до Женевы исправно, и потому, не подвергая себя опасности, хочу сообщить вам, что особа, о которой вы говорите, действительно находится с нами и что это дело уже всем известное. Мы употребляли все усилия скрывать тайну, но это было почти невозможно. Ныне мы не колеблемся прямо объявлять о том нашим друзьям. Слух распространен в такой степени, что народ, завидев кого-нибудь из московитов, сбегается в надежде, что это его царское величество. Все

посланники боятся за государя и потому смущены; они желали бы, чтобы царь был в своей земле, но это невозможно: он слишком большой любитель чужих земель, чтобы говорить о своем возвращении. Здесь, в Голландии, обнародовано повеление, под страхом тяжкой денежной пени, не печатать в газетах никаких известий с упоминанием имени его царского величества».

Путь через Кольберг, Берлин и Магдебург ничем примечательным не отмечен за исключением встречи Петра с двумя курфюрстинами — Софией Ганноверской и ее дочерью Софией Шарлоттой Бранденбургской. Встреча эта произошла в местечке Коппенбрюгге 27 июля.

Статейный список так описал визит царя и ужин: «И стояли послы в местечке Копенбрыгине, в замке, и в том замке были и ожидали посольского приезду курфюрста Бранденбургского жена княгиня с матерью своею, курфюрста Ганноверского женою, и звали великих и полномочных послов ужинать. И великие и полномочные послы с курфюрстынею ужинали, а за столом сидели в первом месте один Преображенского полку начальный человек (Петр. — *Н.П.)*, по правую сторону его — курфирстин дядя арцух Целский Георгий Вилгельм, подле него великие и полномочные послы, подле курфирстина братья Георгий Людовик, другой — Мажимус, воевода цесарских войск, третий Эрнестес Август, да царевич Меретинский (находившийся в составе посольства имеретинский царевич Александр Арчилович. — *Н.П.)*; при столе стояли жены и девицы высоких домов. И за столом и на столе пили про здоровье великого государя, его царского величества и благоверного государя царевича и всего его государского дому и про курфирстово и про курфирстино и детей их здоровье, а потом была музыка и танцы»{128}.

Как видим, Статейный список касается лишь внешней стороны дела. Более интересны иностранные описания. «Ужин начался в 10 часов и окончился в 3 часа, — писал некий анонимный автор. — Было установлено, чтобы кавалеры, которые служили их величествам, выпили натощак пять больших бокалов рейнского вина, которое им подносил сам царь. После стола остальная часть ночи прошла в музыке и в танцах, и сам его величество танцевал польский. Он — государь высокого ума, судя по ответам, которые он давал через переводчика (Лефорта. — *Н.П.)*, так как говорил только на своем языке… Я его видел мельком, однако смогу, пожалуй, изобразить его портрет. Он роста выше обыкновенного, с гордым и в то же время величественным взглядом, глаза полны огня и находятся в постоянном движении, как и все его члены, редкие волосы,

маленькие усы, одет по-матросски в красное сукно с несколькими небольшими золотыми галунами, белые чулки и черные башмаки».

Свои описания встречи с русским царем оставили обе курфюрстины. Они попытались описать внешность царя, его поведение, поделились своими впечатлениями о нем и отчасти передали содержание беседы. Это придает обоим описаниям бесспорную ценность и делает их уникальным источником. Характеристика Петра в этих описаниях считается хрестоматийной.

София Шарлотта по неизвестным причинам не смогла сопровождать своего супруга в Кенигсберг и встретиться там с царем. Поэтому она обратилась с просьбой к тайному советнику Павлу Фуксу, приставленному к царю, чтобы тот организовал встречу с ним. Обе курфюрстины прибыли в Коппенбрюгге, где через несколько часов должен был появиться Петр. Сначала он отказался от встречи с курфюрстинами, но потом согласился при условии, что ужин будет проходить в семейном кругу в отсутствие придворных. Младшая курфюрстина писала Фуксу:

«Моя матушка и я приветствовали его, а он заставил отвечать за себя г. Лефорта, так как казался сконфуженным и закрывал лицо рукой, но мы его приручили; он сел за стол между матушкой и мной, и каждая из нас беседовала с ним попеременно. Он отвечал то сам, то через двух переводчиков, и, уверяю вас, говорил очень впопад, и это по всем предметам, о которых с ним заговаривали. Моя матушка с живостью задавала ему много вопросов, на которые он отвечал с такой же быстротой, и я изумляюсь, что он не устал от разговора, потому что, как говорят, такие разговоры не в обычае в его стране. Что касается до его гримас, то я представляла себе их хуже, чем их нашла, и не в его власти справиться с некоторыми из них. Заметно также, что его не научили есть опрятно, но мне понравилась его естественность и непринужденность, он стал действовать, как дома, позволил сначала войти кавалерам, а потом и дамам, которых сначала затруднялся видеть, затем велел своим людям запереть дверь, поставил около нее своего фаворита, которого он называет своей правой рукой, с приказанием никого не впускать, велел принести большие стаканы и заставлял каждого выпить их по три и по четыре зараз, давая понять, что делает это, чтобы оказать честь каждому. Он сам подносил стаканы. Кто-то хотел дать стакан Quirini, он взял стакан сам и поднес его Quirini — это деликатность, которой мы не ожидали. Я позвала музыку, чтобы посмотреть, какое она производит на него впечатление; он сказал, что она ему очень нравится, в особенности Фердинандо, которого

он вознаградил так же, как и придворных кавалеров, стаканом. Чтобы сделать ему удовольствие, мы пробыли четыре часа за столом и пили по-московски, т. е. выпивая зараз и стоя за здоровье царя. Фридерих (курфюрст. ~~ *Н.П.)* также не был забыт.

Чтобы посмотреть, как он танцует, я попросила г. Лефорта назвать своих музыкантов, которые пришли после ужина. Но он не хотел начинать, потому что у него не было перчаток, и велел их искать по своему поезду, но напрасно. Моя матушка танцевала с толстым комиссаром (Головиным. — Я. #.); против них Лефорт в паре с дочерью графини Платен и канцлер (Возницын. — *Н.П.)* с ее матерью; все это прошло очень степенно, и московский танец нашли очень красивым. Все были очень довольны царем, и он казался так же очень доволен…

P. S. Шут царя был также, он очень глуп, и мы умирали со смеху, видя как его хозяин, взяв метлу, стал ею чистить».

Больше проницательности при описании свидания проявила курфюрстина-мать Софья Ганноверская: «Мы испросили аудиенции у его царского величества (он везде соблюдает инкогнито, и все представительство возложено на его трех послов). Государь согласился нас принять и повидаться с нами в тесном кругу

Меня сопровождали моя дочь и три сына… Хотя Коппенбрюгге отсюда в четырех добрых милях, мы туда отправились с величайшей охотой. Коппенштейн ехал впереди нас, чтобы сделать все необходимые приготовления. Мы опередили московитов, которые прибыли только к 8 часам и остановились в крестьянском доме.

Вопреки нашим условиям, собралось такое множество людей, что царь не знал, как ему быть, чтобы пройти незамеченным. Мы долго вели переговоры. Наконец, мой сын был вынужден разогнать зрителей с помощью гвардейских солдат, и в то время, как послы подъезжали со свитой, царь проскользнул скрытой лестницей в свою комнату, потому что, чтобы попасть в нее, надо было бы пройти через столовую. Мы вышли в эту комнату, и первый посол г. Лефорт из Женевы служил нам переводчиком.

Царь очень высокого роста, лицо его очень красиво, он очень строен. Он обладает большой живостью ума, его суждения быстры и справедливы. Но наряду со всеми выдающимися качествами, которыми его одарила природа, следовало бы пожелать, чтобы его вкусы были менее грубы.

Мы тотчас же сели за стол. Г. Коппенштейн, исполнявший обязанности маршала, подал его величеству салфетку, но это очень его затруднило: вместо салфетки в Брандербурге ему

подавали после стола кувшин. Его величество сидел за столом между моей дочерью и мною, имея переводчика с каждой стороны. Он был очень весел, очень разговорчив, и мы завязали с ним большую дружбу

Моя дочь и его величество поменялись табакерками. Табакерка царя была украшена его инициалами, и моя дочь очень дорожит ею. Мы, по правде говоря, очень долго сидели за столом, но охотно бы остались за ним и еще дольше, не испытывая ни на минуту скуки, потому что царь был в очень хорошем расположении духа и не переставал с нами разговаривать. Моя дочь заставила своих итальянцев петь; их пение ему понравилось, хотя он нам признался, что он не очень ценит музыку. Я его спросила; любит ли он охоту? Он ответил, что отец его очень любил, но что у него с юности настоящая страсть к мореплаванию и фейерверкам. Он нам сказал, что сам работает над постройкой кораблей, показал свои руки и заставил потрогать мозоли, образовавшиеся на них от работы.

После ужина его величество велел позвать своих скрипачей, и мы исполнили русские танцы, которые я предпочитаю польским. Бал продолжался до четырех часов утра. У нас было намерение провести ночь в одном соседнем замке. Но так как уже рассвело, то мы тотчас поехали сюда, совсем не спав, и очень довольны нашим днем».

Есть в письме старшей курфюрстины несколько слов и о Лефорте: «Было бы слишком долго перечислять вам в подробности все, что мы видели, — продолжает она. — Г. Лефорт и его племянник были одеты по-французски, тот и другой очень умны. Я не могу ничего сказать ни о двух других послах, ни о множестве князей, принадлежавших к свите царя. Царь, не знавший, что помещение не позволяло нам там оставаться, ожидал нас увидеть на следующий день. Если бы мы об этом были предупреждены, мы бы устроились так, чтобы остаться по соседству и повидаться с ним еще раз, так как его общество доставило нам много удовольствия.

Это человек совсем необыкновенный. Невозможно его описать и даже составить о нем понятие, не видав его. У него очень доброе сердце и в высшей степени благородные чувства. Я должна вам также сказать, что он не напился допьяна в нашем присутствии; но, как только мы уехали, лица его свиты вполне удовлетворились. Коппенштейн действительно заслужил превосходную соболью шубу, которую они ему подарили за то, что, и напившись, они были очень веселы и учтивы, но он получил почести победителя: трое московских послов совершенно потопили свой разум в вине перед отъездом».

Перу курфюрстины матери принадлежат еще два письма, в которых она возвращается к описанию свидания с царем. В первом из них она писала: «Я приукрасила бы рассказ о путешествии знаменитого царя, если бы я вам сказала, что он чувствителен к чарам красот. Но в действительности я не нашла у него никакого расположения к ухаживанию. И если бы мы не постарались так, чтобы его повидать, я думаю, что он и не подумал бы о нас. В его стране женщины обычно белятся и румянятся; румяна входят непременно в состав брачных подарков, которые они получают. Вот почему графиня Платен особенно понравилась московитам. Но, танцуя, они приняли наши корсеты из китового уса за кости, и царь выразил свое удивление, сказав, что у немецких дам чертовски жестокие кости».

Второе письмо тоже содержит любопытные подробности: «Мой добрый друг, великий царь московский, прислал мне четыре соболя и три штуки парчи, но они слишком малы, из них можно сделать только покрышку для кресла. В Амстердаме его величество развлекается, посещая кабачки вместе с матросами. Он сам работает над постройкой корабля; он знает в совершенстве 14 ремесел. Надо признать, что это необыкновенная личность. Я ни за что не пожертвовала бы удовольствием видеть его и его двор. У них четыре карлика; два из них очень пропорционально сложены и отлично воспитаны. Он то целовал, то щипал за уши своего карлика-фаворита. Он взял за голову нашу маленькую принцессу и два раза ее поцеловал, смяв совершенно ее бант. Он поцеловал также ее брата. Это — государь одновременно и очень добрый и очень злой, у него характер — совершенно характер его страны. Если бы он получил лучшее воспитание, это был бы превосходный человек, потому что у него много достоинств и бесконечно много природного ума»{129}.

После этого свидания Петр продолжил путь в Голландию. 31 июля он извещал Виниуса: «Сегодня отселе поедем, и чаем в будущий вторник быть в Галанскую землю»{130}.

Глава восьмая. ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ГОЛЛАНДИИ

Итак, Великое посольство вступило на территорию Голландских Штатов. Послам предстояла напряженная повседневная работа по выполнению возложенных на них поручений. Работа эта подразделялась на два вида: церемониальную и деловую. Предстояли торжественный въезд Великого посольства в Голландию, встречи великих послов с дипломатами иностранных государств, аккредитованными в Голландии. Но главным было выполнение тех задач, ради которых Великое посольство прибыло в Голландию: вовлечение ее в союз христианских государств для вооруженной борьбы с «неверными», закупка оружия, наем иностранных специалистов, устройство прибывших с посольством волонтеров для обучения кораблестроению и кораблевождению.

Строго говоря, разделение поручений, стоявших перед посольством, на деловые и церемониальные является условным, поскольку именно в церемониальной части проявлялась готовность обеих сторон пойти на уступки ради достижения главных задач; сама церемония свидетельствовала о том, в какой атмосфере будут проходить переговоры: в атмосфере доброжелательности или же напряженной подозрительности.

От послов требовалось немалое напряжение интеллектуальных и физических сил. На этот счет сохранились свидетельства, исходившие как от участников Великого посольства, так и от сторонних наблюдателей. Петр Лефорт, назначенный секретарем Великого посольства, писал своему отцу в Женеву: «Могу сказать так без хвастовства, ибо в нашей свите нет никого, кто согласился переносить их (хлопоты секретаря посольства и заботы о хозяйстве дяди. — *Н.П.)*; но хлопоты заключаются не в устройстве попоек или разгула, как вы, может быть, воображаете, а в визитах и многих других вещах, неразлучных с нашим положением. И тут, видно, нет большого труда, так как я, в известной степени, удовлетворяю моих господ посланников; но голландцы такая нация, которая много думает о себе и от которой много приходится терпеть». Не легче приходилось и первому послу, о чем писал знакомый Лефортов в Женеву: «Удивляюсь, как генерал выдерживает (образ жизни в Гааге. — Н. П.) при малом отдохновении и при тех непрестанных

затруднениях, с которыми он должен бороться. Он служит предметом удивления всей страны, и о нем отзываются с подобающим его сану уважением»{131}.

В то же время Франц Лефорт не отказывал себе в удовольствиях и роскоши, к которым привык в России. По его приглашению в Голландию прибыли брат Яков (Жак) и один из его племянников. Франц Яковлевич прислал за ними в Гарлем две богатые кареты, запряженные цугом, и встретил родственников на крыльце своего дома. Якова Лефорта поразила роскошная жизнь брата. В одном из писем он писал: «На двух буфетах стояла серебряная посуда, ценностью, по крайней мере в 60 тысяч ливров. Во время ужина играла музыка, а когда были питы тосты, играли трубачи в ливреях».

В другой раз он же, не переставая удивляться, извещал родственников в Женеве: «Все подается на серебре. Постоянно готовы пятнадцать кувертов на серебре, а обедают у генерала ежедневно от девяти до двенадцати человек. У него три французских повара».

Яков Лефорт поделился впечатлениями о своей встрече с двумя другими послами. У него сложилось о них впечатление, ничем не отличавшееся от впечатления других современников: «Первый (Головин. — *Н.П.)* — плотный мужчина и довольно вежлив; второй (Возницын. — *Н.П.)* высокого роста, показался мне несколько диким. Говоря по правде, их считают здесь как бы подчиненными моего брата. Теперь они живут в Амстердаме отдельно, каждый со своею свитою, но прежде содержание всего посольства было общее, и они разъединились потому, что только на прокормление трех посланников расходовалось до двухсот талеров ежедневно».

Встретился Яков Лефорт и с царем. Для этого пришлось отправиться в Англию, где царь тогда находился. Встречу своих родственников с Петром устроил Франц Яковлевич. Он обратился к царю с особой просьбой: «Мой брат и три племянника поехали отсюда в Англию поклониться твоей милости; прими их, прошу, милостиво, если можно».

Царь откликнулся на просьбу генерала и принял его родственников весьма милостиво, Яков Лефорт в письме родным оставил описание внешности Петра: «Вы знаете, что государь весьма высокого роста; но встречается, при этом, неприятное обстоятельство: с ним делаются судороги то в глазах, то в руках, то во всем теле. Иногда он поворачивает глазами так, что видны только белки; не знаю, от чего это происходит: надобно думать, от недостатка воспитания. Кроме того, у него беспокойство в ногах, так что он не может стоять на одном месте. Но он хорошо

сложен, одет матросом, весьма прост в обращении и ничего больше не желает, как быть на воде»{132}.

Петр действительно был часто подвержен судорогам, в особенности в молодые годы. Однако догадка Якова Лефорта о их причинах абсолютно неверна.

Нуждаются в комментариях и высказывания Якова Лефорта о богатстве и роскоши, в которой утопал Франц Яковлевич. Он действительно любил роскошную жизнь и привык к ней в России. Современников поражали дворец, подаренный царем своему любимцу, богатая обстановка, а также уклад жизни генерала-адмирала, отличавшийся роскошью и блеском. Но все это не дает основания считать Франца Яковлевича богатым человеком. Он сам говорил: «Все, что я имею, принадлежит его величеству», — и слова эти отнюдь не относятся к числу декларативных, а отражают его подлинное отношение к собственности. Он являлся как бы пользователем, а не владельцем богатств, находившихся в его распоряжении.

О том, что Франц Яковлевич не был стяжателем и беспечно относился к материальному достатку, как своему, так и членов своей семьи, свидетельствует его суждение о будущем сына. «Я искал своего счастья: пусть и сын мой поищет своего, — говорил он племяннику Петру. — …Я постараюсь научить его всему, что пригодится в жизни, а там пусть позаботится о себе»{133}.

Вернемся, однако, к пребыванию Великого посольства в Голландии. Въезд в Амстердам 16 августа 1697 года был обставлен торжественными церемониями. За полмили от города посольство встречали президент и бургомистры магистрата «со многими знатными того города жители, и говорили речь пространную, поздравляя посольство с щастливым прибытием». В распоряжение посольства было предоставлено пятьдесят карет. Карету послов окружали посольские гайдуки «с обухи» и «статские служители». По улицам стояло множество горожан в белых немецких кафтанах, с мушкетами. Посольство двигалось к гостинице под звуки барабанов и пушечную пальбу.

В свите посольства на второстепенных ролях, облаченный в кафтан, красную рубаху и шляпу, находился и Петр. Он прибыл в Голландию в начале августа и обосновался в Саардаме, облюбованном им ранее в качестве места, где ему предстояло постигать тайны кораблестроения. Здесь он снял для жилья глухую каморку, приобрел инструменты, необходимые для корабельного дела, и приступил к работе на верфи.

Однако в небольшом городке царю не удалось сохранить инкогнито. Голландцы, особенно те, кто бывал в Москве, его быстро узнали. Стеснительному Петру это доставило немало

огорчений. Прибыв в Амстердам для участия в торжественном въезде посольства, Петр встретился с бургомистром Витсеном и благодаря ему получил возможность сменить Саардамскую верфь на верфь Ост-Индской компании. Директора компании распорядились заложить специальный корабль, чтобы «знатная особа, пребывающая здесь *incognito»,* имела возможность пройти все этапы его сооружения и оснастки. Петр узнал об этом распоряжении на парадном обеде, устроенном посольству властями Амстердама. У него хватило терпения оставаться на приеме только до окончания фейерверка. Как только угасли искры, царь выказал желание немедленно отправиться в Саардам за вещами и инструментами. 20 августа Петр перебрался на верфь Ост-Индской компании и тут же под руководством корабельного мастера Поля вместе с десятью волонтерами начал обучаться корабельному делу. В дела посольства он почти не вмешивался.

Между тем на следующий день после торжественного въезда посольства в Амстердам, 17 августа, послы осматривали ратушу, а вечером «были в комедийном дому», где смотрели комедию «О Купидоне и Еллинской богине». На гостей большое впечатление произвели «многие бои и устрашения адские», а также «дивные танцы». «Статейный список» не преминул упомянуть о почете, оказанном гостям в театре: место, где сидели послы, было устлано коврами и обито сукном, а на столе стояли фрукты и конфеты. Сам приезд в театр сопровождался пышной церемонией.

Девятнадцатого августа для послов был устроен фейерверк на плотах. «А преж смотрения той потехи великие и полномочные послы у Стат в том дому ели, и вествах и питии было довольство большое, и подчиваны прилежно». 22 августа послам было показано морское сражение в морской гавани, которое наблюдали не только послы, но и жители Амстердама.

Не все визиты великих послов были зарегистрированы беловым текстом «Статейного списка». Как пишет автор источниковедческого исследования о Великом посольстве, черновой вариант «Статейного списка» позволяет нам узнать, что 21 августа 1697 года посольство побывало в нескольких местах «общественного призрения», то есть заведениях социальной сферы. В частности, они нанесли визиты в дом «сирот и детей, где их снабдевают и учат», в место для работающих преступниц, которым «вместо смерти дан живот»; в училище для девочек, в богадельню (дом «старых жен»), в сумасшедший дом, где «бешаные или из ума выступающие люди сидят, всякий в особой полате»[134].

Первого сентября состоялась частная аудиенция великих послов у английского короля Вильгельма III. Для этого послы на

яхте прибыли в Утрехт; прибыл сюда и царь Петр. Великие послы выразили желание встретиться с королем еще 23 августа, но тот в ответ передал, чтобы послы обождали «малое время за тем, что зашли у королевского величества трудности в миру с французскою стороною, и тем ныне забавен, а когда получит свободу, и тогда он им, великим и полномочным послам, через своего знать и просить о том будет». Английский король имел в виду трудности, которые пришлось преодолевать на Рисвикском конгрессе, где английские и голландские дипломаты вели переговоры о мире с представителями французского короля Людовика XIV.

В промежутке между 22 августа и 1 сентября послы продолжали осматривать амстердамские достопримечательности: 26 августа «ездили в галанские кирхи, в которых изрядные органы и строение тех кирх древнее и великое, прежде были костелы римские; да великие ж послы были в жидовских синагогах, и в тех показывали великим послам от жидовских раввинов на еврейском письме завет и пророчества, обвиты богатыми материями и стоят в великих шкафах»{135}.

7 сентября послы посетили в Амстердаме парк, называвшийся «Гортус Медикус, или огород лекарственный». Экскурсантам было показано множество диковинных деревьев, вывезенных из Индии, «а также многие благоуханные».

8 *холодное* время года деревья помещались в специально построенные отапливаемые амбары. В амбаре послам показали «склянцы, и сулейки, и стаканы, а в них в спиритусе морские дивы, во всяком судне особо — змии, каркодилы, саламандры и иные многие другие».

При посредничестве амстердамского бургомистра Витсена, благосклонно относившегося и к России, и лично к Петру, было закуплено 10 тысяч фузей. 10 сентября послы от имени царя отправили в приказ Большой казны указ о выдаче Витсену недоплаченных денег. В тот же день, 10 сентября, послы встречали полномочного посла избранного польским королем Августа II барона Христофора Дитриха Бозе («Бозена-меньшого»), благодарившего русского царя, при поддержке которого саксонский курфюрст был избран королем, а претендент на корону, ставленник Франции де Конти, должен был ни с чем покинуть Польшу. Бозе «бил челом и кланялся: именем курфирстовым, что не чрез иного кого, токмо чрез его царского величества заступление и помощь королевства Польского доступил». Далее Бозе выразил благодарность польского короля за готовность царя двинуть против «Деконтия» 60-тысячное войско, сосредоточенное у литовской границы. Послы выразили

надежду на то, что польский король в благодарность за оказанную помощь «будет доброй сосед и приятной друг»[136].

На следующий день Бозе вновь прибыл к послам с заявлением от имени короля, что русские войска должны вторгнуться на территорию Польши только в случае притязаний де Конти на трон. Послы заявили: помощь королю будет оказана, если Сенат обратится с письменной просьбой об этом к царю. «И великие и полномочные послы говорили, чтоб его королевское величество на его царское величество был надежен и не смотря ни на какие страхи с Деконтиевой стороны королевства польского не отступал и всякими способами совершенства коронации доставал».

Двенадцатого сентября из Гааги в Амстердам прибыли цесарские послы, граф Кауниц и дворянин Готфрид, с известием о победе цесарских войск над турецкими. Австрийские войска насчитывали 35 тысяч человек, а турецкие — 673 тысячи, при этом были захвачены богатые трофеи: 72 пушки, 6 тысяч телег, нагруженных всяким добром. Потери цесарских войск оказались ничтожными: 300 убитыми и 500 ранеными. Послы заявили, что обо всем они донесут в Москву, чтобы царь поздравил цесаря с победой[137].

В тот же день церемониймейстер Голландских Штатов подал записку с извещением Лефорта о дне въезда посольства в Гаагу — 15 сентября. Именно в столице должны были вестись официальные переговоры со Штатами. Во время выезда из Амстердама «водою на яхтах», состоявшегося не 15-го, а 16 сентября, раздались троекратные залпы из семнадцати пушек. В Горбрюгене посольство пересело в кареты — всего было предоставлено 40 карет.

Относительно процедуры встречи посольства в Гааге завязался спор с представителями Штатов: последние, ссылаясь на обычай, просили, чтобы великие послы при ежедневных визитах встречали их представителей у карет и при отъезде провожали до карет. Великие послы не согласились, заявив, что «так встречать и провожать им и таких встреч чинить не пристойно», потому что их предшественники, будучи «и менши их особами своими, и того им, Статом, не чинивали». Впрочем, великие послы все же уступили, пообещав встречать представителей Штатов, «где пристойно… а провожать подобающею честию».

Восемнадцатого сентября послы отправили от себя дворян Богдана Пристава и Петра Лефорта к послам цесарским, испанским, английским, датским, шведским и бранденбургским с объявлением им о своем прибытии. Послы названных государств

в тот же день поздравили Великое посольство «с щасливым приездом». Аудиенция у Штатов была намечена на 23 сентября, но состоялась только 25-го.

Во время пребывания в Голландии Великое и полномочное посольство приобрело статус главного дипломатического органа России, переместившегося из Москвы в Гаагу. Великое посольство стало выполнять обязанности, выходившие за рамки, предусмотренные инструкцией. Так, 19 сентября австрийский дипломат известил послов, что по поручению цесаря отправляется в Персию, чтобы убедить шаха начать военные действия против Турции. Послы обещали послать в Персию своего резидента, дабы он действовал в согласии с цесарским послом.

В тот же день, 19 сентября, к послам прибыл секретарь шведского посольства с грамотой короля от 25 августа, в которой тот заявлял о своем намерении быть с царем «в постоянной дружбе и соседственном содружестве умножать и вящшее сочиняти». Шведский король отвергал возможность вступления на польский трон ставленника французского короля де Конти, призывал царя к согласованным действиям в будущем в отношении к Польше, поскольку она является соседом обоих «потентатов». Грамота заканчивалась заверением, что визит царя в Швецию «зело любезно будет» королю и будет встречен «со всякою почтительностью и добрым благоволением».

Третий визит посольству нанес в тот же день польский дипломат Бозе. Он извещал послов о происшедшей в Кракове 15 сентября коронации Августа II и обратился к царю с просьбой, чтоб он и впредь «милость свою к нему явил и войсками своими спомог», и послал надлежащий указ резиденту. На это послы ответили, «что резиденту указ посылать не для чего»: король и Сенат сами должны обратиться с «просительным письмом». Посол Бозе и вручил письмо в тот же день. Столь поспешные действия Бозе объяснялись тем, что пронесся слух, будто «Деконтий» собирается высадить десант в Польше.

Двадцать четвертого сентября великие послы отправили письмо Штатам с изложением своих требований к церемонии их встречи. Послы настаивали, чтобы их встречали у кареты, а когда они будут входить в палаты, то встречавшие у дверей должны стоять с непокрытыми головами. Первый посол должен был поздравить Штаты, а тем надлежало спросить про здоровье великого государя. Ответ на этот вопрос должен был произнести второй посол. Затем первый посол произносит приветственную речь на голландском языке и вручает грамоту, а после него на русском языке произносит речь второй посол — в ней он должен был изложить цель прибытия в Штаты Великого посольства.

Обязанность третьего посла состояла в объявлении подарков Штатам, которые тут же должны быть внесены в палату.

По поводу церемонии встречи послов вновь возник спор: представители Штатов отказывались встречать послов у кареты — такого прежде никогда не бывало. В конце концов пришли к соглашению, что три человека от Штатов встретят послов у дверей.

Переговоры о церемонии с представителями Штатов чередовались с продолжающимися переговорами с польским послом бароном Бозе. Барон просил об оказании помощи королю; послы в ответ требовали изложения просьбы письменно, ибо без этого «помочи сотворить отнюдь не возможно», поскольку недруги России сочтут вступление русских войск на территорию Польши незаконным — не для «успокоения и умерения» обстановки в Польше, «а для своей пользы и желания». Барон обещал вручить требуемое великими послами письмо — но «в иной день».

«Статейный список» с утомительной подробностью описывает въезд и официальную встречу Великого посольства Штатами: «Напереди ехали посольские люди — русские и калмыкские и мунгамы — верхи; за ними перед коретами за соболыциком несли статские городовые служители великого государя поминки и посольские дары соболи сороками; потом ехали в коретах дворяне и подъячие. Перед послы в коретах вез великого государя грамоту в тафте из дворян Петр Лефорт, да с ним сидели из дворян же Богдан Пристав, да два человека карлов; за ними ехали перед послы в корете Статы, которые приезжали великих послов звать на посольство; перед посольскою коретою ехали шесть человек посольских трубачей немец; за ними шли посольских же 13 человек лакеев. Великие и полномочные послы ехали в присланной статцковой корете все вместе; с ними в дверях стояли карлы Ермолай Машуков, да Яков Волков. Около посольской коре-ты шли гайдуки посольские 12 человек в красных суконных кафтанах с серебреными кованными нашивками, и с обухи, в венгерском платье, на шляпах перья красные, страусовые». Для участия в торжественном въезде посольства в Гаагу прибыл Петр. Однако по окончании церемонии он тут же отбыл обратно в Амстердам и уже на следующий день вновь орудовал топором на верфи.

Прибывший кортеж встречали статские чины, в порядке, предусмотренном предварительной договоренностью. После речей Прокофий Богданович Возницын вручил Штатам «поминки», то есть подарки, — «9 сорок соболей добрых» на общую сумму в 3040 рублей. От себя лично поднесли подарки и

послы, каждый — по два сорока соболей на сумму в 1060 рублей.

Второй посол Ф.А. Головин, как и было предусмотрено церемонией, произнес речь с изложением цели приезда посольства. Начал он с заявления об успешных действиях их государя, войска которого, «многие их бусурманские жилища разоряя, овладели несколькими крепостями, а также на Азовском море силы их бусурманские во многие времена побиты, и корабли и иные суды с воинскими припасами пойманы».

Царь обращался с просьбой к цесарю и прочим союзным государствам, «ради ниспровержения сил магометанских… и ради освобождения христиан от насилия поганского, начатую войну продолжать и закрепить это обязательство договором». Послы надеются, добавил третий посол, Возницын, что это предложение Штаты примут «себе в радость» и «по постановлению дел с удовольствием отпустят их на родину».

В ответной речи президент Сената выразил радость по поводу того, что царь здоров, поблагодарил за «изрядные и многоценные дары», пожелал царю дальнейших успехов в войне, пожелал стране процветания и благополучия, но, ограничившись витиеватыми фразами в адрес царя, никаких конкретных обязательств не дал, заявив в самой общей форме, что Штаты «тщатися будут по возможности нашей вам, его царского величества послам, все удовольствования чинить»[{138}].

Не трудно представить, что речь эта произвела удручающее впечатление на великих послов. Вместо ответа на конкретное предложение заключить договор для борьбы с неверными послы услышали высокопарные пожелания процветания стране и великим послам — о просьбе же, с которой они обратились к Штатам, президент не обмолвился ни словом. Создается впечатление, что речь президента, прочитанная с бумаги, была заготовлена заранее. Правда, заключил президент свою речь обещанием — послы «обнадежены быти возможены, что мы, высокомочные Статы, оную (дружбу. — *Н.П.)* содержати и тщатися будем и не престанем с своей стороны все то чините, что к содержанию истинные и прямые пересылки годно и пристойно будет, ища во все время оную содержат и умножати во благо обоих государств». Президент не поскупился и на комплименты в адрес великих послов: Штатам «зело приятно, что царское величество таких господ (прислал. — *Н.П.),* которые всякими благонравными поступками, искусством и услугами одарены». Штаты сочли назначение их послами за «великую себе честь».

После аудиенции настало время напряженной работы Великого посольства.

Первым дипломатом, предпринявшим энергичные шаги к

сближению с Россией, оказался шведский посол барон Лилиенрот, нанесший визит великим послам 27 сентября. Он подтвердил намерение Швеции поддерживать дружбу с Россией. Секретарь Великого посольства Петр Лефорт в письме к отцу в Женеву писал о шведском после: «Я был у него во время нашего пребывания в Гааге три или четыре раза, и он мне оказывал много внимания и любезностей. Это действительно очень обходительный человек, он в большой близости с генералом». В дальнейшем мы увидим, что обходительность Лилиенрота была небескорыстной и преследовала далеко идущие цели.

«Статейный список» запечатлел визит барона 27 сентября в следующих выражениях: «Сентября в 27 день был у великих и полномочных послов свейского короля посол Николай Лилиенрод, приезжал в четырех коретах о шести возниках; встретили его великие послы на крыльце, а дворяне у кореты. И, вшед в палату, великих послов поздравлял, и потом сели по местам, и посол говорил: приехал де он, посол, с должности своей их, великих и полномочных послов, яко новоприбывши в Гаагу, поздравить, и имеет он себе указ от государя своего, от его королевского величества, чтобы с ними, великими и полномочными послы быть во всяком благом приятстве, и он им служить будет рад, понеже де он здесь давно живет и поведению здешнему приобыкл.

И великие и полномочные послы говорили, что за такое его приятство ему благодарствуют, и какое буде прилучится дело, и они его просить будут; также и они, великие и полномочные послы, взаимным способом себя ему представляют. А потом, побыв немного, поехал к себе, а великие послы проводили его до кореты»[139].

Отметим, что великие послы были очень довольны визитом барона. Это проявилось в том, что они встречали его в сенях, а после беседы проводили его до кареты.

С визитами к великим послам прибывали и другие дипломаты. Так, уже после начала конференций с представителями Штатов, послов навестил датский посланник, выразивший сожаление по поводу отказа посольства от ранее намеченного приезда в Данию. Один из дипломатов датского короля заявил великим послам, что его государь почитает русского царя не только «за величество государств его, но за самые его государской особы поступки», и поэтому желает «по древней дружбе» искать «всякой доброй приязни» царя. Датские дипломаты сообщили великим послам, что король в ожидании их приезда в его королевство чинил к тому «немалое приготовление» и все же надеется на их приезд и обещает содержать великих

послов «со всякою честию и достоинством». Великие послы поблагодарили датчан и заявили, что отмена визита в королевство произошла «по отложению для настоящих случаев», но тут же обнадежили их: «Может то исправится иным благополучнейшим временем».

Тридцатого сентября с визитом к великим послам прибыл цесарский посол граф Кауниц с особой грамотой, в которой цесарь официально извещал о победе над турками цесарских войск, одержанной еще 11 сентября у реки Тиссы{140}.

Вскоре начались официальные переговоры со Штатами.

Первая конференция состоялась в резиденции великих послов 29 сентября. С русской стороны в ней участвовали великие послы, с голландской — девять представителей Генеральных штатов.

Описывая ход переговоров, «Статейный список» не вычленил роли в них каждого из великих послов. Поэтому затруднительно определить роль нашего героя: можно лишь предположить, что ответы на возможные вопросы, как и содержание выступлений каждого из великих послов, согласовывались заранее и что на Франца Яковлевича возлагалось представительство, а деловая часть переговоров ложилась на плечи профессиональных дипломатов — Головина и Возницына, хорошо осведомленных не только о протокольной части, но и о существе дела. Оба посла лучше, чем Лефорт, разбирались во внешнеполитической обстановке, сложившейся к этому времени в Западной Европе.

Первое, о чем заявили послы прибывшим в их резиденцию девяти депутатам во главе с президентом, так это о том, что царь намерен продолжать прежнюю дружбу. В целом речь великих послов совпадает с тем, что говорил Головин во время аудиенции у Штатов: царь своими войсками нанес немалый урон турецкому султану, так что теперь «во все Турское государство врата отверсты, также Казыкермень, Товань и иные крепости турецкие победительною рукою многим пролитием бусурманской крови побраны и их бусурманские жилища испровержены и богомерзкие их мечети в домы святые обращены и поганская их сила под ноги христианские опровержена». Но перечисленные победы сопровождались «многою утратою» царской казны, ибо «всяк может разсудить», что войну невозможно вести «без великих миллионов и множественного войска». Царь и впредь намерен воевать с неприятелем на суше и на море, но для этого требуется помощь других держав.

Еще один аспект переговоров касался ситуации вокруг Польши и позиции французского короля. Последний выступал как союзник турок, а в Речи Посполитой, «желая в силах своих большего преизобильства и крепости, всякими способами радел,

дабы ему в королевстве польском учинить королем племянника своего Бурбонского князя Деконтия». Царь предпринял ответные меры дипломатического и военного характера — в грамотах Раде было честно заявлено: если она согласится избрать королем де Конти, то царь объявит войну, сосредоточив у литовской границы 40-тысячное войско. Царь настаивал на избрании Радой в качестве польского короля саксонского курфюрста в уверенности, что он «всему христианству споможет», а султану и французскому королю будет «противен». Грамота убеждала Штаты, что французский король «не таков страшен и силен имеет быть», чтобы его бояться. Царь, было заявлено послами, надеется, что Штаты борьбу с неверными примут «себе в добрую радость и всему христианству во благополучный пожиток».

Послы не преминули напомнить Штатам о давнем событии: когда Штаты в трудное для себя время обратились к царю Алексею Михайловичу с просьбой о помощи, русский царь не отказал им. Тогда шведский король, имея дружбу с французским, претендовал на часть территории Голландии, но посредничество русского царя привело к мирному разрешению конфликта. На всякий случай к шведской границе были стянуты русские войска, и шведы, видя серьезность намерений России, отказались от своих притязаний. Таким образом, Россия оказала большую услугу Штатам.

Кроме того, послы напомнили партнерам по переговорам о льготах, которыми пользовались голландские купцы в торговле с Россией, и завели речь о новых льготах — в транзитной торговле с Персией и Армянской торговой компанией шелком-сырцом. Послы попросили, чтобы Штаты на те их «предложения учинили ответ», пообещав, что они будут «предлагать и об иных делах».

Ответ, однако, содержал лишь благодарность за прежнее «доброхотство» и готовность впредь поддерживать дружбу; также выражались радость по случаю побед над «неверными» и надежды на дальнейшие успехи на поле брани. Голландские представители пообещали дать ответ на предложения великих послов, «не замотчав», то есть немедленно, но лишь после того, как посоветуются с Штатами.

На этом закончилась первая конференция. Она, как видим, носила разведывательный характер, причем предложения послов были изложены довольно обстоятельно, по-деловому, в то время как представители Штатов отделались общими фразами комплиментарного характера.

Упреждая ход дальнейших переговоров, надлежит отметить крайне затруднительное положение, в котором оказались Голландские Штаты. Они только что заключили с Францией мир,

подводивший итог их изнурительной войне с Людовиком XIV Оказание помощи России могло вызвать негативную реакцию со стороны Версальского двора, являвшегося союзником Турции. Следовательно, рассуждали в Гааге, вступление Штатов в Священную лигу могло привести к новой войне с Францией, а вместе с войной и к новому истощению казны и экономики страны. К тому же ни турки, ни тем более крымские татары не угрожали Голландии и не подвергали ее территорию опустошительным набегам, как это было с землями России, Польши или Австрийской империи. Конфессиональный же мотив — враждебность христианства и ислама, — игравший очень большую роль в раннее Средневековье, к XVII веку уже утратил свое значение. Короче, у Штатов не было серьезных оснований для вмешательства в военный конфликт между Турцией и ее соседями.

С другой стороны, отказ Голландских Штатов оказать помощь России, грозил ответными мерами с ее стороны в виде лишения голландских купцов привилегий в торговле, которыми они широко пользовались. Заинтересованность Голландии в поддержке активной торговли с Россией была несомненной, поскольку Россия поставляла в Голландию материалы, необходимые для строительства кораблей: мачтовый лес, смолу, пеньку для канатов. Голландские купцы занимали господствующее положение во внутренней торговле России, поставляя в Архангельск изделия мануфактур и колониальные товары.

В итоге Голландские Штаты оказались как бы между молотом и наковальней. Им предстояло действовать так, чтобы, с одной стороны, не вызвать раздражение Петра отказом от вступления в Священный союз, а с другой — не вызвать враждебной акции Людовика XIV, если Голландия отважится послать свой флот к турецким берегам. Именно поэтому сложившаяся ситуация обязывала Голландские Штаты быть осторожными и предупредительными, одновременно угождая и Франции, и России: Франции — тем, что Штаты отказывались от вступления в антитурецкую коалицию, России же — предупредительным отношением к Великому посольству и удовлетворением прихотей великих послов и самого царя.

За первой конференцией последовали другие, состоявшиеся 2, 6 и 14 октября.

На третьей конференции 6 октября 1697 года президент и депутаты по-прежнему не скупились на комплименты в адрес царя и великих послов, изо всех сил стараясь позолотить горькую пилюлю, которую наконец отважились поднести. В ответ на

просьбы оказать «вспоможение» казною и воинскими корабельными припасами депутаты ответили категорическим отказом: «таково вспоможение воинскими и корабельными припасы учинити им ни которым образом невозможно». Они объяснили это тремя причинами. Во-первых, только что закончившаяся война за восемь лет нанесла огромный урон Голландской республике и ее подданным, которые от постоянных поборов «не могут исправиться». Во-вторых, вооруженные силы Штатов, понеся значительные потери во время войны, сами нуждаются в пушках и кораблях, которые они поэтому не могут предоставить России. Наконец, в-третьих, казна не располагает средствами, чтобы расплачиваться с военными за их службу в армии во время войны.

Великие послы пытались опровергнуть доводы депутатов, заявив, что царь ведет войну не только ради соблюдения собственных интересов, но и с целью защиты и пользы «всем христианским государствам». Штаты же, отметили далее послы, располагают огромными «воинскими и корабельными припасы», и все они «лежат праздны». Наконец, Емельяну Украинцеву ранее уже было дано обещание, что Россия, начав войну с неверными, может рассчитывать на помощь Штатов. Последний довод великих послов заключался в том, что их государь предоставил голландским купцам большие льготы и оказал Штатам другие благодеяния.

Все это, однако, не убедило голландских депутатов. Они признавали справедливость просьб послов и даже попросили у царя, дабы он, государь, на своих послов «не изволил… иметь своего государского гневу». Но в главном — отказе от всякой реальной помощи России — были тверды. К ранее объявленным причинам отказа в просьбах послов депутаты привели еще один аргумент: буря 19 сентября привела к гибели трех их главных кораблей.

Великим послам стала очевидна бесполезность дальнейших препирательств, и они заявили: «Когда они, господа Статы, уже довольства по предложению их не учинили, и впредь чинити не хотят, то бы отпустили их из Гаги не замотчав и назначили отпуску день». Впрочем, если Штаты изъявят готовность удовлетворить просьбы послов, то они, великие послы, «пообождут иного ответа»{141}.

Четырнадцатого октября состоялась четвертая и последняя конференция, на которую депутаты и президент прибыли в полном составе. Никаких новых доводов для обоснования своих позиций участники конференции не привели — каждая из сторон повторила прежние аргументы: Генеральные штаты, которым

депутаты обстоятельно донесли о переговорах во время третьей конференции, дали категорический ответ: предыдущая война с таким сильным противником, как Франция, учиняла им «премногие убытки», лишившие их возможности оказать царю просимое «вспомоществование». Впрочем, депутаты вновь заверили послов: «Впредь, когда в сих нуждах поисправлются и в первое (то есть исходное, довоенное. — Н. П.) состояние придут, тогда его царскому величеству услужность свою и в чем возможно вспомочествовение чинить должны».

Поведение депутатов вызвало нескрываемое раздражение великих послов, которые «в сердцах» выговаривали «о том им пространно такую несклонность и неблагодарство в милости». Коль Штаты отказали в помощи, заявили послы, то надлежало по возможности скорее завершить переговоры: «быть на отпуске». При этом послы назвали предполагаемую дату прощальной аудиенции — 16 октября.

До ссоры, однако, дело не дошло — посольство рассталось с Генеральными штатами дружелюбно. Об этом можно судить не только по словесным пожеланиям царю «искоренить оных поган» и одержать «победы и одоления» (эти заверения Штатам ничего не стоили), но и по подаркам, полученным послами и их свитой во время прощальной аудиенции 18 октября: стоимость подарков была не меньше стоимости подарков, выданных послами во время первой аудиенции у Штатов.

Царь был в курсе того, как шли переговоры. После трех конференций Лефорт 8 октября извещал Петра о результатах или, точнее, отсутствии оных. Исковерканные русские слова, как и в прежних его письмах царю, написаны в письме латинскими буквами: «Конференци, можно быть, еще одна на тум недели будет, и отпуск нашу. Будет ли добра, Бог знат; ани не хотят ничево дать»[142].

В то время как великие послы вели переговоры с депутатами Штатов, Петр во главе своего десятка волонтеров усердно трудился над сооружением корабля «Петр и Павел». Корабль был спущен на воду через два месяца и одну неделю после закладки. На спуске присутствовали великие послы.

Двадцать первого октября 1697 года Великое посольство вернулось в Амстердам. С этого времени оно утратило статус дипломатического представительства, и Генеральные штаты перестали ассигновать деньги на его содержание, которое и без того обошлось в 40 тысяч рублей. Теперь расходы на стол, жилье, отопление и освещение, содержание конюшни и экипажей посольство должно было оплачивать из собственных ресурсов. И если быт рядовых участников посольства становился весьма

скромным, то сами великие послы, и в первую очередь Лефорт, по-прежнему не отказывали себе в удовольствиях.

Голландским кораблестроителям были неведомы многие тайны кораблестроения. Поэтому Петр решил овладеть ими в Англии. Наставник царя мастер Геррит Клаас Поль был превосходным практиком, но его познания в области теории кораблестроения не удовлетворили ученика. От английских дипломатов и купцов Петр знал, что в Англии, как он позже писал, «сия архитектура так в совершенстве, как и другие, и что кратким временем научиться мочно». Скорый на решения Петр отправляется в Англию. Вероятно, Англия влекла Петра возможностью не только совершенствовать свои знания в области кораблестроения, но и познакомиться с высокоразвитой промышленностью и техническими новинками, а также с постановкой в стране образования. Имело значение и расположение английского короля к русскому царю, выразившееся в подарке, тронувшем Петра и подогревшем его любопытство.

Английский король Вильгельм III, бывший одновременно и штатгалтером Нидерландов, подарил Петру яхту новейшей конструкции, изящную, роскошно отделанную и вооруженную двадцатью медными пушками. Лорд Кармартен, конструктор этой яхты, от имени короля просил царя принять ее в дар и при этом заявил, что ни один английский корабль не может состязаться с нею в быстроте хода и красоте отделки.

Приняв подарок, Петр отправил Вильгельму III своего представителя, чтобы выразить благодарность и испросить разрешение прибыть в Англию. Посланец его вернулся в Амстердам 26 декабря с известием о присылке королем для путешественников трех кораблей и двух яхт. Началась подготовка волонтеров к поездке: им заказали новые костюмы, приобрели шпаги и прочие мелочи европейского туалета. К слову сказать, Великое посольство от послов до обслуживающего персонала еще в Гааге облачилось в европейское платье.

Шестого января 1698 года состоялся прощальный обед для волонтеров, отбывавших в Англию. 11 января яхта, на которой находились царь и его спутники, бросила якорь вблизи Лондона.

Четырехмесячное пребывание Петра в Англии было насыщено множеством интересных встреч и осмотром достопримечательностей английской столицы. Лондон не уступал Амстердаму по торговым операциям, но значительно превосходил его по числу роскошных дворцов знати и богатых купцов. Верфи и доки обеспечивали страну первоклассным коммерческим и военно-морским флотом — корабли с английским флагом

бороздили моря и океаны всего мира.

Помимо верфей царь осматривал лондонские предприятия и не довольствовался словесными разъяснениями. В мастерской знаменитого часовщика Корте он настолько увлекся техникой изготовления часов, что сам овладел их сборкой и разборкой. Едва ли простое любопытство овладевало Петром, когда он зачастил в Гринвичскую обсерваторию и на Монетный двор. Интерес к астрономии был связан с мореплаванием, а интерес к монетному делу подогревало намерение использовать в России недавно изобретенный в Англии станок для чеканки монет. Трижды Петр навестил Вулич — центр артиллерийского производства. Побывал царь и в Английском королевском обществе — центре научной мысли; познакомился он и с Оксфордским университетом. «Походный журнал 1698 года» особо упомянул о женщине-великане, которая вызвала немалое удивление у царя и волонтеров; с нею они познакомились 9 марта. Запись в «Журнале» гласит: «Была у нас великая женщина после обеда, которая протянула руку, и, не наклоняясь, десятник (Петр. — *Н.П.)* под руку прошел». Напомним, рост царя составлял два метра четыре сантиметра.

Главную цель приезда в Англию — усвоение теории кораблестроения — Петр осуществлял в Дептфорте, где были размещены крупнейшие в стране доки и верфи. Поблизости от них английское правительство арендовало для царя и волонтеров дом, в который они переехали после без малого месячного пребывания в Лондоне. Вильгельм III устроил для почетного гостя военно-морские маневры в Портсмуте, куда на четыре дня ездил царь. Здесь он осматривал крупные линейные корабли, вооруженные восемьюдесятью и ста пушками, а 24 марта наблюдал два показательных сражения на море.

Некоторое представление о быте и нравах царя и волонтеров дает опись состояния дома, который английское правительство арендовало у адмирала Джона Бенбоу и предоставило для жилья приезжим из России. Опись была составлена по отбытии постояльцев с просьбой о возмещении убытков, нанесенных ими дорогой мебели. Создается впечатление, что в доме проживали не цивилизованные люди, а дикари, крушившие все, что попадалось под пьяную руку. Если верить адмиралу, то значительно пострадали пол, стены и потолок дома. Особенно ощутимый урон был нанесен интерьеру: оказались изломанными кровати, столы, кушетки, стулья, кресла, каминные принадлежности. Попорчены были ковры, измараны картины и разбиты рамы, в негодность приведены постельные принадлежности: перины, подушки, одеяла. Парк и лужайки тоже выглядели не лучшим образом.

Впрочем, за достоверность составленной адмиралом описи поручиться нельзя, ибо пострадавший мог написать лишнего, чтобы поживиться за счет казны. Рассуждать подобным образом нас уполномочивает оценка понесенного адмиралом убытка — 320 фунтов стерлингов, что в переводе на рубли того времени равнялось 768 рублям или 13 056 золотым рублям конца XIX — начала XX столетия{143}.

Петр и волонтеры покинули Англию 25 апреля и через два дня прибыли в Амстердам. Итог пребывания царя в Англии подвел «Журнал»: «Пересмотрев же все вещи, достойные зрения, наипаче же то, что касается до правления, до войска на море и сухом пути, до навигации, торговли и до наук и хитростей, цветущих там, часто его величество изволил говорить, что оной Английской остров лучший, красивейший и счастливейший есть из всего света. Там его величество благоволил принять в службу свою многих морских капитанов, поручиков, лоцманов, строителей корабельных, мачтовых и шлюпочных мастеров, якорных кузнецов, компасных, парусных и канатных делателей, мельнишных строителей и многих ученых людей, также архитекторов гражданских и воинских». В общей сложности в Англии было нанято 42 специалиста. Среди них выделялись известный английский математик профессор Эндрю Фергансон, преподававший в Навигационной школе, а затем в Морской академии математику, шлюзный мастер Джон Перри, которому царь поручил руководить строительством Волго-Донского канала, и видный кораблестроитель Осип Най{144}.

Между тем все это время великие послы оставались в Амстердаме. Как мы уже сказали, Великому посольству не удалось вовлечь Голландию с ее могущественным флотом в антитурецкую коалицию. Если учесть, что это являлось главной целью посольства, то результаты его деятельности можно было бы считать полностью негативными. Но вот в других сферах своей деятельности посольство добилось существенных успехов.

Так, на посольство была возложена задача по найму разнообразных специалистов на русскую службу. В первую очередь речь шла о профессиях, связанных со строительством военно-морского флота, — то есть о кораблестроителях, навигаторах, морских офицерах и матросах. Помимо специалистов, причастных к военно-морскому делу, среди нанятых можно обнаружить медиков, архитекторов, живописцев, квалифицированных плотников, бомбардиров и прочих специалистов, в которых остро нуждалась страна, вставшая, по замыслу царя, на путь крутых преобразований.

Наем специалистов начался еще в апреле 1697 года, когда

Великое посольство находилось в Кенигсберге. Он продолжился и в Голландии. Франц Лефорт писал своему брату Ами 8 октября 1697 года: «Мне дано повеление принять двести или триста человек, но я ищу преимущественно морских офицеров. Флот, находящийся под моим начальством в составе ста двадцати военных судов или галер, заставляет меня соблюдать крайнюю осторожность, и вот причина, почему я так долго останусь в Амстердаме, где должен устроить все нужное для отправки».

Первое известие о заключении контракта с мастерами-иноземцами царь отправил Виниусу только 10 сентября, то есть больше месяца спустя после прибытия в Голландию. «Из тех мастеров, которые делают ружья и замки зело добрые, сыскали и пошлем, не мешкав; а мастеров же, которые льют пушки, бомбы и прочее, еще не сыскали, а как сыщем, пришлем, не мешкав». В этом деле царь уповал на помощь Витсена. Впрочем, как следует из письма Петра к Виниусу от 29 октября 1697 года, помощь эта оказалась эфемерной. «А что пишешь о мастерах железных, — сетовал царь, — что в том деле бургомистр Вицын (Витсен. — *Н.П.)* может радение оказать и сыскать, о чем я ему непрестанно говорю, и он только манит день за день, а прямой отповеди по ся поры не скажет». Вряд ли, однако, обвинения царя в адрес Витсена справедливы — Голландия была не той страной, где процветала металлургия.

Третьего июня 1698 года четыре корабля высадили в Архангельске разноязычную толпу морских и сухопутных офицеров, а также кораблестроителей и лиц прочих специальностей общей численностью 672 человека, в том числе 26 капитанов, 35 поручиков, 33 штурмана и подштурмана, 51 лекаря, 81 младшего командира и 345 матросов.

Поскольку наем специалистов производился в Голландии, можно подумать, что русский флот заполнили голландцы. В действительности же дело обстояло не так. Голландцы преобладали только в элите нанятых, то есть среди капитанов (15 из 26) и поручиков (21 из 35). Самую многочисленную группу среди матросов составляли шведы и датчане (233 и 345). В дополнение к 571 человеку был нанят 101 человек из славян и греков.

При найме специалистов Великое посольство испытывало затруднения, связанные с незнанием наемниками русского языка. Поэтому у послов возникла мысль нанимать офицеров и матросов в славянских приморских землях, рассчитывая на близость славянских языков к русскому. С этой целью в славянские земли был отправлен капитан Лефортова полка иноземец Г.Г. Островский, исполнявший в посольстве обязанности толмача,

поскольку он владел латинским, итальянским и польским языками. Миссия Островского считалась секретной, инструкция ему была составлена самим царем, будто бы не в Голландии, а в Москве. В инструкции говорилось, что Островский отправляется в Венецию с целью овладения военно-морским делом. Островский должен был установить, «тот вышеписанный словенский народ словенский ли язык употребляет и мочно ли с ним русскому человеку о всем говорить и разуметь». Если окажется, что они «язык свой употребляют не против русского языка, и узнать его, что они говорят, русскому человеку будет немочно», то тогда Островский должен был осведомиться о наличии в Венеции офицеров, знающих славянский язык, и по возможности пригласить их в Голландию.

Миссия Григория Островского не увенчалась успехом: в декабре 1697 года он привез в Нидерланды из Венеции и представил великим послам всего-навсего двух капитанов. Это не шло ни в какое сравнение с успехами, достигнутыми в найме специалистов самими великими послами. Последним в немалой степени содействовало заключение мира между Францией, с одной стороны, и Нидерландами и Англией — с другой. Прекращение военных действий высвободило большое число солдат, офицеров и прочих связанных с войной профессионалов, с трудом приспосабливавшихся к условиям мирной жизни. Многие из них с охотой нанимались на службу в неведомую Московию.

Успехами в найме специалистов для русской службы послы во многом были обязаны капитану Корнелию Крюйсу. Он имел репутацию человека столь же добросовестного, сколь и осведомленного в военно-морском деле. Ф.А. Головин убеждал царя, находившегося тогда в Англии, не скупиться на издержки, чтобы нанять и самого Крюйса: «…Зело человек истинно добр, жаль такого пропустить. Хотя что бы и лишнее дать, мочно инде наградить; и о том, государь, как воля твоя будет. А без такого, государь, человека трудно нам во флоте управливаться будет». Головин оценил вполне усердие Крюйса и при заключении контрактов с завербованными иноземцами: «Только уже о том зело помочьствовал мне капитан Креус. И истинно, государь, тебе доношу, если бы не его в том вспоможение, с превеликим бы трудом нам сие исправлять во многом времени невозможно».

Крюйс оказал неоценимую услугу Великому посольству и в закупке корабельных припасов и оружия. Наряду с наймом специалистов и устройством на обучение корабельного дела волонтеров, это можно считать третьей успешной акцией посольства. Крюйс приобрел 600 гарусов на знамена, парусное полотно, блоки разных размеров, три железных якоря, палы

железные, компасы, рога для пороха, картузную бумагу и прочее. Главное приобретение состояло в закупке огромной партии оружия: 10 тысяч мушкетов, 5 тысяч фузей, 3200 багинетов (штыков), 24 палаша, мушкетоны и пистолеты{145}.

Деятельность Великого посольства по найму специалистов и закупки корабельных припасов и оружия, найму кораблей для доставки всего этого в Россию обобщил «Статейный список»: приобретения стоили казне 101 999 ефимков, 44 алтына, 4 деньги плюс 29 999 золотых червонных и 4 алтына.

«Статейный список» подвел и общие итоги деятельности Великого посольства в Амстердаме: «И по его, великого государя, жили великие и полномочные послы в Амстердаме, за приговором и за наймом в его, великого государя, службу начальных людей и матросов и всяких чинов людей к Черноморскому флоту, и за готовностию и приговорами ружья и корабельных припасов и за отпусками тех иноземцов, март и апрель месяцы майя по 15 число, и, живучи в тех числах, в его, великого государя, службу многим своим прилежным радением и трудами приговорили и наняли на Черноморский воинской флот к генералу и адмиралу (Лефорту. — *Н.П.)* вице-адмирала шоутбейнахта, капитанов, комендоров, порутчиков, шкиперов, штюрманов, боцманов, огнестрельных мастеров, бомбардиров, подкопщиков и инженеров и к строению и деланию кораблей корабельных мастеров, плотников, рещиков, кузнецов, конопатчиков, парусных мастеров, слюзных и каменных и мостовых и компасных мастеров, и живописцов и моляров, и часовников, и матрозов с тысячу человек.

И наняв тех иноземцев, дав им великого государя жалованье месячное и кормовые деньги, по найму и по договору по указным статьям, и на дорогу наняв корабли с довольственными запасы, и приговоря по подрядом ружье и корабельные припасы и изготовя все по его, великого государя, указу в совершенство, отпустили от себя из Амстердама к Архангельскому городу с майором с Иваном Гумертом, в четырех кораблях, да в Нарву, с приговоренными греческими капитаны и с аглинскими приемными начальными людьми в пяти кораблях»{146}.

Еще один важный результат деятельности Великого посольства заключался в том, что укрепились позиции России на международной арене. Обмен визитами великих послов с иноземными дипломатами в Гааге, а также прощальные аудиенции перед выездом из столицы Нидерландов ознаменовали завершение эпохи изоляции Московского государства и признание его дипломатией главнейших государств Западной Европы — Англии, Австрии, Швеции, Дании, Нидерландов.

Немалая роль в готовности иностранных дипломатов установить контакты с Великим посольством принадлежит военной победе, одержанной Петром, — овладению Азовом и утверждению России на Азовском море. Капитуляция сильной турецкой крепости создавала пока еще иллюзорное представление о могуществе России.

В ходе Великого посольства был совершен крутой поворот во внешнеполитическом курсе России. Как мы помним, Великое посольство отправилось в Европу с целью создания антитурецкой коалиции. Возвратилось же оно в Москву, везя с собой планы создания коалиции, направленной против Швеции. Первый камень этой коалиции был заложен еще на пути Великого посольства в Голландию, когда Петр заключил союзный договор с бранденбургским курфюрстом, а затем подкрепил его соглашением с саксонским курфюрстом Августом II.

Как показал дальнейший ход событий, борьба за выход в Европу через Балтийское море сулила России значительные преимущества, которые сразу же были оценены Петром: во-первых, этот путь был значительно короче; во-вторых, побережье Балтийского моря располагалось ближе к густонаселенным районам центра России, нежели берега южных морей, и, наконец, в-третьих, наделе оказалось значительно проще сколотить антишведскую коалицию европейских держав — инициатива ее создания исходила не от Петра, а от правителей других стран, интересы которых были ущемлены агрессивной Швецией.

В Нарву корабли с наемными иноземцами отправились в апреле, а в Архангельск — 4 мая 1698 года. С отправкой кораблей Великое посольство сочло свою миссию в Голландию выполненной и стало готовиться к дальнейшему путешествию — в Вену и Венецию.

Вместе с иноземными специалистами на зафрахтованные для отправки в Архангельск корабли было погружено имущество, предназначавшееся для личного обихода царя и великих послов. Перечень закупленных царем и послами предметов представляет интерес не только потому, что характеризует вкусы покупателей, но и потому, что отражает их материальные и духовные запросы.

Суммы, израсходованные на приобретение товаров, свидетельствуют, что наиболее экономным в тратах был царь, а наиболее расточительным — первый посол. Так, на приобретение предметов, предназначавшихся «на его царского величества обиход» (включая и личные потребности Петра), было издержано 1830 ефимков, в то время как Лефорт ухитрился издержать 4251 ефимок, Головин — 1290 ефимков, а Возницын — 1737 ефимков.

Погруженные на корабли предметы были упакованы в

сундуки и ящики. Лефорт отправил 16 сундуков с серебряной посудой, 7 сундуков с разной «рухлядью», 4 бочки сухарей, 8 бочек с напитками, одну бочку с ружьями и 6 ящиков без указания содержимого. Второму послу принадлежал 31 ящик и сундук. Груз третьего посла П.Б. Возницына был самым скромным, он состоял из большого сундука, трех деревянных ящиков, малого сундука и двух ящиков. Содержимое сундуков и ящиков у Головина и Возницына не обозначено.

Содержание сундуков и ящиков Лефорта характеризует его как гурмана, человека, склонного к роскоши и пристрастного к употреблению горячительных напитков, причем хорошего качества.

Роспись покупок «про его царского величества царский обиход» свидетельствует о том, что «Статейный список» включил в «царский обиход» то, что в действительности предназначалось для обихода государственного, В самом деле, не лично же царю были необходимы 260 ящиков с ружьями, 48 кип парусного полотна, 8 кип бумаги картузной, один ящик с железными пилами, 2 ящика с компасами, 2 ящика с корабельной мелочью, 2577 разных блоков, 8 сундуков с плотничьими инструментами и пр.{147}

Собственно «царский обиход» был в сотни раз скромнее. Для Петра были куплены в Англии бархатные обои, математические и медицинские инструменты, лекарства, книги, канцелярские принадлежности, инструменты для чертежного дела, такие редкостные экспонаты, как «коркодил» и «рыба сверт-фиш», то есть меч-рыба, а также попугаи, мартышки и др.

Четыре корабля, отправленные в начале мая из Амстердама в Архангельск, находились в пути месяц и прибыли в пункт назначения 3 июня 1698 года. Голландский ученый Схельтема, сочинивший труд о пребывании Петра в Саардаме в 1697 и 1717 годах, описал проводы отправлявшихся в Россию 640 человек, преимущественно голландцев: «Это были разного рода художники, ремесленники, мастеровые; но всего больше было нанято искусных корабельных плотников. Все они были посажены 6/16 мая на барки и отправлены в Тексель, чтобы там пересадить их на московские корабли, готовые к отплытию в Архангельск.

Собрались большие толпы народа, чтобы проститься с отъезжающими и проводить их; много было здесь также и просто любопытных, почему не обошлось и без некоторых неприятных эпизодов. Кроме голландцев среди уезжавших в Россию были лица и других национальностей, и в числе их много французов, бежавших с родины вследствие религиозных распрей и отправлявшихся в Москву. Многие из местных голландцев с

грустью смотрели на отъезд на чужбину столь значительного числа сведущих и полезных людей, а также на вывоз такого большого числа разных машин — мельничных, ткацких, прядильных и других».

Глава девятая. НА ПУТИ В ВЕНУ И МОСКВУ

После того как Петр вернулся из Англии в Амстердам, он располагал свободным временем для того, чтобы совершить поездку по стране. Прихватив с собою Лефорта, царь в течение недели с небольшим, между 30 апреля и 9 мая, посетил некоторые голландские города. К сожалению, источники не сообщают конкретно, какие именно города посетили они и какое впечатление произвело на них увиденное. Известно лишь, что Петр с Лефортом побывали в городе Дальфг, где познакомились со знаменитым биологом Левенгуком и посетили расположенный там оружейный завод, к которому царь проявил живейший интерес.

В то время когда царь и великие послы готовились к отъезду, они получили три известия — два из Москвы и одно из Вены. Известия были одно неприятнее другого.

Первое известие, полученное из Москвы, свидетельствовало о панике, охватившей правящую элиту столицы в связи с продолжительным отсутствием каких-либо сведений о царе. Это вызвало подозрение, что с царем стряслась беда и что его нет в живых. А.А. Виниус, поддерживавший до этого оживленную переписку с царем, адресовал свое последнее письмо не Петру, а Лефорту. Тревога оказалась ложной — Петр был жив и здоров, а отсутствие от него писем объяснялось наступившим в апреле весенним половодьем, нарушившим нормальную работу почты. Виниус, переписывавшийся с родственниками, оставшимися в Голландии, а также сам не раз бывавший за границей, должен был догадаться об этом и успокоить всех — однако он этого не сделал, за что получил выговор от царя.

Виниусу довелось прочесть письмо царя, отправленное им из Амстердама, с изъявлением упреков и чувства досады в адрес корреспондента: «…А что ты писал к господину Лефорту, и я то выразумел; на что зело дивлюсь и суду Божию предаю тебя, что ты так сумнена пишешь о замедлении почт (под такой час), а сам в конец известен сим странам в конец. Не диво, хто не бывал. Я было надеялся, что ты станешь в сем разсуждать бывалостью своею и от мнения отводить; а ты сам предводитель им! Потому все подумают, что коли де хто бывал, так боится тово, то уже конечно так. Воистино не от радости пишу»{148}.

Недоразумение с задержкой писем от Петра было быстро улажено. Значительно серьезнее и опаснее оказалось известие о

неповиновении четырех стрелецких полков. Стрельцы рассчитывали, что после более чем годового пребывания в Азове их отправят в Москву, к семьям, терпевшим нужду, и они займутся привычными для себя делами — торгами и промыслами. Но домашнего уюта и встречи с семьями стрельцы не дождались — их двинули к западным границам, где их ожидала возможность участия в военных действиях в случае, если ставленник Франции принц де Конти не откажется от намерения стать королем Польши. Если, однако, участие стрельцов в военных действиях было предположительным, то невзгоды, вызванные задержкой жалованья, оказались вполне реальными. Дислоцированные в Великих Луках стрельцы дошли до того, что вынуждены были просить подаяние.

Восьмого марта 1698 года отряд стрельцов, укомплектованный четырьмя полками, был назначен для продолжения службы в Брянске. Однако, вместо того чтобы следовать к пункту назначения, стрельцы отправились в Москву. Как впоследствии объясняли они сами, стрельцы двинулись «от бескормицы», а также для того, чтобы спасти царевича от бояр, якобы намеревавшихся его задушить. Стрельцы отказались выполнить требование начальника Стрелецкого приказа боярина князя Ивана Борисовича Троекурова отправиться в свои полки, вели себя вызывающе дерзко, но, пошумев, затем все же подчинились требованию начальника. Благоразумие подсказывало, что отряд в 175 человек не может противостоять солдатским полкам, а потому стрельцы решили подчиниться. Тем не менее эпизод вызвал тревогу у властей Москвы. Вот как описал происшедшее Патрик Гордон в «Дневнике».

О происшедшем ему рассказал «князь-кесарь» Ф.Ю. Ромодановский. «Я высказал мнение, — пишет Гордон, — что ввиду слабости этой партии и ввиду того, что у нее нет никакого предводителя, не следует так серьезно смотреть на дело и ожидать от него такой опасности. Все же я поехал на Бутырки (там стоял полк Гордона. — *Н. П.)*, чтобы быть готовым на всякий случай, если бы возник какой-либо беспорядок или бунт. Я приказал точно проверить: все ли солдаты дома, и когда оказалось, что все они на месте, кроме тех, которые находились на карауле, я прилег отдохнуть, так как было уже поздно.

Перед тем я известил обо всем Алексея Семеновича (Шеина. — *Н.П.)* и князя Федора Юрьевича (Ромодановского. — *Н. П.)*. 4 апреля с рассветом я послал осведомиться, как обстоит дело в городе и в особенности в стрелецких приказных избах. Получив известие, что все спокойно, я отправился к генералиссимусу Алексею Семеновичу и князю Федору Юрьевичу, которые

присутствовали на заседании (Боярской думы. — *Н. П.)*, Князя Федора Юрьевича и всех, кто были при нем, я нашел в большой тревоге перед надвигающейся опасностью, размер которой я старался уменьшить. Но некоторые люди, которые по природе склонны преувеличивать опасность, в подобных случаях имеют еще другое побуждение, состоящее в том, что они преувеличивают обстоятельства подобного рода, чтобы тем более выставить свои заслуги и ревность в успокоении, подавлении и победе над трудностями и получить за то тем больший почет и признание заслуг».

Нас в данном случае мало интересует вопрос, были ли правы в оценке нависшей опасности Троекуров и Ромодановский или же Гордон. Важнее отметить приход воинственно настроенного отряда стрельцов к Москве. Справиться с ним удалось без особого труда, однако этот демарш предвещал значительно более опасные для правительства события: эпизод с недовольством стрельцов можно считать своего рода репетицией более масштабного выступления, произошедшего в июне 1698 года, когда подняли бунт все четыре стрелецких полка, направившиеся в Москву, чтобы разгромить Немецкую слободу и расправиться с боярами.

Об этом эпизоде царю сообщил Ф.Ю. Ромодановский 8 апреля. Под его пером события приобрели более угрожающий для правительства характер. Ромодановский извещал Петра, что из Великих Лук стрельцы «бежали в разных числах и явились многие на Москве в Стрелецком приказе в розных же числах 40 человек и били челом винами своими о побеге своем и побежали де они от того, что хлеб дорог. И князь Иван Борисович (Троекуров. — Н. П.) в Стрелецком приказе сказал стрельцам указ, чтоб они по прежнему государеву указу в те полки шли. И они сказали князь Ивану Борисовичу, что итить готовы и выдал бы стрельцам хлеба, деньгами. И им на те месяцы и выдали деньги. И после того показали стрельцы упрямство и дурость перед князем Иваном Борисовичем и с Москвы итить не хотели до просухи, и такую дурность и невежество перед ним объявили, и в том подлинно хотел писать к милости вашей сам князь Иван Борисович…».

Троекуров сообщил 4 апреля, что стрельцы хотят «итить в город и бить в колокола у церквей. И я по тем вестям велел тотчас собрать Преображенский и Семеновский и Лефортов полки и, собрав, для опасения послал полуполковника князь Никиту Репнина в Кремль, а с ним послано солдат с семьсот человек с ружьем во всякой готовности…». На следующий день бояре приговорили, «чтоб послать мне для высылки стрельцов на службу полковника с солдаты». Было отправлено с полковником Иваном Чамберсом 600 солдат, выдворивших стрельцов из

Москвы[149].

Неуверенные действия правительства вызвали недовольство Петра. Отвечая Ромодановскому, царь писал из Амстердама 9 мая: «В том же письме объявлен бунт от стрельцов и что вашим правительством и службою солдат усмирен. Зело радуемся». Но далее следовали упреки в адрес «князя-кесаря» за то, что он удовлетворился выдворением из Москвы 175 стрельцов и не произвел розыска: «Для чего ты сего дела в розыск не вступил?.. Не так было говорено на загородном дворе в сенях». Иными словами, еще до отъезда за границу Петр допускал возможность стрелецкого бунта и обговаривал средства его усмирения. «А буде думаете, что мы пропали (для того, что почты задержались), — продолжал Петр, — и для того, боясь, и в дела не вступаешь… Я не знаю, откуды на вас такой страх ба-бей!» Впрочем, порицая Ромодановского за трусость, царь заканчивал письмо миролюбиво: «Пожалуй, не сердись, воистинно от болезни сердца писал».

Другие новости, не менее неприятные, были получены из Вены.

Цесарь, не известив своего русского союзника, был склонен начать сепаратные переговоры о мире с турками. Инициатива в данном случае исходила от Турции, которая предложила через английского посла лорда Пэджета условия мира, учитывавшие интересы Австрии, Венеции и Польши; интересы же России при этом даже не упоминались. Эту новость Лефорту и его товарищам сообщил польский посол Бозе. В ответ ему было сказано, что царю «зело то удивительно, что его цесарское величество, получа такие многие победы, без совершенного удовольствия и без утверждения своих завоеванных земель, к миру приступать намерен». Великие послы заверили Бозе, что царь будет продолжать войну с неприятелем.

Сведения, сообщенные Бозе, были подтверждены 12 мая документами, добытыми резидентом в Варшаве Алексеем Васильевичем Никитиным. По официальным документам, цесарь уверял Петра: хотя в предложениях турок интересы России и не упомянуты, однако без учета интересов союзников, в том числе и России, цесарь договор подписывать не станет. Но полученные от Никитина документы высвечивали и другое: неблаговидную роль в случившемся сыграли Голландские Штаты: на словах они выражали благодарность царю за соблюдение привилегий голландских купцов, клялись в неизменной верности и дружбе с Россией, а на деле за спиной царя и Великого посольства вместе с Англией выступали посредниками в мирных переговорах турок с цесарем.

Такая двуличная позиция Голландии не могла не возмутить царя и великих послов. Надо полагать, что они были преисполнены гневом, однако во время прощальной встречи с представителями Штатов проявили такт и выдержку и вели разговор в спокойных тонах.

Встреча эта состоялась 14 мая и началась с обмена любезностями. Четыре бурмистра (бургомистра), представлявшие Штаты, просили послов не гневаться, если им в чем «довольства не учинено», и обратились к ним с просьбой о новых льготах; великие послы выразили благодарность за внимание и гостеприимство.

Однако послы не удержались от того, чтобы высказать бурмистрам свое недовольство двуличным поведением Штатов, их посреднической ролью в переговорах цесаря с турками, В «Статейном списке» диалог великих послов с бурмистрами описан столь обстоятельно и эмоционально, что автор счел необходимым воспроизвести текст источника полностью:

«И потом просили великие и полномочные послы их, бурмистров, чтоб они сели. И, седчи по местам, великие и полномочные послы бурмистрам говорили: ведомо им, великим и полномочным послам, по присланным из Польши царского величества от резидента, стольника Алексея Никитина, письмам, учинилось, что цесарским величеством Римским турецкой салтан чинит мирные договоры, а в том мирном договоре посредниками королевское величество Аглинской и они, Галанские Статы. И о том подлинно объявили цесарское величество Римской писал к его царскому величеству в грамоте своей, которую грамоту царского величества резидент послал к Москве, а к нам, великим и полномочным послам, с той цесарского величества грамоты, также и королевского величества Аглинского и с их Статской грамоты, которую они писали к цесарскому величеству Римскому о том посредство прислал списки, и они б, бурмистры, великим и полномочным послам объявили: давно ли то посредничество с аглинской и с их стороны и миротворения у турок с цесарским величеством началось? И бурмистры сказали: то де они не ведали, что о делах великие и полномочные послы их спрашивать и говорить будут, а естли б ведали, то бы взяли своего переводчика, чрез которого удобнее б могли, выразумев о всем, ответ учинить: однако ж они соответствуют, что о том миротворении у турки с цесарем, которое чинится посредством аглинского короля чрез посла его Депажета, слышали они из курантов (газет. — *Н.П.)*, а от Стат такого посредства и посылки никакой к цесарю они не знают».

Застигнутые врасплох бурмистры не нашли ничего лучшего,

как заявить о своей неосведомленности, в чем великие послы с полным основанием усомнились: если и можно было допустить, что три из четырех бурмистров не были осведомлены о закулисной деятельности своего правительства, то такому авторитетному политическому деятелю, как Витсен, входившему в состав делегации, наверняка все было известно. Послы признали объяснение бурмистров несостоятельным:

«И великие и полномочные послы говорили: объявляют они, бурмистры, ту ведомость будто слышали из курантов, отговариваясь, не хотя им подлинно объявить, а та ведомость явна не по курантам, но по тому, что писали господа Статы грамоту свою к цесарскому величеству Римскому, приводя его с турком к миротворению; и послана та грамота марта в 31 числе, в которых числах они, великие и полномочные послы, будучи с посольством, просили, и они, Статы, по отправлении посольства, им, великим и полномочным послам, объявили, что когда его царского величеству всякого добра и победы на того неприятеля желают и всякую услужность чинить будут; а по делу явилось не так, самого дела, которое его царскому величеству потребно, они, Статы, не объявили и в том явное недоброхотство показали. Только они, великие и полномочные послы, говорят им, бурмистром, о том не того ради, чтоб с ними, бурмистрами, в вещшее дело вступить, но объявлял им, их Стат, в том деле недоброхотство к царскому величеству, и бурмистры с подтверждением сказали, что они от Стат такова посредства и посылки грамоты к цесарю не знают, разве де то учинено без них, и, простясь с послы, пошли»{150}.

Встреча бурмистров с послами, как видим, завершилась все же на миролюбивой ноте. До разрыва дело не дошло, ибо в нем не была заинтересована ни та, ни другая сторона. Но и после состоявшегося разговора Штаты совершили по отношению к Великому посольству еще один недоброжелательный поступок: вопреки своему обещанию они не предоставили великим послам экипажи и не обеспечили посольство продовольствием во время его проезда по территории Голландии до границ с Бранденбургским курфюршеством. Правда, этот недоброжелательный поступок послы приписали не Штатам, а приставу, назначенному сопровождать посольство, — послы заподозрили, что пристав попросту присвоил себе отпущенные на содержание посольства деньги. Между тем путешествие посольства по территории Голландии продолжалось двое суток, как того требовало соблюдение «государской чести».

Недовольство великих послов попало на страницы «Статейного списка»: «А пристав Галанских Стат Гофман,

посланный с ними, великими и полномочными послы, из Амстердама, их, великих и полномочных послов, в дороге от Амстердама до бранденбургского рубежа не кормил и не подчивал, а если великие и полномочные послы со всеми посольскими людьми покупали на свои деньги, и он, пристав, отговаривался, что те запасы, которыми было кормить их, великих и полномочных послов, остались за противною погодою, выехав из Ротердама, назади, и по поезд их, великих и полномочных послов, от Нимвегена не бывали».

Раздражение послов такими проводами выразил и Ф.А. Головин в цидулке к Витсену. Иронизируя по поводу поведения пристава, он писал: «От пристава Статского мы в пути изрядно подчиваны и так довольно кормлены, что естьли бы ево со всеми, что их з двадцать с бабами набрано было, пищею содержать, то, мню болыпи недели жить не возмог. Что истинно тебе донесу, нам двоим и при нас будущим людям и всей канцелярии и некоторым прочим нимало, ей, довольства не показал, что принуждены, осмотря ево подчивания как поехали из Амстердама, в Ротердам и в прочих местех себе купити, в чем верные свидетели господин Кинциус (купец, торговавший с Россией. — *Н.П.)* и прочие; также и напитки от яхты, на которой мы были, зане со благодарением от него подчивал, но сам немного запасов имел. Пишу для того, чтоб тот безумный человек (пристав. — *Н.П.)*, написав множественные расходы на нас, сам не покрал, что обыкл уже чинити; и не единого человека, для исправления корму нашего в пути при себе мы от пристава не имели»{151}.

Впрочем, послы не стремились к обострению отношений с голландским правительством и готовы были оставить в забвении описанный выше эпизод. Свидетельством тому принятие ими прошения бурмистров о сохранении за голландскими купцами давнишних льгот в торговле с Россией — освобождении их кораблей, палат и амбаров от осмотра, подсудности купцов исключительно Посольскому приказу и т. д. Более того, голландцам были предоставлены новые льготы, в частности, право на транзитную торговлю через территорию России с Персией и Индией, уменьшены пошлины на некоторые товары.

Предполагалось, что посольство отправится из Голландии в Венецию. Однако полученные известия о том, что цесарь начал мирные переговоры с турками, вынудили Петра изменить первоначальные планы и отправиться в столицу Австрийской империи.

Венский двор слыл в Европе наиболее чопорным; здесь самым ревностным образом соблюдали этикет, строжайше

придерживались издавна установленных церемоний. Зная это, Петр и великие послы стремились не ударить лицом в грязь. Они озаботились сменой своей поизносившейся одежды и экипировки свиты. Для свиты и для самих послов было изготовлено новое платье, второму послу приобрели более просторную карету. В дорогу закупались съестные припасы: окорока, сыры, языки, водка.

Посольство выехало из Амстердама 15 мая и держало путь на речных судах к Нимвегену «И ехали великие и полномочные послы от Ротердама до Нимвегена тем же путем, — записано в «Статейном списке», — которым сперва ехали (в Амстердам. — *Н.П.)*, и мимо которых городов ехали, из тех городов стреляли из пушек выстрела по два и по три, сколько где пушек». В Нимвеген прибыли 17 мая, а 19-го Петр сухим путем отправился в Клеве.

В Бранденбургском курфюршестве царь и послы пользовались таким же вниманием, как и во время проезда по его территории в Голландию. Но царю и его дипломатам было не до того, чтобы выражать удовольствие по случаю гостеприимства союзника — пользуясь почтовыми лошадьми, они спешили в Вену, чтобы помешать заключению сепаратного мира Австрии и Венеции с Турцией. «А великие и полномочные послы, — отмечает «Статейный список», — пошли наскоро для того, что ведомо им, великим и полномочным послам, учинилось подлинно, что цесарское величество с турком конечно приступает к миру, и чтоб то его намерение пренять»[{152}].

Города за окнами кареты Петра и послов мелькали, как в калейдоскопе. Осматривать их достопримечательности не было ни времени, ни нужды, так как путешественники познакомились с ними еще во время следования в Голландию. «Статейный список» отметил, что великие послы выразили благодарность за гостеприимство; «Как мы впредь сего были благодарны любви вашей милости (курфюрсту. — *Н.П.)* за показанное к нам в путешествии нашем в Галанскую землю приятство ваше, так и ныне при возвращении нашем оттуда благодарствуем, понеже в пути нашем чрез владение вашей милости как в подводах, так и во всякой повольности удовлетворены есьмы, которую любовь вашей милости должны есьмы донесть всемилостивейшему государю нашему, его царскому величеству, в чем не сумневаемся, что его царское величество то за благо восприимет».

Тридцатого мая 1698 года Великое посольство прибыло в Лейпциг, где в течение следующих суток «веселились довольно, из пушек стреляли». Вечером 1 июня послы оказались в столице Саксонии Дрездене. Саксонским курфюрстом был тот самый Август, выбранный в короли Польские. По приезде в столицу царь

пожелал немедленно осмотреть дрезденскую кунсткамеру. За ночь он успел ознакомиться только с экспонатами, расположенными в двух залах. Наместник курфюрста саксонского в Дрездене князь Фюрстенберг извещал курфюрста, находившегося в Варшаве, о пребывании Петра в Дрездене и описал обед царя, состоявшийся 2 июня: «Во время обеда я велел поставить на балкон под его комнатой трубачей и флейтистов, а также приказал подойти маршем к балкону телохранителям, конным лейб-гвардейцам, одетым в швейцарское платье, при протазанах, так как мне известно, что барабаны и свистки — его любимая музыка и вообще вкус его направлен всего более на относящееся к войне. За этим обедом я вопреки собственному желанию после двухмесячной болезни принужден был довольно долго пить, к чему давал мне пример сам царь, я же не мог отказать ему потому, что согласно приказанию моего всемилостивейшего короля я всячески старался доставить ему удовольствие, если бы то было даже во вред моему здоровью»{153}.

После обеда царь в течение трех часов осматривал главный арсенал, причем обнаружил познания в артиллерии, удивившие Фюрстенберга: «Он осматривал все как нельзя внимательнее и, где только попадался ему наималейший недостаток в орудии, то он не только примечал его, но и указывал причину, по которой он произошел, и все это так основательно, что нельзя достаточно тому надивиться». «Статейный список» отметил также посещение царем и великими послами кунсткамеры: «Июня во 2 день в Дрездене показываны великим и полномочным послом в королевских покоях разные изрядные вещи, и оружейный дом и цекгауз, и конские збруи, и доспехи прежних курфирстов и князей. И пушки и мортиры множественным и уборным строением»{154}.

После осмотра кунсткамеры князь Фюрстенберг пригласил царя на ужин, закончившийся в три часа утра: «…так как он пожелал видеть некоторых дам, то я пригласил пятерых и также велел явиться прежним музыкантам, именно трубачам, гобоистам, барабанщикам и флейтистам, хотя эта музыка была не совсем прилична для подобного собрания, но я привел его этим в такое прекрасное расположение духа, что он сам взял барабан и в присутствии дам стал бить с таким совершенством, что далеко превзошел барабанщиков… Пили опять очень много, и так как он перед этим посетил обеих курфюрстин как царь (Петр продолжал сохранять инкогнито. — *Н.П.)*, то я, не колеблясь, по его желанию велел стрелять из пушек при каждом тосте, так что было произведено несколько сотен выстрелов; при этом он так

развеселился, что несколько раз обнимал меня»[155].

Третьего июня князь Фюрстенберг посетил царя рано утром. Петр был еще не одет. Вместе с послами он сел за обеденный стол, пригласив отобедать и князя. После обеда они осматривали литейный двор, после чего царь в третий раз отправился в кунсткамеру, которая, по-видимому, произвела на него неизгладимое впечатление. Общим впечатлением от посещения Дрездена Петр 3 июня поделился в письме к Виниусу: «…Здесь хотя и два дня жили, только недосуг было, потому что город саксонский: забавны иным были во все часы»[156].

Границу австрийских владений великие послы пересекли 5 июня: «пришли, — как сказано в «Статейном списке», — на цесарскую границу в чесной город Аус», где «у ворот того города» их встретили «грацкие комендант и урядники и великим послам кланялись и подчивали их за столом». На следующий день, 6 июня, посольство прибыло в Прагу, где их встретил представитель цесарского правительства барон Барати с вопросом великим послам: пожелают ли они получать корм и напитки натурой или деньгами, «для того, что их иноземные ествы московского народу людям не вельми угодны и непривычны». Послы ответили, что им удобнее в дороге получать корм натурой, а когда прибудут в Вену, то тогда они предпочтут брать деньги, «для того чтобы московские люди обычай в приуготовлении ествы свой имеют, и всяк по своему нраву строить будет, как кто хочет». Барон задал еще один вопрос: где послы предпочтут проживать — в Вене или за городом, рядом с дворцом цесаря? Послы ответили: где их поставят, там они и будут жить.

Одиннадцатого июня Великое посольство прибыло в местечко Штокерау, что в 29 верстах от Вены, и отправило майора Адама Вейде, чтобы он потребовал немедленной аудиенции у цесаря. Это требование противоречило интересам цесарского правительства, стремившегося оттянуть время начала переговоров, чтобы прежде завершить их с турками. Только 13 июня в Штокерау прибыли цесарские уполномоченные. Уже знакомый послам барон Барати приступил к переговорам о церемонии въезда Великого посольства в Вену. С русской стороны переговоры вел Лефорт. Выслушав проект церемонии, предложенный бароном, он отправился в соседнюю комнату для совета и возвратился минут через 15 с замечаниями. Русские потребовали встречать их послов при въезде в город с большей торжественностью и пышностью, ссылаясь при этом на практику въезда иноземных послов в Москву.

В частности, Лефорт потребовал, чтобы великих послов сопровождали не драгуны, а кирасиры, и не земские трубачи, а

императорские; чтобы были присланы 30 лошадей для дворян посольской свиты; чтобы послам была предоставлена одна вместительная карета, а не две и т. д. Бароти высказал возражения и отклонил все претензии Великого посольства. Русская сторона не была заинтересована в затягивании обсуждения условностей, так что въезд послов, состоявшийся 16 июня, происходил по сценарию, разработанному цесарским двором. Послов разместили в двух каретах, а не в одной, причем в первой карете сидели Лефорт и Головин, а во второй — Возницын.

«При въезде трех послов, — отметил испанский посланник в Вене, — не было ничего необыкновенного, разве только две роты драгун, которые им предшествовали, во всех троих было только 12 лакеев и 7 пажей в хороших, но поношенных французских ливреях. У них две порядочные, но уже бывшие в употреблении кареты, подаренные им при других дворах. Они жаловались на императорские кареты, которые были предоставлены для их въезда, потому что они показались им мало богатыми, но потом убедились, что лучшими и не пользуется его цесарское величество».

Об утраченном блеске цесарского двора и скромном въезде Великого посольства писал и Петр Лефорт своему отцу: «При моем прибытии сюда я очень обманулся; я представлял себе, что увижу блестящий двор, но случилось совершенно обратное. Здесь нет ни красивых выездов, ни красивых ливрей, как это мы видели при бранденбургском дворе»{157}.

Два новшества, зарегистрированные «Статейным списком» во время пребывания Великого посольства в Вене, обращают на себя внимание. Во-первых, Петр начал открыто называть себя царем. Во-вторых, «Статейный список» отказался от формул типа «великие послы заявили», «великие послы пошли» и т. д. и стал отмечать индивидуальную роль в посольстве первого посла Лефорта. Поэтому имя Франца Яковлевича в «Статейном списке» стало упоминаться значительно чаще, чем раньше.

После торжественного въезда Великого посольства в Вену начались переговоры о главном — намерении цесаря заключить мир с турками. Началу переговоров предшествовало свидание царя с императором Леопольдом. Свидание носило чисто формальный характер. Оно продолжалось 15 минут и свелось к выражению взаимных комплиментов, заверениям в вечной дружбе и другим чисто этикетным формулировкам. В роли переводчика выступал Франц Лефорт. Современник описал это свидание двух монархов так:

«Они обращались друг к другу в разговоре как братья, и

цесарь выразил радость видеть у себя царя, славного монарха и своего союзника, на что царь ответствовал подобным же образом в очень обязательных выражениях; между прочим упомянул он, что все в его землях к услугам императора. Лефорт переводил сказанное обоими. Царь выразил желание чаще беседовать с императором и говорил Лефорту, когда он передавал его речь по-немецки, чтобы он это “чаще” яснее и лучше объяснил, так как царь хотя и не может говорить на немецком языке, однако его понимает».

Неизмеримо большее значение имели собственно переговоры. С австрийской стороны их вел граф Кинский. Лефорт письменно задал графу три вопроса: 1) готов ли император продолжать войну с турками или намерен заключить мир; 2) если согласен на мир, то на каких условиях; 3) что предлагают посредники и сами турки для удовлетворения императора.

В ожидании ответа Петр проводил время в знакомстве с достопримечательностями Вены: осматривал арсенал, библиотеку, кунсткамеру. 23 июня он слушал оперу, на следующий день в сопровождении Лефорта и двух послов нанес визит императрице.

Канцлер граф Кинский дал письменный ответ на вопросы, врученные Лефортом, только 26 июня. Из ответа следовало, что мир с турками предложили сами турки; император после сокрушительной победы над неприятелем мира не искал. Султан избрал посредником в переговорах английского посла в Константинополе лорда Пажета, поручив ему составить проект мирного договора, но он, цесарь, договор не подпишет, если не будут учтены не только его интересы, но и интересы союзников.

На следующий день царь пригласил к себе графа Кинского. Между ними состоялся следующий разговор:

Царь: «Я должен прежде всего благодарить императора за ведомости о желании турками мира, также за сообщение писем турецкого султана и английского посла. Только то мне удивительно, что основания мира определены единственно волею императора без совещания с союзниками».

Канцлер: «Мир еще не заключен и высокие союзники могут требовать у турок на конгрессе все, что им угодно».

Царь: «Русским послам на конгрессе одним устоять будет трудно, когда император удовольствуется предложенными основаниями, которые он уже и принял, мы же согласиться на них не можем: они не вознаграждают наших трудов и убытков».

Канцлер: «В союзном договоре сказано именно, что каждый обязан стоять за себя и домогаться у неприятеля удовлетворения. Его императорское величество потому склоняется на мир, что

долголетняя война причинила огромные убытки и страшное кровопролитие; следовательно, видя наклонность турок к миру, надобно выслушать их предложение».

Царь: «Если император намерен прекратить войну и ищет мира чрез посредников, то надлежало известить меня о том заранее: я не вошел бы в столь великие убытки. Мне нельзя приступить к миру, доколе не смирю татар и не овладею в Крыму надежной крепостью. Я *был* с турками в мирных сношениях и разорвал их единственно по просьбе императора; справедливость требует повременить переговорами, чтобы все союзники могли получить пристойное возмездие».

Канцлер: «Его императорское величество начал дело, непротивное обязательству, наиболее потому, что настаивают англичане и голландцы, и отказать туркам было нельзя. Впрочем, хотя дело и началось, но до конца далеко, и есть еще время приобрести от неприятеля все желаемое».

Царь: «Англичане и голландцы хлопочут только из-за прибылей торговых; не во всяком деле надобно их слушать. С моей стороны обмана нет и не будет; что постановлю, на том стою крепко».

Канцлер: «Богу дал бы ответ его императорское величество, если бы не прекратил христианского кровопролития, имея возможность заключить честный и выгодный мир».

Царь: «От честного мира не отрицаюсь и я; но желаю прочного и надежного. Между тем всяк, имеющий разум, понимает, что султан ищет мира, видя свою беду; а император спешит помириться с ним для войны с французами за Испанское наследство и своих союзников оставляет. Нет сомнения, что султан снова поднимет оружие на императора, как скоро вспыхнет французская война; тогда уже трудно помогать ему. Надобно было прежде укрепиться в собственных границах и потом думать о мире; союзников же покидать не следовало».

Канцлер: «Изнурение государства и тяжкие долги — вот истинные причины, которые побуждают императорское величество желать мира; притом же поляки и венециане ненадежны: первые давно воевать перестали; вторые также думают прекратить военные действия».

Царь: «Истинная причина не в том, а в видах на Испанию. Надобно однако ж размыслить, что будет с Венгриею, когда выйдут оттуда войска для войны с Францией; не забунтовали бы венгры, как в прошлом году».

Канцлер: «Теперь речь только об удовлетворении союзников; к чему вспоминать мимошедшее?»

Царь: «Все, что служит к целости государства, должно быть

предметом рассуждения во всякое время. Я не могу удовольствоваться предложенными основаниями мира и на все вышесказанное ожидаю ответа императора. Между тем, велю изготовить статьи, чего я требую»{158}.

Разговор царя с канцлером показал, что призыв Петра не покидать союзников повис в воздухе. Все его предложения были отклонены канцлером, и в этих условиях Россия должна была добиваться удовлетворения своих претензий к Турции, опираясь лишь на собственные силы. Петра не могло удовлетворить согласие цесаря заключить мир на условии *uti possidetis,* то есть на условии сохранения за договаривавшимися сторонами того, чем они овладели в ходе военных действий. Во-первых, потому что овладение Азовом не компенсировало затрат на два Азовских похода; во-вторых, потому что овладение Азовом не могло полностью защитить Россию от набегов на ее территорию крымских татар. Царь пытался убедить своего собеседника, что его страна будет находиться в безопасности только в том случае, если Россия завладеет крепостью на Крымском полуострове — Керчью. Если Турция не согласится ее уступить, то следует продолжать войну до истечения срока союзного договора, заключенного 29 января 1697 года на три года, а если военные действия не принесут ожидаемого успеха — продолжать их еще в течение двух лет или по крайней мере года.

Предложения царя были обсуждены на заседании конференции министров. Царю было заявлено, что настаивать на передаче России Керчи бесполезно, ибо османы не уступят того, чего не теряли. Впрочем, утешил граф царя, до заключения мира еще далеко, переговоры только начались и Россия располагает достаточным временем и возможностями, чтобы получить Керчь силою оружия. Уклончивый ответ дал Кинский и на предложение продолжать войну до 1701 года: союзники, заявил он, успеют вернуться к обсуждению вопроса в будущем. Иными словами, венское правительство отклонило оба предложения царя.

Общение с уполномоченными цесаря убедило Петра в том, что Австрия не является надежным союзником России. Цесарь готов был заключить сепаратный мир, и надеяться на помощь цесарских дипломатов во время переговоров о мире с турками не следует. Второй вывод, к которому должен был прийти Петр, носил более общий характер: переговоры с цесарем убедили его в необходимости искать выход к морю не на юге, а на северо-западе, опираясь при этом на иных союзников.

Более успешной оказалась другая акция, осуществленная царем и Великим посольством. Еще будучи в Амстердаме, Петр попросил Августа II прислать в Вену доверенное лицо для

переговоров. 24 июня в Вену тайно прибыл уполномоченный польского короля генерал Карлович. В тот же день с ним начались доверительные переговоры. Результатов, запечатленных в каком-либо официальном документе, эти переговоры не принесли, но они явились важной вехой в установлении дружественных, а затем и союзнических отношений между русским царем и саксонским курфюрстом.

Во время продолжительного пребывания царя и его посольства в Вене цесарское правительство не скупилось на то, чтобы компенсировать позицию, занятую им в переговорах, устройством пышных развлечений для царя и его спутников. Среди развлечений особенно запоминающимися были два. Одно из них, состоявшееся в день именин Петра — 29 июня, описал «Статейный список»: «…Обедали у генерала и адмирала у Франца Яковлевича Лефорта. Того ж числа ввечеру были огненные потехи, огни и верховые ракеты, и устроен был фирверк в ракетах словами “Виват царю Петру Алексеевичу”, и стрелено из 12 пушек многажды, и было того действа часа с два. А устроены были те потехи против посольского двора из цесарской казны»{159}. О празднике упомянул и Петр в письме Виниусу, отправленном 2 июля: «На день святых апостол было у нас гостей мужеска и женска пола больше 1000 человек, и были до света…»{160}

О другом празднестве, более пышном и редкостном, «Статейный список» почему-то умолчал. Праздник назывался *Wirtschaft*. Ранее он ежегодно устраивался цесарем, но в последние лет двадцать от него отказались из-за необходимости соблюдать экономию в связи с войной с Турцией. Теперь цесарь устраивал празднество в честь царя. Он решил поразить его богатством убранства дворца и сервировкой стола во время ужина, блеском нарядов и драгоценностей. Гости, а это была элита венского двора, должны были явиться в костюмах разных эпох и разных народов: древнеримских, голландских, польских, китайских, цыганских и др. Петр появился на празднестве в одежде фрисландского крестьянина.

Петру не терпелось отправиться в Венецию, где уже шла энергичная подготовка к встрече Великого посольства. У границы с Венецией стояли наготове кареты и лошади, предусматривалась обширная развлекательная программа: соревнования гондол, концерты, маскарады, фейерверки и т. д. Задержка объяснялась тем, что была издержана соболиная казна, и Великое посольство ожидало прибытия в Вену дополнительных мехов. Соболя на сумму в 10 тысяч рублей и китайские камки разных цветов, 200 косяков, были отправлены из Москвы еще 10 мая, но прибыли в

Вену только 17 июля. Груз предназначался для подарков цесарю, его супруге, а также венецианскому дожу. Считалось непристойным явиться на прощальную аудиенцию без вручения богатых подарков.

Казалось бы, все было готово к переезду в Венецию. Но тревожные вести из Москвы нарушили все планы.

В «Статейном списке» о причине, вызвавшей резкое изменение планов Великого посольства, сказано так: «Июля в 15 день пришла с Москвы почта, отпущенная июня от 17 числа, на которой присланы письма о воровстве бунтовщиков-стрельцов»{161}.

Эта опасная новость шла в Вену почти месяц. Что произошло в Москве за это время, никто не знал. Стрельцы могли повторить свой успех шестнадцатилетней давности, перебить бояр и выжечь Немецкую слободу; могло быть и напротив, что верные правительству войска уже подавили бунт; наконец, возможен был и третий вариант: ни одной из противостоявших друг другу сил не удалось достичь перевеса, и борьба продолжалась.

В этих условиях Петр принимает единственно правильное решение — сам отправляется к месту событий в Москву.

16 июля он пишет Ф.Ю. Ромодановскому: «Письмо твое, июня 17 дня писанное, мне отдано, в котором пишешь, что се мя Ивана Михайловича растет, в чем прошу быть вас крепких; а кроме сего, ничем сей огонь угасить не мочно. Хотя зело нам жаль нынешнего полезного дела (поездки в Венецию. — *Н.П.)*, однако сей ради причины будем к вам так, как вы не чаете»{162}. В этом кратком послании Петр изложил свою концепцию стрелецкого бунта, выросшего, по его убеждению, из семени И.М. Милославского, посеянного еще в 1682 году, и выразил намерение сурово, без пощады расправиться с бунтовщиками. Тон записки свидетельствует, что ненависть к стрельцам переливала через край и царь ехал в Москву с готовым решением относительно их судьбы.

О том, с какой поспешностью происходил отъезд Петра из Вены, свидетельствует и письмо Петра Лефорта своему отцу. В письме сын намеревался поведать о событиях, происшедших в последние дни, но неожиданно прервал плавное описание: «Вторник, в 10 часов. — Его царское величество приказал мне сегодня утром приготовиться ехать в полдень в Москву. Письма, нами вчера полученные, не позволяют дальнейшего здесь пребывания. Государь, генерал и я выезжаем в час, оставляя все наши дела».

Остается гадать: то ли секретарь Великого посольства не знал о причине внезапного отъезда в Москву, то ли опасался доверить

важную тайну письму.

Письмо из Москвы было получено 15 июля. Однако сесть в карету (кстати, уже подготовленную для путешествия в Венецию) Петр смог лишь 19-го числа. Это объяснялось тем, что ему было необходимо принять участие в прощальной аудиенции — в противном случае венский двор мог признать внезапный отъезд царя недружелюбным поступком. Аудиенция состоялась 18 июля. Накануне шел утомительный торг об этикете. Сторонам никак не удавалось договориться, но события в России вынудили Петра пойти на уступки, и прощальная церемония состоялась в соответствии с пожеланиями венского двора. Первый посол Лефорт вручил цесарю грамоты, дипломаты обменялись пустыми речами, после чего царя и послов пригласили на обед.

Выехать из Вены Петру удалось только на следующий день. Причины отказа от поездки в Венецию, равно как и само изменение маршрута, держались в глубокой тайне не только от венского двора, но и от большинства участников Великого посольства. В тайну были посвящены только доверенные лица. Свита отправлявшегося в Москву царя была скромной: его сопровождали Лефорт и Головин, четверо волонтеров, в том числе приобретавший все большую доверенность Петра Александр Меншиков, переводчик Петр Шафиров, лекарь и трое посольских служителей. Части Великого посольства во главе с третьим послом П.Б. Возницыным было поручено представлять интересы России на Карловицком конгрессе, которому надлежало договориться об условиях мира между Турцией и ее противниками: Австрией, Россией и Венецией. Остальным участникам Великого посольства велено ехать самостоятельно.

Еще находясь в Вене, Франц Лефорт просил мать и брата прислать к нему поскорее сына. Он был лишен возможности заехать в Женеву на пути в Вену, чтобы повидаться с родственниками, и потому хотел встретиться с сыном в столице Австрийской империи. Анри Лефорт действительно приехал в Вену со своим двоюродным братом Луи, но уже после того, как отец отправился в Москву. Вместо свидания с отцом ему пришлось довольствоваться родительским письмом, в котором Франц Яковлевич велел сыну возвращаться в Женеву. Вместе с письмом Анри Лефорт получил от отца шкатулку с ценными подарками: в шкатулке находились бриллиантовый аграф для шляпы, три пуговицы для нарукавников, кольцо с семью драгоценными камнями и турецкий кинжал, осыпанный бриллиантами{163}.

Между прочим, в письме старшего сына Ами Лефорта Луи к брату Петру от 19 июня 1698 года содержатся слова осуждения в

адрес дяди касательно его отношения к воспитанию сына. «Я хотел бы, чтобы мой дядя решился устроить своего сына в другое место, — писал Луи Лефорт, — поскольку очень пренебрегали его воспитанием, и он не знает, во что он вкладывает деньги…»

Первые три дня на пути в Москву Петр скакал день и ночь, останавливаясь только для обеда и смены лошадей, так что к утру 22 июля ему удалось преодолеть по плохой дороге 204 версты. Лишь на четвертые сутки царь остановился на ночлег. В этот день посол Возницын получил в Вене почту с известием о подавлении стрелецкого бунта. 24 июля курьеры Возницына догнали царя и сообщили ему эту новость. У Петру и его спутников появилась возможность осуществить ранее намеченный план и все-таки поехать в Венецию. Но царь не воспользовался ею. Позже, в «Гистории Свейской войны» Петр сам объяснял свое решение: «… В рассуждении то имел, что прочие стрельцы хотя сему бунту и неточны (непричастны. — *Н.П.)*, однако ж сумнение на них надлежало иметь… Того ради, опасаясь, дабы от прочих в небытии его, государством, паки какого замешания не было, неотменно продолжал путь свой в России»{164}.

О подавлении бунта стрельцов извещал Лефорта 30 июня 1698 года участник операции П. Гордон. Приведенное ниже письмо Гордона интересно тем, что проливает свет на его отношения к Лефорту. Как мы помним, поначалу Гордон покровительствовал Лефорту и помогал ему в продвижении по службе. Но по мере того как Лефорт возвышался и укреплялась его дружба с царем, отношения шотландца к женевцу становились все более прохладными. Гордон считал, что не Лефорт, а он, Гордон, достоин внимания царя, и ревниво наблюдал за пожалованиями, выпадавшими на долю своего соперника. Из письма же Гордона от 30 июня 1698 года явствует, что генерал, смирив гордыню, признавал первенство Лефорта: косвенно он обращался к нему с просьбой о его, Лефорта, посредничестве в оценке своих заслуг в подавлении бунта.

«…С прошедшей почты не мог о сем писать вашему превосходительству, — извещал Гордон адмирала, — за отсутствием оной, а только вкратце извещал его величество о том, что здесь случилось. После того учинили мы строгое розыскивание и произвели экзекуцию наипаче виновных. Предпочитаю, чтобы о службе моей в сем деле кто другой сказал или написал. Хвала Господу, что великий пожар в начале был выслежен и погашен. От души желаю, чтобы его величество и ваше превосходительство со всей свитой вскоре могли сюда прибыть. Прошу поведать всем находящимся там о моей усердной службе».

Более пространную, хотя тоже скудную, информацию о бунте Лефорт получил в двух письмах от служившего под его началом венецианца полковника Джордже Лимы{165}.

В первом из них, датированном 23 июня, Лима писал: «По случаю того, что у нас было восстание стрельцов, четыре полка без приказа пришли в Москву, я не захотел упустить возможность известить вас. Они намеревались убить Тихона Никитича (Стрешнева. — *Н.П.)*, князя Ивана Борисовича (Репнина. — *Н. П.)*, князя Федора Юрьевича (Ромодановского. — *Н.П.),* князя Михаила Григорьевича (Ромодановского. — *Н. П.*) и секретаря Стрелецкого приказа, а также писали прошение против вашего превосходительства. Но Божьей милостью мы выступили навстречу проклятому сброду — ваш полк, шестьсот человек, Преображенский полк, шестьсот человек, да Семеновский полк, шестьсот человек. И все три полка были у меня под командованием. Петр Гордон был лично с пятью сотнями людей. Мы встретили их далеко от Москвы, в сорока пяти верстах, монастырь зовется Воскресенским или, вернее, Новым Иерусалимом. По тем, которые не хотели сдаваться, мы стреляли из пушек и многих убили, а всех остальных взяли в плен».

В другом письме, 8 июля, Лима извещал об окончании розыска над стрельцами: «С прошлой почтой я сообщал вам о восстании стрельцов. Суд над ними уже завершен, некоторые посажены на кол, ста двадцати четырем отрубили головы, а остальных сослали в разные города под стражей, так что порядок вернется, а я прибыл в Москву с тремя полками 6-го числа сего месяца в добром здравии».

В тот же день Лефорту написал и Виниус: «Невозможно довольно описать злые и ужасные намерения, с коими знатные на Москву походом шли. Да только слава навеки Всевышнему, единый Он чудесным образом нас от того избавил и их самих низверг в ту яму, которую себе копали»,

О страхе, в котором жили обитатели Немецкой слободы, Лефорта извещала супруга, и мы уже имели случай процитировать ее письмо от 1 июля 1698 года в одной из предыдущих глав. «…Каждый день мы в ожидании смерти из-за угроз со стороны нечестных людей, которые хотели всех нас перебить, — писала Елизавета Лефорт. — Но по Божьей милости некоторые из них были наказаны, и я надеюсь, что Бог окажет нам милость, чтобы замыслы остальных были разоблачены до того, как они приведут их в исполнение… Вышедшая вперед наша армия еще не вернулась, и мы не знаем, когда возвратится».

Известие о подавлении бунта царь (а вместе с ним и Лефорт) получил тогда, когда путешественники проезжали окраиной

Кракова, не имея возможности полюбоваться архитектурой старинного города. Теперь острая нужда в том, чтобы спешно продолжать путь в Москву, отпала, появилось время для осмотра достопримечательностей. В местечке Величка в Польше царь спускался в соляные копи, преодолев 333 ступени, и там даже заночевал. В «Путевом журнале» Великого посольства читаем: «В 24 день (июля) поутру проехали город Краков и ехали позадь города, и проехав от города с полмили, стали в корчме и кушали. В полдень приехали в город Величку, в котором видели: кругом церкви ходили со крестами. Здесь великие заводы соляные. Ввечеру ходили в тое яму, из которой соль вынимают, зело глубоко, ходу вниз 333 ступени, а ступень — четверть аршина, внизу 3 церкви. Здесь ночевали».

Тридцать первого июля в Раве Русской царь встретился с польским королем и саксонским курфюрстом Августом II Сильным. У обоих монархов было много общего, а то, что их различало, не помешало хозяину и гостю воспылать взаимной симпатией.

Обмен мнениями о внешней политике Петр и Август вели с глазу на глаз, без свидетелей, так что польские вельможи даже не подозревали о предмете бесед. Оказалось, что у русского царя и саксонского курфюрста имеется общий недруг — Швеция. Вспоминая об этих доверительных разговорах почти четверть века спустя, Петр писал: «И так друг другу обязались крепкими словами о дружбе без письменного обязательства, и разъехалися, и взял государь путь свой к Москве». Как известно, эта встреча стала основой будущего союза против Швеции.

Насыщенные важными событиями три дня, совместно проведенные с Августом II, не нашли отражения в «Походном журнале», поскольку они составляли тайну обоих монархов. «Походный журнал» отметил лишь внешнюю сторону пребывания Петра в гостях у Августа II: «В 1 день (августа) десятник (Петр. — *Н.П.)* изволил смотрить скорому ученья конницу и пехоты. В 2 день было тож. В третий день в полдни отсель поехали. Десятник изволил сесть с королем в одной коляске, и приехали к месту Томашу, где поехали войско и тут в таборах кушали и были с 3 часа». Царь расстался с королем 4 августа «после кушанья».

В знак взаимной приязни русский царь и польский король в день расставания, 4 августа, поменялись платьями и шпагами, причем камзол Августа болтался на узкоплечей фигуре царя. Именнно в этом камзоле вечером 25 августа Петр со спутниками прибыл в столицу, где его не ждали и не встречали.

Глава десятая. ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ЖИЗНИ

Восемнадцатого июня 1698 года у Воскресенского Новоиерусалимского монастыря правительственным войскам под командованием боярина А.С. Шеина и генерала Патрика Гордона удалось *без* особого труда привести в повиновение четыре взбунтовавшихся стрелецких полка. Перед походом на Москву стрельцы клялись: «Умрем друг за друга; бояр перебьем, Кокуй (Немецкую слободу. — *Н. П.)* вырубим, а как будем на Москве, нас и чернь не выдаст». Однако ни стойкости, ни боевой выучки они под Новым Иерусалимом не проявили. Не помогли и обещания, которые стрельцы давали друг другу перед самым сражением: «Против большого полку ратных людей идти грудью напролом» и «хотя де и умереть, а к Москве идти». Четыре залпа из двадцати пяти пушек положили конец стрелецкому бунту, хотя урон стрельцов был невелик; 15 человек убитыми и 37 ранеными. Стрельцы сдались: «знамена преклонили, и ружье покинули, и били челом государю виною своею».

Командовавший верными правительству войсками боярин Шеин распорядился взять под стражу активных участников бунта «до его, великого государя, указу». Указ последовал через два дня: выборных в полках, «распрося, пытать накрепко, кто тому их воровству первые из них заводчики и к ним пристальцы». Под «выборными в полках» подразумевались стрельцы, занявшие должности вместо смещенных самими стрельцами командиров. Для них мера наказания была определена этим же указом еще до начали розыска — «казнить смертью при всех стрельцах».

В течение недели, с 22 по 28 июня, Шеин провел следствие, после которого было казнено 122 человека и 140 биты кнутом. Поспешно проведенный розыск все же обнаружил намерение стрельцов поднять на бунт гарнизоны, дислоцированные в Белгороде, Азове, Севске, а также перебить бояр в Москве. Причастность к бунту царевны Софьи, находившейся в заточении в Новодевичьем монастыре, розыск не установил. Следователей, по-видимому, удовлетворил ответ стрельцов на вопрос, почему они решили стать лагерем на Девичьем поле: «…для того, что они (стрельцы. — *Н.П.)* живут в близости».

Когда в Москве появился Петр, розыск и казни давно закончились. После экзекуций из четырех полков в живых остались 1987 стрельцов, которых скованными развезли по городам и монастырям. Царь, однако, считал, что следователи не

выяснили до конца целей выступления стрельцов и степени причастности к нему тех сил, которые он называл «семенем Милославского», а стрельцы понесли слишком мягкое наказание. Особенно недоволен он был поспешной казнью главарей бунта, которые, погибнув, унесли с собой тайны, более всего интересовавшие царя. Начался своз стрельцов в Москву, занявший около трех недель.

Взвинченный и раздраженный царь иногда взрывался по совершенно ничтожным поводам. Современник подробно описал скандал, учиненный Петром во время обеда у Лефорта. На обеде присутствовали бояре, генералитет, столичная знать рангом пониже и иностранные дипломаты, всего около пятисот человек. Когда гости рассаживались за столом, польский и датский дипломаты повздорили из-за места. Царь обоих громко назвал дураками, а затем, обращаясь к польскому послу, заметил: «В Вене на хороших хлебах я потолстел, но бедная Польша взяла все обратно». Уязвленный посол не оставил этой реплики без ответа. Он усомнился, что царь мог похудеть в Польше, ибо он, посол, там родился и вырос и тем не менее остался толстяком. «Не там, а здесь, в Москве, ты отъелся», — возразил царь. Едва наступившее умиротворение вновь было нарушено выходкой Петра. Он затеял спор с Шейным и стал упрекать генералиссимуса за то, что тот незаслуженно, за взятки, возвел многих в офицерское звание. Дошло до того, что Петр, ударяя обнаженной шпагой по столу, стал кричать Шеину: «Так поражу и истреблю я твой полк!» Князь Ромодановский, Никита Зотов и Лефорт бросились успокаивать Петра, но тот, размахивая шпагой, нанес Зотову удар по голове, а Ромодановскому порезал пальцы. «Воеводе (Шеину. — *Н.П.)* готовился далеко опаснее удар, — пишет свидетель этой сцены секретарь австрийского посольства И.Г. Корб, — и он, без сомнения, пал бы от царской десницы… если бы только генерал Лефорт (которому одному лишь это дозволялось) не сжал его в объятиях и тем не отклонил руки от удара». Однако на этот раз досталось и Лефорту: царь «напрягал все усилия вырваться из рук Лефорта и, освободившись, крепко хватил его по спине»{166}.

Все руководство розыском над стрельцами Петр взял в свои руки. «Я допрошу их построже вашего», — говорил он Гордону. Розыск начался 17 сентября 1698 года, и с этого дня непрерывно, кроме воскресных и праздничных дней, работали застенки. Всех стрельцов жесточайшим образом истязали с помощью дыбы, огня и палок.

Каждому стрельцу было задано пять вопросов. Три касались намерений, с которыми они шли в Москву («Хотели ли и

Немецкую слободу разорить и иноземцев, а на Москве бояр побить хотели ли?»; «Царевну Софью Алексеевну к себе во управительство имать хотели ли и по какой ведомости, по присылке ли от ней или по письму? И если бы царевна не пошла, кому бы у них быть во управлении?»). Остальные вопросы носили более или менее частный характер: царя интересовало, как бунтовщики поступили бы с солдатами Преображенского и Семеновского полков; как они намеревались поступить с самим царем, вернувшимся из-за моря: «Иметь ли его себе государем, или им жить было самовольно… или какой вор в начальники им был выбран?»{167}

Помимо стрельцов к следствию были привлечены царевны Софья и Марфа Алексеевны, а также приближенные к ним лица, которые, по мнению Петра, выполняли роль посредников в сношениях царевны Софьи со стрельцами. Окружение царевен подвергалось таким же пыткам, как и стрельцы. Однако надежды царя добыть прямые улики против Софьи не оправдались.

Царь питал иллюзорную надежду добиться признания у самой Софьи. Она тоже не избежала допроса, правда, без применения пыток. В роли следователя выступал сам Петр, который не встречался с сестрой с 1689 года. Петр устроил для Софьи очную ставку, взяв с собой на допрос пятисотенного Артемия Маслова и стрельца Василия Игнатьева. По их показаниям, главари бунта получили письмо от Софьи. Однако царевна все обвинения в свой адрес отклонила, чем вызвала острое раздражение брата. Царевну Марфу Алексеевну тоже допрашивал Петр, но и она решительно отвергла все обвинения{168}.

Еще не было завершено следствие, а уже 30 сентября начались казни стрельцов. Перед казнью им был объявлен указ с перечислением их вин: «В расспросе и с пыток все сказали, что было притить к Москве, и на Москве, учиняя бунт, бояр побить и Немецкую слободу разорить, и немцев побить, и чернь возмутить всеми четыре полки ведали и умышляли»{169}. Столица превратилась как бы в огромный эшафот, к которому свозили обреченных. Стрельцов вешали не только на специально сооруженных виселицах, но и на бревнах, вставленных в бойницы стен Белого города. Современник событий И.А. Желябужский записал: «По обе стороны сквозь зубцы городовых стен просунуты были бревна, и концы тех бревен загвожены были изнутри Белого города, а другие концы тех бревен выпущены были за город, и на тех концах вешаны были стрельцы». В октябре было совершено шесть массовых казней, причем 17 октября стрельцов не вешали, а отрубали им головы. В казнях участвовал и царь, он отрубил

головы пяти стрельцам и принуждал это делать бояр. Не обладавшие необходимой сноровкой бояре действовали неумело и лишь усиливали мучения казненных.

В общей сложности в конце сентября — октябре было казнено 799 стрельцов. Более половины из них казнили без следствия. Жизнь была сохранена лишь молодым стрельцам в возрасте от четырнадцати до двадцати лет.

Надлежит отметить, что Петр принуждал участвовать в казнях и Лефорта, а также еще одного иностранца, командира Преображенского полка Блюмберга. Оба, однако, отказались, заявив, что в их странах не принято частным лицам выступать в роли палачей. Лефорту удалось смягчить гнев своего августейшего приятеля и в отношении Софьи. Петр намеревался круто расправиться и с ней, однако Лефорт убедил царя, что ему не следует проливать кровь своих родственников, ибо этот его поступок вызовет осуждение как внутри страны, так и за ее пределами.

Чем занимался Франц Яковлевич в эти насыщенные драматизмом дни?

В его обязанности входило и участие в суде над стрельцами, и ведение дипломатических переговоров, и устроение многочисленных обедов, на которых неизменно присутствовал Петр. Но более всего Лефорта, надо полагать, заботило завершение строительства его дворца.

Согласно повелению Петра, дворец Лефорта должен был быть готов ко времени возвращения Великого посольства в Россию. Но поскольку посольство прибыло в Москву ранее намечавшегося срока, закончить работы не успели: во дворце велась внутренняя отделка помещений. К началу 1699 года часть покоев была готова к заселению, обставлена необходимой мебелью, зеркалами, картинами и всем прочим. 27 января 1699 года Франц Яковлевич отправил в Женеву послание с кратким описанием покоев дворца:

«Прежде всего упомяну о большой зале, по отзывам многих превосходно меблированной; другие четыре комнаты убраны не менее прекрасно, но в разном виде. Одна из них оклеена вызолоченной кожею и снабжена дорогими шкапами; во второй помещены весьма редкие китайские изделия; третья обита желтою шелковою тканью (камкою) и в ней кровать в три локтя вышины с пунцовыми занавесами; четвертая увешана, по желанию его царского величества, сверху донизу морскими картинами и убрана, начиная от потолка, моделями галер и кораблей.

Есть еще десять комнат, из которых четыре ждут своего богатого убранства. Кругом здания на галереях будет поставлено

до десяти малого размера пушек (в $^1/_2$ и в $^1/_4$ фунта пороха) и три батареи; одна из них, в тридцать орудий большого калибра, находится на противоположном берегу реки (Яузы) и обращена фронтоном к дому. До пятидесяти пушек поставятся еще вдоль прудов».

Артиллерия предназначалась для стрельбы во время торжественных празднеств. Первое из таких празднеств было связано с новосельем. Оно состоялось в январе 1699 года.

Более обстоятельные сведения об убранстве дворца можно извлечь из описи имущества Лефорта, составленной после его кончины по распоряжению Ф.А. Головина. Опись подтверждает слова Франца Яковлевича о превосходной меблировке комнат. В них в общей сложности находилось около семидесяти зеркал, множество разнообразной серебряной посуды: блюд, тарелок, блюдец, кружек, чашек, стаканов, кубков.

Комнаты были обставлены дорогой мебелью: кроватями, стульями, столами, диванами, креслами, подсвечниками. В описи было названо общее количество «морских картин», развешанных в одной из комнат, — тридцать одна картина в черных рамах, «да повешаны каторга, да четыре корабля».

Перечислены в описи постельные принадлежности, а также предметы туалета: одеяла, рукомойники, лохани. Отметим отсутствие в описи ножей и вилок, из чего следует, что гости пользовались во время угощений перстами.

Франц Яковлевич, по-видимому, был большим модником. В его гардеробе насчитывалось свыше сорока кафтанов разного цвета и покроя, изготовленных из разных материй, но почему-то небольшое количество штанов — всего пять.

Часть имущества, числившаяся за Лефортом, была передана после его смерти двору царевича Алексея Петровича: 50 стульев и кресел, две скатерти, 24 салфетки, 18 стремянных кубков. Кое-что перепало Меншикову: два кафтана суконные, два камзола, три китайских ковра, две китайские парчи, персона государя.

Вдова покойного получила два сорока соболей, соболье одеяло, 70 персидских овчин, 12 блюдечек, а также золотые вещи: запонки, чарки, стаканчики, золотую цепь, подаренную Лефорту Голландскими Штатами.

Из всего имущества, которым пользовался Франц Яковлевич, наиболее дорогим считалась серебряная посуда{170}.

Отметим, что, находясь в составе Великого посольства, Лефорт проявлял известную инертность и слабый интерес к строительству своего дворца. Основанием для подобного суждения являются письма к нему супруги, на которые не следовало ответов, то ли потому, что первый посол был

чрезмерно обременен заботами, то ли потому, что он вообще предпочитал пользоваться доставшимися ему благами, но не любил утруждать себя заботой об их добыче.

Первого июля 1698 года Елизавета Лефорт писала мужу: «Архитектор пишет вам, и он уже писал вам несколько раз, чтобы узнать, как вы хотите, чтобы он сделал кровлю, так как дворец достроили, и он не может отделываться внутри пока покрытия не будет. Он хочет знать, хотите ли вы кровлю из дерева или железа. Он еще не получил ответа на все свои письма».

Ответа не последовало, так как 22 июля Елизавета еще раз напомнила: «Относительно дворца я не раз писала вам о том, что архитектор здесь готов и что остается сделать одну кровлю. Но он не знает, хотите ли вы, чтобы ее сделали из дерева или железа. На этот счет вы мне не ответили до сих пор». В ожидании наступления дождливой погоды, «они теперь собираются дворец покрыть деревом». В третьем письме, отправленном 29 июля, новое напоминание: «Я не раз писала вам с просьбой дать приказ о том, чем вы хотите, чтобы покрыли дом — из железа или дерева». Не дождавшись ответа, супруга 5 августа известила Франца Яковлевича, что дворец «ныне достроен, работают над внутренними стропилами и кровлей, как можно больше». Думается, что приятель царя проявил безразличие не только к тому, какой кровлей будет покрыт его дворец, но и к прочим хозяйственным заботам. Во всяком случае, в источниках отсутствуют свидетельства о его интересе к этим вопросам.

Самая главная забота Петра после стрелецкого розыска состояла в строительстве флота в Воронеже. В первый раз после возвращения из-за рубежа Петр отправился в Воронеж 23 октября 1698 года. В этот воскресный день Лефорт устроил у себя праздник, на котором присутствовали иностранные дипломаты и бояре. В Воронеж царь прибыл 31 октября. Его взору представилась радостная картина, с которой Петр поспешил поделиться с Виниусом. «Мы, слава Богу, — писал он 3 ноября, — во изрядном состоянии нашли флот и магазейн обрели». В декабре царь возвратился в Москву, чтобы повторно отправиться к воронежским верфям 19 февраля 1699 года.

Все это время генерал-адмирал оставался в Москве. Известный биограф Лефорта Поссельт так пишет об этом: «Лефорт остался в Москве, частью для того, чтобы заняться отправкой на воронежские верфи флотских принадлежностей и организацией экипажа, частию по делам внешней политики. Кроме австрийского посланника находились в Москве посланники короля польского и датского, да ожидали еще посланника курфюрста Бранденбургского, который уже был в

пути. Наконец, для всех этих гостей Лефорт, как представитель царя, обязывался давать обеды и праздники, долженствовавшие быть тем блистательнее, что австрийский посол проявлял в этом отношении особенную пышность»{171}.

К сожалению, Поссельт не подтверждает ссылками на источники свое утверждение о том, что Франц Яковлевич в отсутствие царя занимался доставкой в Воронеж корабельных припасов и комплектованием экипажей. Но вот организация пиршеств действительно была возложена на него — как в то время, когда царь находился в Москве, так и в его отсутствие. На основе имеющихся источников можно составить хронологию приемов, устраиваемых Лефортом. А это, в свою очередь, тесно связано с течением болезни Франца Яковлевича, приведшей его к трагическому исходу.

4 сентября 1698 года «изволил государь кушать у генерала и адмирала Франца Яковлевича Лефорта на другом его дворе за рекой Яузой, — отметил «Статейный список» цесарского посла в России И. Х. Гвариента{172}.

25 сентября генерал Гордон отметил в «Дневнике», что присутствовал на пиру у Лефорта, где также был и царь.

4 октября Лефорт праздновал день своих именин. По свидетельству Корба, «Франц Яковлевич Лефорт отпраздновал день своих именин великолепнейшим пиршеством, которое почтил своим присутствием царь с очень многими из бояр». Корб отметил инцидент во время пира: царь за какой-то проступок разгневался на дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцева. Тот попытался добиться помилования «самой крайней степенью унижения», но это ни к чему не привело, равно как и ходатайство за провинившегося присутствовавших бояр. И только Лефорту удалось уговорить царя сменить гнев на милость{173}.

8 октября царь после допроса сестры Марфы снова обедал у Лефорта.

16 октября цесарский посол Гвариент устроил прием, на котором присутствовали аккредитованные в Москве дипломаты, а также российская элита. Среди гостей находился и Лефорт. В пиршестве участвовали дамы-иностранки, в том числе вдова Монс и ее дочь Анна, фаворитка царя. «Этот пир, — заметил Корб, — отличался изысканными произведениями кухни и драгоценностями погреба, изобилующими разными винами, ибо тут было токайское, красное бургундское, испанский сек, рейнское, французское красное, не то, которое обыкновенно называется мускат, разнообразный мед, различные сорта пива, а также в довершение всего неизбежная у москвитян водка»{174}.

20 октября происходила официальная церемония въезда

Великого посольства в Москву — естественно, при самом непосредственном участии первого посла.

23 октября Петр, как мы знаем, отправился в Воронеж. По этому случаю он велел Лефорту устроить пир, на который были приглашены не только знатные мужчины, но и их жены, а также дамы-иноземки. Гордон отсутствовал из-за болезни, однако отметил в своем «Дневнике»: «Был большой пир у генерала Лефорта»{175}.

В Москву из Воронежа Петр прибыл 20 декабря. На следующий день, 21 декабря, Лефорт устроил пир, о котором с восторгом отзывался Корб: «Генерал Лефорт устроил великолепный пир, на котором принял, кроме царя, двести самых знатных гостей».

Во время пира произошла ссора, вызвавшая гнев царя, — Л.К. Нарышкин и князь Б.А. Голицын заспорили между собой о месте за столом. Лефорт и на этот раз попытался успокоить царя, однако его попытка не удалась: царь «оттолкнул его от себя сильным ударом кулака». Этот эпизод вновь свидетельствует о том, что даже любимец не всегда мог укротить Петра.

В канун Рождества выполз из своих покоев «Всешутейший и всепьянейший собор», разъезжавший по Москве и Немецкой слободе. «Все они заезжали к богатым москвитянам, иноземным офицерам и купцам и поют хвалу родившемуся Богу, причем хозяева должны платить за эту музыку дорогой ценой. Когда они пропели славословие в честь родившегося Бога у генерала Лефорта, он угостил всех более приятной музыкой, пиршеством и танцами»{176}.

В новом, 1699 году Франц Яковлевич продолжал устраивать пиршества, хотя уже в феврале этого года дала о себе знать вновь открывшаяся рана. В письме Петра Лефорта отцу, отправленном 3 февраля, обнаруживаем следующий текст: «Мне грустно известить вас, что дядя мой, генерал, снова болен своими прежними ранами: они опять начинают мучить его, и есть опасение, чтобы раны не открылись. Дай Бог, чтобы это не имело дурных последствий».

Казалось бы открытие раны должно было заставить Франца Яковлевича воздержаться от употребления горячительных напитков и вернуться к режиму, который был предписан ему докторами еще в 1695—1696 годах. Но не тут-то было. Вопреки здравому смыслу, как бы бросая вызов болезни, Лефорт именно в феврале организует целый ряд попоек, следовавших одна за другой.

11 февраля 1699 года состоялось одно из продолжительных пиршеств — шутовское освящение законченного постройкой

дворца Лефорта. Это действие описал Корб: «Мнимый патриарх со всей толпой своею веселого клира освятил с торжественным празднеством в честь Вакха дворец, выстроенный на царский счет, который покамест именуется Лефортовым; шествие в этот дворец направилось из дома полковника Лимы. Что патриарх присвоил себе именно этот почетный сан, свидетельствовали его одеяния, подобающие первосвященнику: на его митре красовался Вакх полной наготой, напоминающий глазам о распутстве; украшениями посоха служили Купидон и Венера, так что сразу было известно, какое стадо у этого пастыря. Одни несли большие чаши, наполненные вином, другие — мед, третьи — пиво и водку, верх славы пламенного Вакха. Так как в силу зимней стужи они не могли увенчать чело свое лаврами, то несли чаши, наполненные высушенным на воздухе табаком. Зажегши его, они обошли все углы дворца, испуская из дымящихся уст весьма приятный запах и угодное Вакху курение. Положив поперек одну на другую две трубки, привычкой втягивать дым, из которых тешится даже самое небогатое воображение, комидийный архиерей совершил торжество освящения. Кто поверит, что составленный таким образом крест, драгоценнейший символ нашего искупления, являлся предметом посмешища?»{177}

Пиршество продолжалось долго, причем его участникам «не позволялось уходить спать в собственные жилища. Иностранным представителям отведены были особые покои и назначен определенный час для сна, после которого устраивалась смена, и отдохнувшим надо было в свою очередь идти в хороводы и прочие танцы. Один из министров ходатайствовал перед царем об его любимце Александре (Меншикове. — *Н.П.),* чтобы возвести его в звание дворянина и сделать стольником. На это, говорят, его царское величество ответил: “И без этого уже он присвояет себе неподобающие ему почести, его честолюбие следует унимать, а не поощрять”».

Не успели отдохнуть от тяжкой церемонии освящения дворца, как 16 февраля «по царскому указу, — продолжает свой рассказ Корб, — генерал Лефорт великолепно угостил всех тех, кто занимает наиболее важные должности в канцеляриях».

19 февраля 1699 года — новое пиршество, связанное с прощальной аудиенцией бранденбургского посла Принцена и вручением верительных фамот резидентом курфюрста. «На этот обед, — повествует Корб, — устроенный с большой роскошью, собрались послы иностранных государей и первые из бояр. По окончании пиршества думный Моисеевич (Н.М. Зотов. — *Н.П.)*, изображавший из себя по воле царя патриарха, начал предлагать пить за здравие. Пьющему надлежало, преклонив смехотворно

колени, чтить лицедея церковного сана и испрашивать у него благодать благословения, которое тот даровал двумя табачными трубками, сложенными наподобие креста». Корб заканчивает описание рассказом о том, что «царь простился со всеми и несколько смущенный известием о заключении мира союзниками (Карловицкого. — *Н.П.*), отправился в путь среди звуков труб и приветственной пушечной пальбы»[{178}].

Последняя попойка, зарегистрированная источниками, состоялась 22 февраля 1699 года. Ее также запечатлел в своем «Дневнике» Корб: «Послы датский и бранденбургский много пили с генералом Лефортом под открытым небом, пользуясь приятным вечером, и прямо из его дома отправились в Воронеж».

Отметим, что Лефорт употреблял горячительные напитки конечно же не только во время перечисленных выше празднеств. Он держал открытый стол, и, надо полагать, хозяин и его гости прикладывались к спиртному ежедневно. Так что кажущееся сомнительным утверждение Б.И. Куракина о том, что в доме генерала происходило «пьянство великое», подтверждается источниками. Вне всякого сомнения, это способствовало обострению болезни Лефорта. Четыре пиршества подряд — 11, 16, 19 и 22 февраля — на наш взгляд, не могли не отразиться на здоровье Лефорта и сократили его путь к могиле.

«Дневник» И.Г. Корба прослеживает течение болезни Франца Яковлевича по дням. (Отметим, что записи в «Дневнике» обозначены новым стилем.)

5 марта: «Генерал Лефорт почувствовал дрожь и лихорадочный жар.

10. В эти дни опасность болезни господина Лефорта беспрестанно увеличивалась. Горячка становилась сильнее, и больной не имел ни отдыха, ни сна; не владея вполне, вследствие болезни, здравым рассудком, он нетерпеливо переносил страдание и впадал в бред. Наконец, музыканты, играя по приказанию врачей в его комнате, усыпили его приятными звуками инструментов.

11. Генерал Лефорт почти совершенно потерял рассудок и своим бредом подает повод к постоянным о том россказням. То он призывает музыкантов, то кричит, чтобы подали вина. Когда напомнили ему, чтобы он пригласил к себе пастора, то он начал еще более бесноваться и никого из духовных лиц к себе не допустил.

12. Генерал-адмирал Лефорт скончался в три часа утра (2 марта по старому стилю. — *Н.П.)*. После кончины его много было разных толков, но об их достоверности нельзя сказать ничего положительного. Говорят, когда пришел к нему реформаторский

пастор Штумпф и стал много объяснять ему о необходимости обратиться к Богу, то Лефорт только отвечал: “Много не говорите!” Перед его кончиной жена просила у него прощения, если когда-либо в чем против него провинилась. Он ей ласково ответил: “Я никогда ничего против тебя не имел, я тебя всегда уважал и любил”; при этом он несколько раз кивнул головой; и так как он более ничего не сказал, то полагают, что этим он делал намек на какие-то посторонние связи. Он особенно препоручил помнить о его домашних и их услугах и просил, чтобы им выплатили верно их жалованье. За несколько дней до его смерти, когда он лежал еще в чужом доме по привычке, которая была приятна его сердцу, послышался ужасный шум в его комнате. Жена, испугавшись и думая, что муж, вопреки своему решению возвратившись в свой дом, там так бесновался, послала узнать об этом. Но те, которые ходили по ее повелению, объявили, что никого в его комнате не видели. Однако же шум продолжался, и если верить жене покойного генерала, то на следующий день, ко всеобщему ужасу, все кресла, столы и скамейки, находившиеся в его спальне, были опрокинуты и разбросаны по полу, в продолжении же ночи слышались глубокие вздохи.

Немедленно послан был в Воронеж нарочный с известием к царю о кончине генерала Лефорта»{179}.

Корб занес в свой «Дневник», наряду с достоверными сведениями, и ходившие по Москве слухи о последних днях жизни Лефорта. Больше доверия вызывают сведения, приводимые племянником покойного Петром Лефортом, а также Ф.А. Головиным, бывшим приятелем умершего, поскольку оба они имели доступ в покои, где агонизировал и скончался Франц Яковлевич. Петр Лефорт отправил отцу два письма. В первом, датированном 1 марта, читаем: «Многоуважаемый батюшка! Пишу вам в комнате г. генерала, моего дяди, о котором сообщаю вам, что он лежит больной очень сильной лихорадкой. Сегодня седьмой день, но нет ни малейшей надежды на его выздоровление».

Восьмого марта П. Лефорт известил отца о кончине дяди: «На следующую ночь после отсылки моего предыдущего письма Господь решил его судьбу Болезнь моего дяди длилась семь дней и в ночь на восьмой, т. е. 2 марта утром, в 2 часа, он умер. В течение семи дней мы не слыхали от него ни одного произнесенного им в здравом рассудке слова: до последнего слова он лежал в сильнейшем бреду. Проповедник был беспрерывно при нем, и он время от времени ему говорил, но все очень невнятно; и только за час до кончины он потребовал, чтобы прочли молитву»{180}.

О кончине Франца Лефорта Петра известили Ф.А. Головин и Б.А. Голицын. Ф.А. Головин писал Петру: «При сем тебе, государю, известную, что марта в первый день в ночи, часа за четыре до свету, Франца Яковлевича не стало». Б.А. Голицын тоже известил царя о смерти Лефорта: «Писать боле, государь, и много ноне отставил для сей причины, либо изволишь быть. С первого числа марта в восьмом часу ночи Лефорт умре, а болезнь была фебра малигна, и лежал семь дней, а лечил Субота, да Еремеев, и кровь пущали».

Получив известие о кончине друга, Петр помчался в Москву, куда прибыл 7 марта. Корб занес в «Дневник» следующую запись: «Царь вернулся из Воронежа, узнав о смерти горячо любимого им генерала Лефорта. Лица, бывшие при царе, когда он получил известие о смерти, утверждали, что он принял его так же, как если бы ему сообщили про кончину отца. Неоднократно вырывались у него стенания, и, обливаясь слезами, он произнес следующие слова: “Нет уже у меня надежного человека; этот один был мне верен; на кого могу я положиться впредь”». Историки Н.Г. Устрялов и М.М. Богословский не без основания сомневались в подлинности этих слов царя; очень вероятно, что Корб принял обычное причитание о покойном за подлинную оценку утраты. Однако не подлежит сомнению, что Петр глубоко переживал потерю друга. Тот же Корб заметил, что царь, будучи на обеде у боярина Б.П. Шереметева 9 марта, «был все время взволнован, так как истинная душевная скорбь не давала ему никакой возможности успокоиться»{181}.

Похороны Лефорта были назначены на 11 марта (21-е по новому стилю). «Все представители иностранных держав, приглашенные участвовать в погребении покойного генерала Лефорта, — повествует Корб, — явились в его дом в печальном платье. Вынос назначен был в восемь часов утра, но пока согласились касательно разных обстоятельств и делались нужные приготовления, то уже солнце дошло до полудня…»

По обычаю жителей Немецкой слободы, похоронам предшествовала трапеза. На столах стояли блюда с разными породами рыб, сыр, масло, яйца, кружки с винами. «Русские, из которых находились там, по приказанию царя, все знатнейшие по званию или должности лица, бросались к столам и с жадностью пожирали яства… — продолжал Корб. — Князь Шереметев считал недостойным себя обжираться вместе с прочими, так как он, много путешествуя, образовался, носил немецкого покроя платье и имел на груди мальтийский крест. Между тем пришел царь. Вид его был исполнен печали. Скорбь выражалась на его лице… Когда Лев Кириллович (Нарышкин, дядя царя. — *Н.П.)*, встав со своего

места, поспешил навстречу царю, он принял его ласково, но с какой-то медленностью. Он некоторое время подумал, прежде чем наклонился к его поцелую.

Когда пришло время выносить гроб, любовь к покойнику царя и некоторых других явно обнаружилась: царь залился слезами и перед народом, который в большом числе сошелся смотреть на погребальную церемонию, напечатлел последний поцелуй на челе покойника».

Подобной церемонии похорон не удостаивался никто ни из бояр, ни из служилых иноземцев. Одетый в глубокий траур Петр следовал во главе первой роты Преображенского полка, далее шли Семеновский и Лефортов полки с траурной музыкой. За полками ехал черный рыцарь с обнаженным мечом, за ним вели двух богато убранных коней.

Далее 28 полковников несли гроб покойного. Впереди гроба шли офицеры, державшие на бархатных подушках золотые шпоры, пистолеты, шпагу, трость и шлем. За гробом следовал племянник Петр Лефорт в окружении иностранных дипломатов, бояр и царедворцев в траурных одеждах, за ними шла вдова покойного Елизавета Лефорт в сопровождении двадцати четырех женщин из знатных фамилий.

Траурная церемония направилась в реформатскую церковь, где пастор произнес надгробную речь. Оттуда гроб с телом был отнесен на немецкое кладбище и положен в заранее приготовленный склеп, следы которого давным-давно утрачены, так что местонахождение могилы до последнего времени не было установлено.

Корб повествует об инциденте, якобы произошедшем во дворце Лефорта после погребения: «Едва вышел царь, как бояре тоже поспешно начали выходить, но, сойдя несколько ступеней, заметили, что царь возвращается, и тогда все они вернулись в дом. Торопливым своим удалением заставили бояре подозревать, что они радовались по поводу смерти генерала, что так раздражало царя, что он гневно проговорил к главнейшим боярам: “Быть может, вы радуетесь его смерти? Его кончина большую принесла вам пользу? Почему расходитесь? Статься может, потому что от большой радости не в состоянии доле притворно морщить лица и принимать печальный вид?”».

Впрочем, Поссельт оценил это свидетельство Корба как «злонамеренные россказни», и с этой оценкой приходится согласиться.

Кончина Франца Яковлевича Лефорта нашла отклик и за пределами России. Бургомистр Амстердама Витсен, с которым успел подружиться Лефорт во время своего пребывания в

Голландии, писал родственникам покойного в Женеву: «Я получил уведомление, что Бог воззвал к себе генерала и адмирала, вашего брата, моего короткого друга. Он находился на высшей степени милости у его царского величества, был им любим более, нежели кто-нибудь, и уважаем всею московскою нацией; он был опорою религии, защитником иноземцев, преимущественно евангелических, которые чтили его как отца. Скорбею о вашей утрате и о нашей. При таком ударе судьбы я еще не в состоянии обсудить, куда всего целесообразнее было бы отправить его сына для окончательного воспитания; предварительно следует узнать намерения его величества, который, несомненно, позаботится о нем».

Французские и голландские газеты также не преминули известить своих читателей о кончине Лефорта.

Попробуем ответить на вопрос: какая же болезнь свела в могилу Франца Яковлевича?

Единого ответа на этот вопрос нет. И это неудивительно — больной скончался несколько веков назад, медицинское заключение о причине смерти отсутствует, что дает основание для существования различных версий. Так, С.М. Соловьев, опираясь на свидетельство И.Г. Корба о том, что Лефорт провел вечер 22 февраля в компании с датским и бранденбургским послами на открытом воздухе, предположил, что Франц Яковлевич простудился и занемог. Но бурное течение болезни, давшей о себе знать уже на следующий день, не дает повода для того, чтобы согласиться с мнением маститого историка XIX столетия.

Убедительнее выглядит суждение эскулапов Медицинской академии в Петербурге, объясняющих смерть Франца Лефорта следствием гнойной раны после падения с лошади осенью 1695 года. Рана вела себя в зависимости от поведения больного — гной вытекал из нее с различной степенью интенсивности, а сама она то вызывала нестерпимую боль, то на время затихала.

Вспомним о крайне тяжелом состоянии больного во время второго Азовского похода. Врачи запретили тогда Лефорту употреблять горячительные напитки, и Франц Яковлевич в течение года выполнял их предписания. Но затем почувствовал облегчение и в 1697 году нарушил запрет. Это вызвало обострение болезни. 5 марта 1697 года Петр Лефорт писал своему отцу, что болезнь дяди стала причиной задержки с отъездом Великого посольства из Москвы: «Надеюсь, что наш отъезд состоится на этой неделе. Недомогание моего дядюшки явилось причиной задержки, поскольку мы уже давно должны были отправиться в путь».

Находясь в дороге, Лефорт не воздерживался от спиртного. «Мы часто пьем за ваше здоровье», — писал он в январе—феврале 1698 года находившемуся в Англии царю. Франц Яковлевич жаловался на отсутствие в Амстердаме «доброго вина» и многократно просил царя прислать «питья доброго».

В январе 1698 года Франца Лефорта навестил в Амстердаме его брат Жан. 23 января он извещал своих родственников в Женеве: «…Он (Ф. Лефорт. — *Н.П.)* очень изменился, в смысле толщины он больше и толще моего брата аудитора (Ами Лефорта. — *Н.П.)*. Но он себя не чувствует очень хорошо». Это подтверждал и племянник Петр, писавший отцу 18 апреля 1698 года: «Я вижу жизнь, которую он (Ф. Лефорт. — *Н. П.)* ведет; невозможно, чтобы он прожил долго, поэтому я должен сам себя поддержать без его помощи». Правда, сам Франц Яковлевич писал матери из Амстердама 3 февраля 1698 года: «Болезни, кои перенес я в столь отдаленной земле и даже с великой опасностью для жизни, лишили меня надежды свидеться с людьми, наипаче мне любезными. Но понеже по милости Божией даровано мне было совершенное здравие и благополучное путешествие до сего места, то нисколько не сомневаюсь, что смогу обнять некоторых из тех, кого так часто желало мое сердце»[{182}]. Но слова его о «совершенном здравии», вне всякого сомнения, предназначались лишь для ушей матери и должны были успокоить ее.

Из приведенных свидетельств источников для читателя становится очевидной прямая связь между пиршествами и обильными возлияниями, с одной стороны, и обострением болезни — с другой. Самым ярким подтверждением этому служат февральские застолья, обострившие болезнь и приведшие к летальному исходу. К установленной медиками причине смерти Лефорта (гнойная инфекция) надлежит прибавить и его увлечение горячительными напитками, что ослабляло сопротивляемость организма и ускорило смерть больного.

Осталось коротко упомянуть о судьбе родственников Франца Лефорта. Мать его скончалась через год после сына в восьмидесятилетнем возрасте. Историки не располагают сведениями о времени смерти вдовы Франца Яковлевича Елизаветы Лефорт. Как уже говорилось выше, в 1727 году она еще была жива и затеяла тяжбу с племянником покойного супруга генерал-майором Петром Лефортом.

Биограф Лефорта Поссельт отметил деталь, свидетельствующую о том, что у вдовы не сложились отношения ни со свекровью, ни даже с сыном Анри. «Вдова Лефорта уже не писала более ни к свекрови, ни к деверю Ами Лефорту, и после половины июня не отыскалось писем даже к сыну». И это

несмотря на то, что Ами Лефорт утешал вдову сочувственными словами после смерти мужа: «Впрочем, у вас есть сын, который постарается идти по следам своего отца: он здоров телом, разумен, хорошо учится и с каждым днем приобретает более и более знаний».

Вероисповедание сына явилось яблоком раздора между супругами, и слухи об их возможном разводе имели под собой некоторое основание. С возрастом Елизавета Лефорт превратилась из ревностной католички в настоящую фанатичку, и отправка Анри из Москвы в Женеву на попечение бабушки объяснялась не чем иным, как желанием Франца Лефорта положить конец пагубному, с его точки зрения, влиянию матери на сына.

Предполагалось, что двенадцатилетний Анри Лефорт будет находиться в Женеве три года, после чего возвратится в Москву. Однако Франц Яковлевич не спешил вызывать сына в Россию. Видимо, Анри Лефорт не питал нежной любви к матери. 22 июня 1698 года та жаловалась Петру Лефорту: «Я не знаю, что сказать о том, что мой сын больше не пишет. Я больше никакого письма оттуда (из Женевы. — *Н.П.)* не получаю. Когда вы напишете им, посоветуйте им написать мне немного». Впрочем, не забыла Елизавета Лефорт попросить племянника мужа сделать нужные для нее покупки: «Сделайте мне одолжение, купите мне черный шарф из кружева без тафты, перчатки и еще что-нибудь по вашему усмотрению… Я бы хотела также иметь одну или две шелковые рубашки»{183}.

Месяц спустя Елизавета отправила письмо супругу, находившемуся в Вене: «Вы пишете мне о том, что вы получили письмо от господина вашего брата и что наш сын здоров, так же как и госпожа ваша мать. Я очень удивляюсь тому, что они сами не пишут. Вы пишете мне также о том, что вы хотите послать его (сына. — *Н.П.)* к Бранденбургскому двору, и я удивляюсь тому, что вы не желаете видеть его до своего возвращения сюда. Я надеюсь, что вы когда-нибудь позовете его сюда для того, чтобы мы смогли увидеть его, так как вы обещали мне, что он останется за границей только три года, а ныне пошел четвертый год. Поэтому я прошу вас помнить о своем обещании»{184}.

Но сам Франц Яковлевич строил совсем другие планы относительно своего сына. 22 июня 1698 года он извещал матушку: «Изволили вы мне писать, что желаете оставить моего сына при себе. С превеликим удовольствием сделаю все, что будет вам по нраву. Соблаговолите отпустить его сюда. Его царское величество повелели ему выезжать. Прежде всего — время торопит. Быть может, отсюда он поедет со мною в Венецию,

а оттуда — в Женеву, где позаботятся вернуть его вам, учинив то по вашему желанию, до тех пор пока не выхлопочу ему места при Бранденбургском дворе. Я вовсе не хочу, чтобы он возвращался к своей матери, покамест довольно не укрепится в его вере».

Синдики и сенат Женевской республики 11 июля 1698 года извещали Петра I о том, что опекаемый ими Андрей Лефорт не зря провел три года в Женеве: «Во все время, в которое оный благороднейший юноша здесь для многих причин обретаясь, был нам весьма приятен и любезен. Ибо не только превосходные дарования, которые в нем с самого юношества уже весьма много блистают, и возрастающий его разум, показывающий способность к великим делам, приобрели нашу к нему любовь; но наипаче был он у нас в особливом уважении потому, что ваше царское величество нам его рекомендовали и сами его содержите в вашей милости». Трудно в точности определить, действительно ли юноша проявил блистательные способности «к великим делам» или отзыв о нем отражает стремление угодить царю. Несомненно одно — пятнадцатилетний юноша не мог проявить всех достоинств, о которых говорится в грамоте синдиков и сената.

Андрею (Анри) Лефорту не довелось побывать в Венеции, поскольку поездка туда Великого посольства не состоялась. Не был отправлен он и в Бранденбург. Анри Лефорт вновь оказался на попечении бабушки, а после ее кончины в 1700 году — скорее всего, под надзором дяди Ами. В конце 1701 года Анри Лефорт отбыл из Амстердама в Архангельск, а оттуда в Москву Он был очень милостиво встречен царем и поселен в новом дворце своего покойного отца. Царь объявил Андрея Лефорта наследником дворца и вотчин.

Первое письмо из Москвы в Женеву Андрей Францевич отправил 12 января 1702 года. В нем он извещал родных о своей крайней загруженности: «…Я не мог быть господином своего времени, потому что всякое утро должен был отправляться или к его величеству, или к знатным боярам, а потом, после обеда, приезжали ко мне с визитами разного рода особы. И так идет с раннего утра до позднего вечера. У меня не достает даже времени на развлечения, как то было в Женеве. Благодарение Богу, его величество оказывает мне высокое расположение».

К сожалению, надежды Петра I на то, что сын Франца Лефорта станет продолжателем рода знаменитого отца, не оправдались. Прибыв в Россию по повелению Петра, Анри Лефорт всюду сопровождал его на театре военных действий. Он присутствовал при взятии шведской крепости Нотебург (получившей название Шлиссельбург), участвовал в осаде Ниеншанца. В Нотебурге Андрей Лефорт заболел горячкой и

скончался 28 апреля 1703 года.

Таким образом, род Лефортов в России, основателем которого был Франц Яковлевич Лефорт, со смертью его единственного сына пресекся.

Однако имя Лефорта осталось в памяти народа, как и в истории Москвы и всей России. Это имя носят улица, площадь, набережная, мост через Яузу и целый район столицы. Главным архитектурным памятником этого района является Лефортовский дворец, построенный Петром Великим для своего любимца. В настоящее время здесь размещается Российский государственный военно-исторический архив.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Виноградов И.И. Житие Франца Яковлевича Лефорта, женевского гражданина, российского генерала и адмирала… СПб., 1799.

Голиков И.И. Историческое изображение жизни и всех дел славного женевца Франца Яковлевича (Франциска Иякова) Лефорта… и знаменитого шотландца… Патрика Гордона. М., 1800.

Бантыш-Каменский Д.Н. Франц Яковлевич Лефорт // Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого. М., 1812. Ч. 1. С. 1—10.

Бантыш-Каменский Д.Н. Лефорт Франц Яковлевич, генерал адмирал // Словарь достопамятных людей Русской земли. СПб., 1847. Ч. 2. С. 269-291.

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 2.

Соловьев С. М История России с древнейших времен. Кн. 7. Т. 14. М, 1960.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 8. СПб., 1867.

Поссельт М. Генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорт. Его жизнь и его время // Военный сборник. 1870. № 7—12; 1871. № 1—3.

Поссельт М. Адмирал русского флота Ф.Я. Лефорт и начало русского флота // Морской сборник. 1893. № 3.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887.

Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890.

Мышлаевский А. З. Въезд в Россию Франца Лефорта // Русская старина. 1898. № 3. С. 635-649.

Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906. С. 252-253.

Корсакова В. Лефорт Франц Яковлевич // Русский биографический словарь. [Т. 10]: Лабзина — Ляшенко. СПб., 1914. С. 347—362.

Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 1—5. М.; Л., 1940-1948.

Бакланова К. А. Великое посольство за границу в 1697—1690 гг. // Петр Великий. Сб. статей. М.; Л., 1947.

Бабкин А. Письма Франца и Петра Лефортов о Великом посольстве // Вопросы истории. 1976. № 4. С. 120—132.

Бабкин А. Новые документы о Петре Первом // Новый журнал. Нью-Йорк, 1985. № 158. С. 174-194.

Веневитинов М.А. Русские в Голландии. Великое посольство 1697— 1698 гг. М., 1987.

Голландцы и русские. Из истории отношений между Россией и Голландией. Каталог выставки. Гаага, 1989.

Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994.

Павленко Н.И. Петр I. М., 2000 (серия «ЖЗЛ»).

Павленко Н. П., Дроздова О. Ю., Колкина И.И. Соратники Петра. М,, 2001 (серия «ЖЗЛ»).

Ковригина В.А. Немецкая Слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII в. М., 1998.

Франц Лефорт: Страницы истории. М., 1999.

Дроздова О.Ю. Франц Лефорт // *Павленко Н. И., Дроздова О. Ю., Колкина И.Н.* Соратники Петра. М., 2001 (серия «ЖЗЛ»). С. 13-68.

Гузевич И. Д., *Гузевин Д.Ю.* Болезнь и смерть Франца Лефорта //Петровское время в лицах. СПб., 2004. С. 63—106.

Гуськов А.П. Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005.

Лефорт Ф. Сборник материалов и документов / Сост. Т.А. Лаптева, Т.Б. Соловьева; вступ. ст. М.Р. Рыженкова; отв. ред. Е. Е.Лыкова. М., 2006.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ Ф.Я. ЛЕФОРТА

1656, 2 января — родился в Женеве, в семье Жака (Якова) и Франциски Лефортов.

1671 — поступает в роту Марсельского гарнизона. Вскоре по настоянию отца возвращается в лоно семьи.

1673/74 — поступает на военную службу. Участвует в осаде крепости Граве в Голландии.

1675, 4 сентября — прибывает в Архангельск в составе группы офицеров

во главе с полковником Яковом фон Фростеном. Пятимесячное пребывание в Архангельске.

1676, 26 февраля — прибывает в Москву и является в Посольский приказ. Поселяется в Немецкой слободе.

1678, 22 шюля — женитьба на Елизавете Суэ.

10 августа — зачислен на военную службу в чине капитана.

1679 — переезд в Киев, участие в походах против турок и крымцев.

1681—1682 — получает отпуск и едет в Женеву.

1683, 29 шюня — произведен в чин майора.

29 августа — произведен в чин подполковника.

1687 — участвует в первом Крымском походе.

10—12 шюля — произведен в чин полковника.

1689 — участвует во втором Крымском походе.

Август — сентябрь — бегство Петра I в Троицесергиев монастырь. Лефорт приводит свой полк к Троице и поступает в распоряжение Петра. Начало сближения с Петром.

1690, 18 февраля — произведен в чин генерал-майора.

1691, сентябрь — произведен в чин генерал-лейтенанта.

1693 — сопровождает царя в первом походе к Архангельску

29 шюня — произведен в чин полного генерала.

1694 — сопровождает царя во втором походе к Архангельску.

Сентябрь — октябрь — участие в Кожуховских маневрах.

1695 — участие в первом Азовском походе. Во время отступления Лефорт упал с лошади и получил рану, которая стала причиной тяжелой болезни, продолжавшейся до самой кончины. По возвращении из похода Лефорт получает чин адмирала не существующего еще русского флота.

1696 — участие во втором Азовском походе.

1697, март — отбытие Великого посольства в Европу. Лефорт назначен первым послом Великого посольства с титулом

наместника Великого Новгорода.

1697—1698 — Лефорт в составе Великого посольства посещает Лифляндию, Курляндию, Бранденбург, Голландию, Австрию, Речь Посполитую.

1698, 25 августа — Петр в сопровождении Лефорта и нескольких других

лиц возвращается в Москву. Начало розыска над стрельцами.

1699, 2 марта — смерть Лефорта.

11 марта — похороны.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Франц Лефорт. С гравюры П. Шенка. 1698

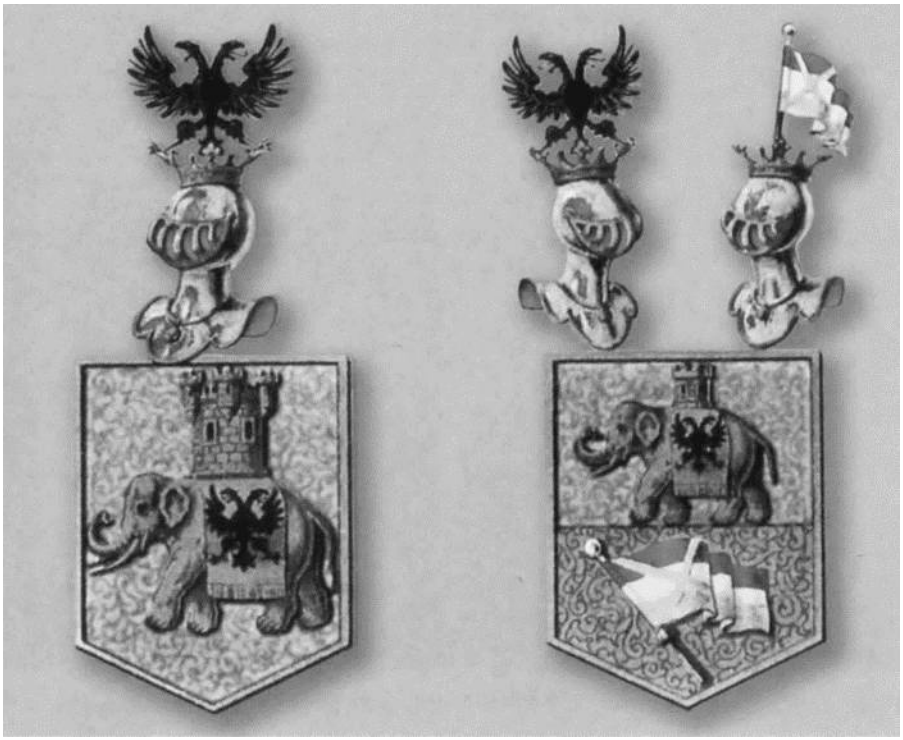
Петр I. Гравюра П. Гунста с портрета Г. Кнеллера. 1697

Царевна Софья Алексеевна

Василий Васильевич Голицын

Новая иноземная слобода в Москве. Рисунок Мейерберга. 60-е гг. XVII в.

Франц Яковлевич Лефорт в адмиральском мундире. Литография 1864 г.

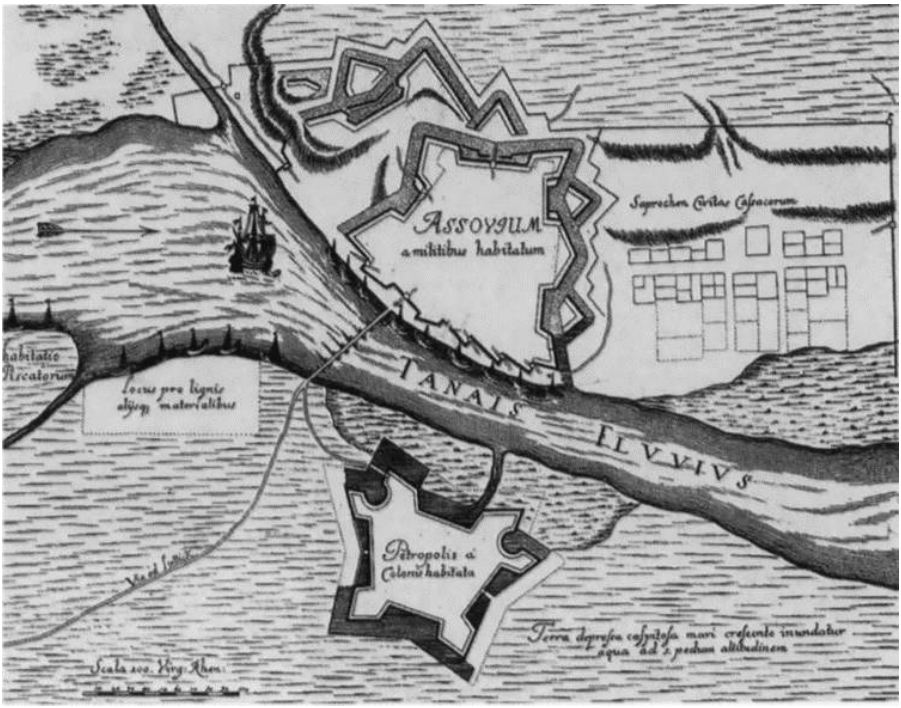


Гербы Ф.Я. Лефорта, пожалованные ему в России

Грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей синдикам и Совету Женевской республики о назначении Лефорта полным генералом

Генерал Патрик Гордон

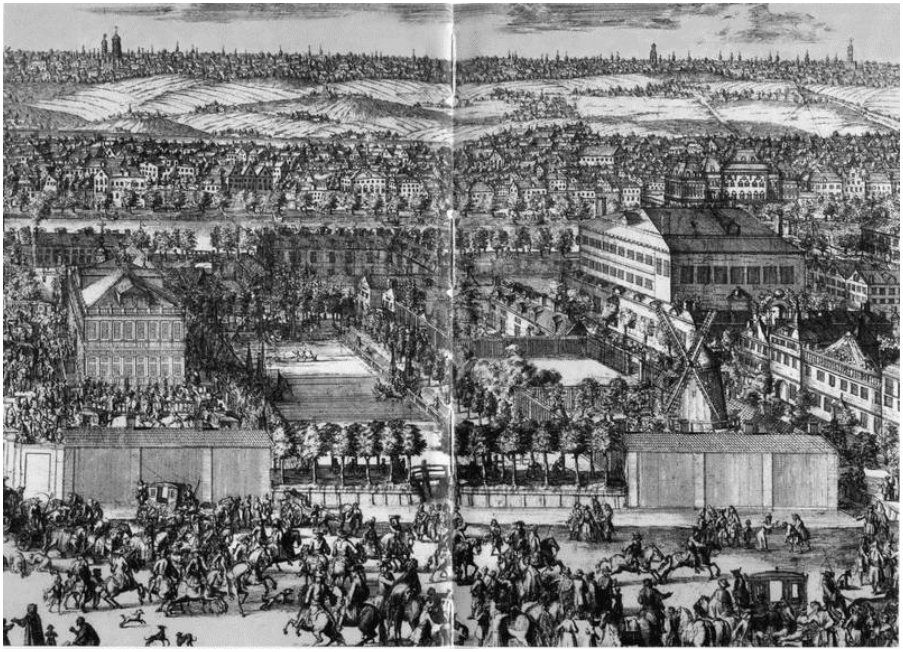
Борис Петрович Шереметев



План укреплений города Азова. Из книги И. Корба «Дневник путешествия в Московию»

Медаль в память взятия Азова. Оборотная сторона

Осада турецкой крепости Азов. Офорт А. Шхонебека, 1699—1700. Фрагмент

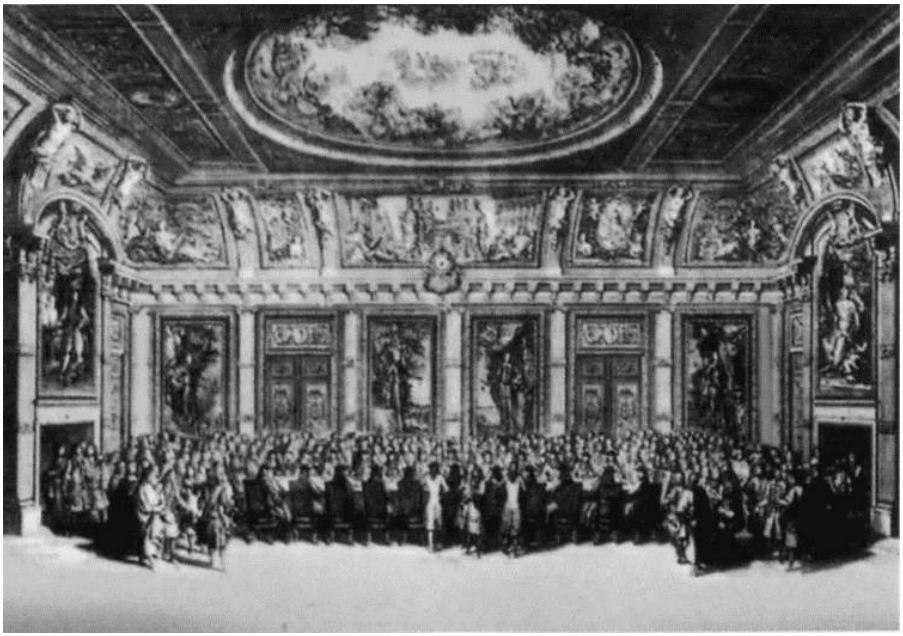


Усадьба Ф.А. Головина. На заднем плане — Немецкая слобода. А. Шхонебек. 1705

Возвращение русских войск после взятия Азова. Немецкая гравюра. 1698

Панорама Амстердама. Гравюра Х. де Лерта. XVIII в.

Проезжий лист великим послам для путешествия по странам Западной Европы. Российский государственный архив древних актов



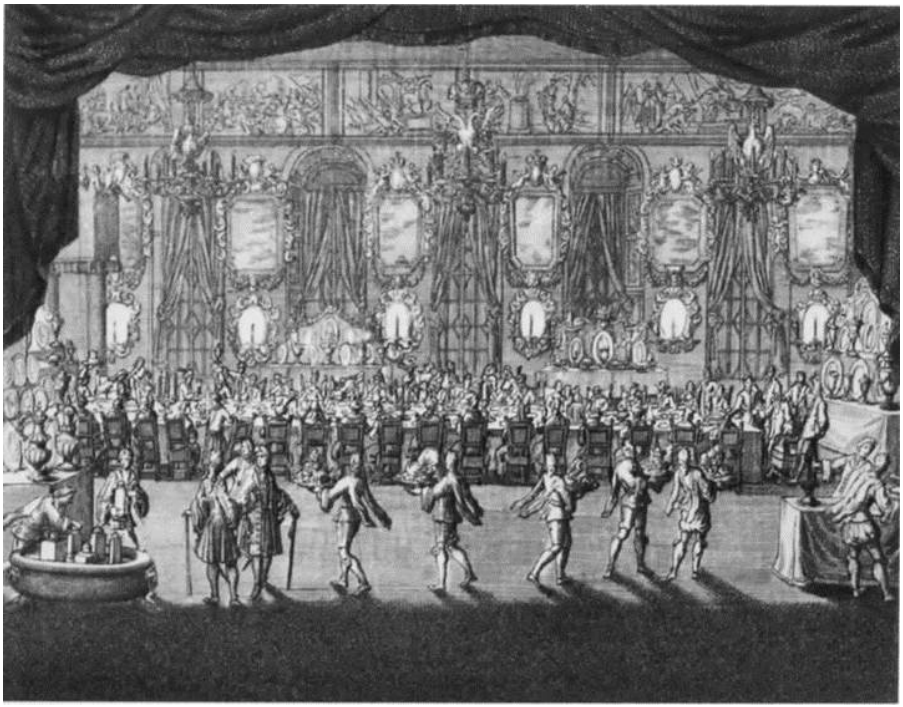
Встреча русского посольства в Гааге 3 октября 1697 года. А. Сторк

Федор Алексеевич Головин

Адмирал Корнелий Крюйс

Прием Великого посольства императором Леопольдом I

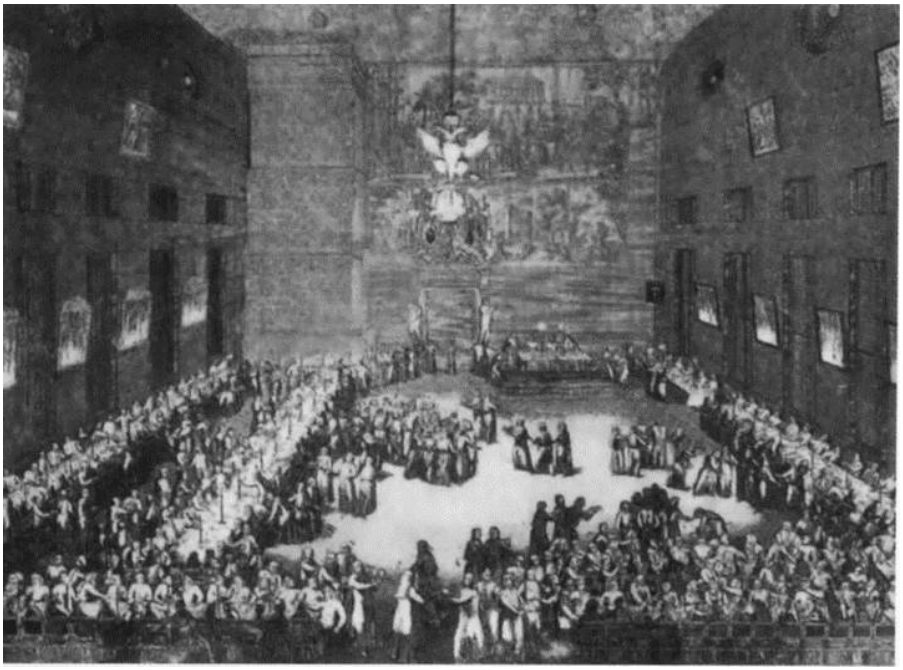
Медаль в память первого путешествия Петра I за границу



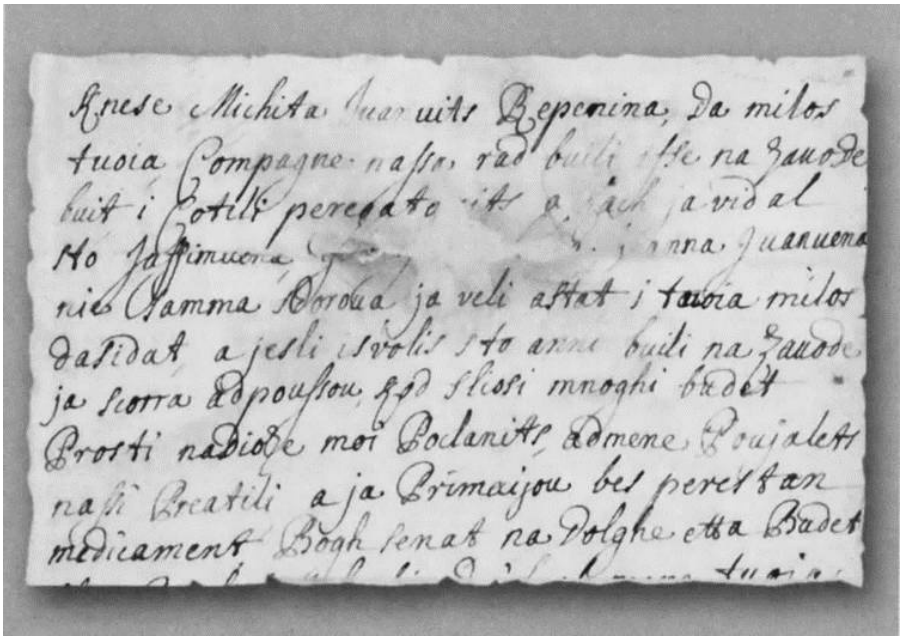
Император Леопольд I принимает московских послов

Корабль. Внизу собственноручная подпись Петра I на русском языке

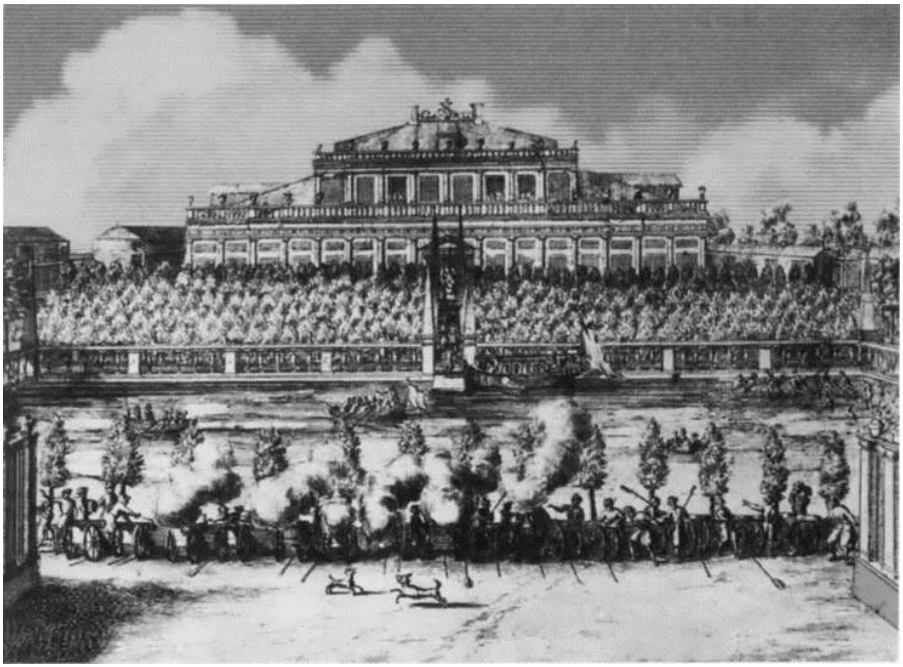
Серебряное позолоченное блюдо с гербом Ф. Лефорта



Убранство парадного зала Лефортовского дворца в Москве (свадьба Филата Шанского, шута Петра I). Гравюра Л. Шхонебека, 1702—1703



Письмо Ф. Лефорта царю Петру I в Воронеж, написанное по-русски латинскими буквами. 1696. Фрагмент



Лефортовский дворец в Москве. Гравюра начала XVIII в.

Ворота Лефортовского дворца. Современный вид

notes

Примечания

1

Фамилия прадеда Франца Лефорта звучала как Лиффорти. Переселившись в Женеву, его сыновья переделали фамилию на французский лад и стали именоваться Лефортами.

2

Похоже, что Франц Яковлевич сильно лукавил, когда хлопотал об отпуске. Известно, что его отец умер еще в 1674 году. Между тем в челобитной на имя царя Федора Алексеевича, поданной в октябре 1681 года, Лефорт показывал, что «в прошлом де во 189-м году (то есть в 1680/81-м. — *Ред.)* в Цесарской земле отца ево не стало, а пожитки, которые остались после отца ево, без него пропадают». Да и вопрос о доле в отцовском наследстве, кажется, не был актуален: в письмах матери Лефорт твердо заявлял, что «если покойный батюшка оставил мне что-нибудь, то все отдаю вам». Им двигало горячее желание увидеть *родных,* и это побуждало его погрешить против истины. *(Прим. ред.)*

З

Город на левом берегу реки Ворсклы, на Украине.

4

Эта воинская часть (включающая в себя несколько полков) насчитывала, по словам Лефорта, 17—18 тысяч человек. «Генерал Гордон хотел иметь этот полк, — писал он брату Ами, — так как в его полку не более 3 тысяч человек. Я ничего не знал о его намерениях… Сказывали мне, что пост вакантный и что я, если пожелаю, получу полк… Случай представился, когда его царское величество удостоил меня посещением. Поговорив с августейшим гостем о разных делах, касавшихся выборных полков, я сказал, что первый генерал (прежний командующий первым выборным полком А.А. Шепелев. — *Ред.)* умер и никто не заботится о полках, имеющих, однако, семь полковников. Тогда государь объявил, что назначит меня при тех полках на место генерала…» Узнав об этом, пишет Лефорт, Гордон стал жаловать на обиду. В результате его жалоб Лефорту было объявлено, чтобы он принял «полк Гордона и что Гордон получит первый. Я огорчился, — продолжает Лефорт, — и просил убедительно не давать мне ни того, ни другого, если не получу первого». Маневр удался, и первый полк был передан ему. *(Прим, ред.)*

comments

Ссылки

1

Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890.

2

Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию. СПб., 1890. С. 252— 253.

3

Перри Джон. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 92

Богословский М. М. Петр I. Т. 2. М., 1940. С. 39, 41.

5

Поссельт Мориц. Генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорт. Его жизнь и его время // Военный сборник (далее — ВС). 1870. № 7. С. 26—27.

Лефорт Ф. Сборник материалов и документов. М., 2006 (далее — *Лефорт)*. С. 39.

ВС. № 7. С. 28.

Лефорт. С. 40-41.

Мышлаевский А. З. Въезд в Россию Франца Лефорта // Русская старина (далее — РС). 1898. № 3. С. 635-649.

ВС. 1870. № 8. С. 228-229.

11

Лефорт. С. 46.

Ковригина В. А. Немецкая Слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII в. М., 1998. С. 25-52.

ВС. 1870. № 8. С. 242.

Лефорт. С 57, 60-61.

15

Там же. С. 64.

16

Там же. С. 256.

17

Там же. С. 302.

18

Там же. С, 303.

19

Там же. С. 308-309.

Вопросы истории. 1976. № 4. С. 121.

Лефорт. С. 64, 67.

Там же. С. 67, 70.

23

ВС. 1870. № 9. С. 24.

Там же. С. 26.

Там же. С. 28—29.

РС. 1891. № 9. С. 441-442.

Лефорт. С. 80.

Там же. С. 83-86.

РС. 1891. № 9. С. 444.

Лефорт. С. 88.

31

Там же. С. 92-93.

РС. 1891. № 11. С. 258-263.

Собрание государственных грамот и договоров. Т. 4. № 193.

Записки русских людей. СПб., 1841. С. 10.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 7. М., 1991. С. 397.

Богословский М. М. Петр I. Т. 1. М., 1940. С. 78, 98.

РС. 1891. № 11. С. 272.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 2. С. 454-463.

39

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 2. С. 467—477.

ВС. 1870. № 10. С. 229.

Тамже. № 11. С. 14-15.

Лефорт. С. 103, 104, 117.

Богословский М. М. Петр I. Т. 1. С. 148—149.

ВС. 1870. № 11. С. 17-18.

Лефорт. С. 125.

Богословский М. М. Указ. соч. С. 140—141.

Лефорт. С. 140, 141.

ВС. 1870. № 12. С. 245-246.

Лефорт. С. 127.

ВС. 1870. № 12. С 251.

Лефорт. С. 119-120.

ВС 1870. № 12. С. 254.

53

Письма и бумаги императора Петра Великого (далее — ПиБ). Т. К СПб., 1887. С. 28-29.

Богословский М. М. Указ. соч. С. 211—212.

Лефорт. С. 157—158.

Записки русских людей. С. 20—21.

ПиБ. Т. 1.С. 32,

Богословский М. М. Указ. соч. С. 225.

Там же. С. 231-232.

Британский источник XVIII в. об Азовских походах Петра I // Исторический архив. 1997. № 3. С. 196-197.

61

ПиБ. Т. 1.С. 49.

Британский источник… С. 197.

Тамже. С. 198.

ПиБ. Т. 1.С. 45-46, 49, 51.

Лефорт. С. 163-164.

ПиБ. Т. 1.С. 53.

Там же.

ПиБ. Т. 1. С. 54-55, 60-62.

Перри Джон. Указ. соч. С. 121.

Лефорт. С. 164. Подробности о болезни Лефорта см.: *Гузевич И. Д., Гузевич Д. Ю.* Болезнь и смерть Франца Лефорта // Петровское время в лицах. СПб., 2004. С. 63-106.

Там же. С. 174, 179.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 2. С. 385.

ПиБ. Т. 1. С. 68-69.

Там же. С. 74-75.

Там же. С. 77.

Тамже. С. 77-78.

Там же. С. 89-90.

Богословский М. М. Указ. соч. С. 333.

ПиБ. Т.I С. 95.

Там же. С 93—94.

Исторический архив. 1997. № 3. С. 203.

ПиБ. Т.І. С. 99.

Там же. С. 596, 601.

ВС 1871. № 2. С. 157.

ПиБ. Т. I. С. 100-101.

Исторический архив. 1997. № 3. С. 204-205.

ПиБ. Т.І. С. 109-110.

Богословский М. М. Указ, соч. С 347—348.

Лефорт. С. 201.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 2. С. 400.

ВС 1871. № 2. С. 168.

ПиБ. Т. I. С. 83-84.

Там же. С 116-117.

Елагин С. И. История русского флота. Период Азовский. Прибавление к приложению III. СПб., 1864.

Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 505.

Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформы Петра Великого. СПб., 1915. С. 76, 118.

Елагин С. И. Указ. соч. С 101.

Там же. С. 311-312.

Панненко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1989. С. 126.

Елагин С. И. Указ. соч. С. 467—468; *Бруин де Корнелий.* Путешествие через Московию. М., 1873. С. 138.

101

ПиБ. Т.І. С. 119-120.

102

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее — ПДС). Т. 8. СПб., 1867. С. 692.

Бакланова И. А. Великое посольство за границу в 1697—1690 гг. // Петр Великий. Сб. статей. М.; Л., 1947. С. 36.

Лефорт. С. 204-205.

105

Бакланова Н. А. Указ. соч. С.11

106

ПДС. Т. 8. С 324-325.

107

Лефорт. С. 210.

Там же. С. 213.

109

ПиБ. Т. 1. С. 117-118.

Там же. С. 186.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб., 1858. С.

ПиБ. Т. 1. С 124-128, 132, 140, 154, 165-170.

Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 25.

Там же. С. 29.

115

ПиБ. Т. 1. С 145.

Там же. С. 149.

Богословский М. М. Указ. соч. Т 2. М., 1941. С. 51—52.

Там же. С. 54.

119

Там же. С. 54-55.

Там же. Т. 3. С. 85.

121

Там же. С. 57-58.

122

ПДС.Т. 8. С. 819.

123

Там же. С. 832.

Богословский М. М. Указ. соч. Т. 3. С. 87—88.

125

Там же. Т 2. С. 85.

Там же. С. 97-98.

127

ПиБ. Т. 1.С. 164.

128

ПДС. Т. 8. С. 894.

129

Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 117—119 и след. См. также: Сборник писем и материалов Лейбница. С. 21; *Герье В.* Отношение Лейбница к России и Петру Великому. СПб., 1871. С. 18—19.

130

ПиБ. Т. 1.С. 185.

131

ВС. 1871. № 2. С 177, 179.

Там же. № 1. С. 7-8.

133

Там же. № 2. С. 182.

Гуськов Л. П. Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005. С. 78.

135

ПДС.Т. 8. С. 921.

Там же. С. 932-933.

137

Там же. С. 937, 940.

Там же. С. 981-985.

139

Там же. С. 987-988.

Там же. С. 1001-1002.

141

Там же. С. 1025-1031.

Лефорт. С. 242.

143

Богословский М. М. Указ. соч. С. 386—389; *Шубинский С. Н.* Исторические очерки и рассказы. СПб., 1918. С. 20—26.

Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 581-582.

145

ПДС. Т. 8. С. 918-919.

Там же. С. 1180-1181.

147

Там же. С. 1241-1242.

148

ПиБ. Т. 1.С. 252.

149

Там же. С. 525-527.

150

ПДС. Т. 8. С. 1291-1293.

151

Там же. С. 1303; *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. 2. С. 432—433.

152

ПДС. Т. 8. С. 1306.

153

Сборник Русского исторического общества. Т. 20. № 6.

154

ПДС. Т. 8. С. 1309.

155

Сборник Русского исторического общества. Т. 20. № 6.

156

ПиБ. Т. 1.С. 253.

Богословский М. М, Указ. соч. С. 463.

Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. 3. С. 130-132; ВС. 1871. № 3.

159

ПДС. Т. 8. С. 1263.

160

ПиБ. Т. 1.С. 263.

161

ПДС Т. 8. С. 1397.

162

ПиБ. Т. 1.С. 266.

163

ВС. 1871. № 3. С. 14.

История Свейской войны. Ч. 1. М., 2004. С. 2.

Лефорт. С. 284, 289.

166

Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906. С. 82-84.

Соловьев С. М. Указ. соч. Т. 9. С. 644.

Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. 4. Ч. 1. С. 132.

169

Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 7. С. 552.

Лефорт. С. 286, 303, 308, 309.

171

ВС. 1871. № 3.С.17.

Богословский М. М. Указ. соч. С. 18.

173

Корб И. Г. Дневник путешествия… С. 94.

Там же. С. 94-95.

Богословский М. М. Указ. соч. С. 123.

Корб И. Г. Указ. соч. С. 108-109.

177

Там же. С. 126-127.

Там же. С. 130-131.

Лефорт. С. 488-489.

ВС. 1871. № 3. С. 18-19.

Богословский М. М. Указ. соч. Т. 4. С. 6—10.

182

Лефорт. С. 261.

183

Там же. С. 283.

Там же. С. 302.